

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© ИНИОН РАН, 2015

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution–NonCommercial–ShareAlike 4.0 International (Атрибуция — Некоммерческое использование — С сохранением условий). С текстом лицензии можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/deed.ru> или отправив письмо на адрес Creative Commons: 171 Second Street, Suite 300, San Francisco, California 94105, USA.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА

В СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

МОСКВА
2 0 1 5

ББК 63.3(2) 62
В 27

Серия
«История России»

*Центр социальных научно-информационных
исследований*

Отдел истории

Ответственный редактор –
канд. ист. наук *М.М. Минц*

Великая Отечественная война в современной историографии: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Минц М.М. – М., 2015. – 182 с. – (Сер.: История России).
ISBN 978-5-248-00770-7

Анализируются работы отечественных и зарубежных историков, посвященные Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., ее социально-экономическим последствиям для Советского Союза, влиянию на систему международных отношений. Особое внимание уделяется современным тенденциям в историографии, использованию новых методологических подходов.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

ББК 63.3(2) 62

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Преддверие и начало Великой Отечественной войны: Проблемы современной историографии и источниковедения. (Реферат)	11
Дэвид Гланц о Красной армии в Отечественной войне. (Сводный реферат)	18
<i>Оришев А.Б.</i> В августе 1941. (Реферат)	30
Блокада Ленинграда. (Сводный реферат)	35
<i>Беркхофф К.</i> Родина в опасности: Советская пропаганда в годы Второй мировой войны. (Реферат)	51
<i>Фролов Д.Д.</i> Советско-финский плен, 1939–1944: По обе стороны колючей проволоки. (Реферат)	58
<i>Хазенклевер Й.</i> Вермахт и оккупационная политика в Советском Союзе: Командующие тыловыми районами групп армий, 1941–1943. (Реферат)	66
<i>Ермолов И.Г.</i> Три года без Сталина: Оккупация: Советские граждане между нацистами и большевиками, 1941–1944. (Реферат)	74
<i>Мусял Б.</i> Советские партизаны, 1941–1944: Мифы и реальность. (Реферат)	79
Эвакуация и тыл. (Сводный реферат)	91
<i>Краснов В.Н., Краснов И.В.</i> Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. (Реферат)	103
<i>Быстрова И.В.</i> Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов, (1941–1945). (Реферат)	109
<i>Крылова А.</i> Советские женщины в бою: История насилия на Восточном фронте. (Реферат)	115

Советские евреи в годы войны и Холокоста. (Сводный реферат)	121
<i>Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.</i> Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945: Проблемы истории, историографии и источниковедения. (Реферат)	141
Земли, охваченные войной: Переселения и восстановление государственности на границах СССР с восточно- европейскими странами, 1945–1950. (Реферат)	147
Ветераны Отечественной войны. (Сводный реферат)	157
Значение Второй мировой войны для истории СССР и постсоветского пространства. (Сводный реферат)	169
Сведения об авторах	182

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник, приуроченный к 70-летию победы над нацистской Германией, задумывался как своеобразный срез текущей историографической ситуации, однако огромный объем изданной в последние годы литературы заставил нас ограничиться относительно небольшим и в известной мере произвольным набором наиболее интересных публикаций, выделяющихся из общего ряда своей тематикой или методами исследования. Как следствие, большая часть представленных здесь материалов основана на работах зарубежных авторов, поскольку западные исследователи по-прежнему гораздо активнее прибегают к разнообразным методологическим новациям, чем их российские коллеги. Тем не менее в сборнике отражены и работы отечественных ученых, посвященные некоторым малоизученным страницам истории участия СССР во Второй мировой войне.

Кроме того, в данном сборнике почти не представлены исследования по истории боевых действий и по истории Красной армии. Дело в том, что, ни в коей мере не умаляя значение этих работ, нельзя не признать, что в методологическом отношении они в большинстве своем весьма однообразны. Вместо этого мы сосредоточились на публикациях «невоенного» характера, раскрывающих человеческое измерение Отечественной войны, ее долгосрочные последствия и исторический контекст.

Сегодняшняя российская историография Отечественной войны производит двойственное впечатление. Если попытаться суммировать ее основные проблемы в нескольких предложениях, то прежде всего следует выделить следующие моменты.

1. До сих пор не завершившийся процесс рассекретивания документов. Формально введенный в законодательство 30-летний срок секретности по существу остается на бумаге, поскольку даже после его окончания документ может быть рассекречен только с

санкции фондообразователя. Понятно, что у многочисленных государственных ведомств на эту работу нет ни сил, ни желания. Даже широко разрекламированное в свое время рассекречивание документов ЦАМО на практике принесло лишь незначительный эффект из-за того, что техническая работа по непосредственному рассекречиванию дел, как обычно, затянулась, а документы центральных органов стратегического управления и многие другие по-прежнему остаются на секретном хранении. Впрочем, чему удивляться, если фонд Главного разведывательного управления в РГВА (разумеется, целиком засекреченный) содержит, как следует из датировки в списке фондов, документы конца XIX в. (!), а от некоторых коллег и поныне можно услышать рассуждения о том, что документы рассекречивать не надо, поскольку в них упоминаются фамилии сотрудников НКВД, что «англичане свои архивы тоже не рассекречивают» и т.д.

2. Недостаточное внимание исследователей даже к тем документам, которые уже введены в научный оборот. Об этом много говорилось, в частности, на конференции в РГГУ в 2011 г., реферат материалов которой помещен в данном сборнике. Впрочем, и здесь удивляться нечему: слова «Но об этом мы писать, конечно, не будем, пусть об этом пишут наши враги» мне приходилось слышать собственными ушами.

3. Уже упоминавшийся консерватизм российского научного сообщества в области методологии: подавляющая часть исследований по истории Отечественной войны по-прежнему пишется в рамках истории боевых действий и истории вооруженных сил. Проблемы социальной, культурной, даже экономической истории изучаются гораздо менее активно.

4. Общий дефицит профессионализма, выражающийся не только в недостаточном количестве профессиональных историков и как следствие – в широком распространении любительских работ самого разного качества, от довольно высокого до не имеющего ничего общего с наукой, но и в заметном количестве посредственных публикаций, вышедших из-под пера профессиональных ученых и снабженных всеми необходимыми реквизитами.

5. Продолжающиеся попытки официальной пропаганды, да и части научного сообщества, возродить идеологию, уходящую своими корнями в эпоху застоя (и через нее – в сталинские годы), но на новой фактологической основе и нередко – с отчетливым привкусом русского национализма. До сих пор публикуются работы, авторы которых утверждают, что секретный протокол к со-

ветско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. не содержит в себе ничего предосудительного, поскольку не предусматривает ничьих обязательств совершить агрессию против кого-либо; что Эстония, Латвия и Литва присоединились к Советскому Союзу «добровольно», а захват Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии был не актом агрессии, а возвращением того, что «принадлежало нам по праву»; что действия советского руководства накануне германского вторжения были правильными и обоснованными, а поражения Красной армии летом-осенью 1941 г. — исторически предопределенными и неизбежными; что депортации горских народов в 1944 г. были «справедливым и гуманным возмездием» за их «предательство»; что рассуждения о цене победы «безнравственны» и т.д. Хуже того, откровенный и неприкрытый «госзаказ» на обоснование подобных тезисов в последние годы подкрепляется всё более решительными претензиями государства на «силовое» вмешательство в науку — от создания «комиссии по фальсификации истории» до недавних поправок в Уголовный кодекс.

К безусловно положительным тенденциям можно отнести растущее количество работ, использующих немецкие источники, и работ, не относящихся к истории боевых действий; некоторые из них представлены в данном сборнике. Хочется надеяться, что его издание поспособствует в какой-то мере дальнейшему развитию в этом направлении.

В зарубежной исторической науке Отечественная война изучается не столь интенсивно, как в России; тем не менее интерес к истории Восточного фронта не иссякает, при этом западные ученые активно осваивают вновь рассекреченные архивные коллекции и гораздо чаще, чем их российские коллеги, применяют новые подходы и методы. Культура написания и оформления научных работ на Западе также остается более высокой, чем в России.

Ситуация с пополнением московских библиотек иностранной литературой, как показала работа над сборником, мало изменилась за четыре года, прошедших с того времени, когда готовился наш предыдущий сборник «Начало Великой Отечественной войны: современная историография». Даже в крупнейших библиотеках иностранные фонды по сравнению с советским периодом довольно бедные и между собой почти не перекрываются, так что многие книги доступны только в одной библиотеке в единственном экземпляре. Помимо библиотеки ИНИОН, при подготовке данного сборника использовались книги из Российской государственной

библиотеки и библиотеки Германского исторического института в Москве, а также значительное количество книг, электронные копии которых были нелегально опубликованы в Интернете. Пиратские библиотеки продолжают неуклонно пополняться новой литературой – к счастью для исследователей, хотя и к растущему неудовольствию издательского сообщества, которое, впрочем, никакой взаимовыгодной альтернативы предложить пока не в состоянии.

Сборник открывает реферат материалов конференции «Преддверие и начало Великой Отечественной войны», состоявшейся в 2011 г. в РГГУ. Участники конференции попытались суммировать накопленные к настоящему моменту знания по этому наиболее драматичному периоду и наметить пути дальнейших исследований. Далее следует сводный реферат (авторы – М.М. Минц и В.М. Шевырин) по двум монографиям американского историка Д.М. Гланца «Колосс поверженный» и «Колосс возрожденный», в которых рассматриваются состояние и действия Красной армии в 1941–1943 гг. Хотя обе книги не лишены спорных положений, они тем не менее являются одним из наиболее фундаментальных исследований на эту тему в современной мировой историографии.

Следующий блок материалов составляют работы, посвященные отдельным страницам и сюжетам истории Отечественной войны. А.Б. Оришев в книге «В августе 1941» описывает подробности такой малоизвестной операции советских войск, как совместная с англичанами оккупация Ирана (реферат Ю.В. Дунаевой). В сводном реферате «Блокада Ленинграда» (автор – М.М. Минц) рассматриваются несколько работ, посвященных различным малоизученным проблемам истории блокады (голод и выживание в условиях блокады, деятельность ленинградских медиков, охрана памятников истории и культуры, память о блокаде). Советская пропаганда в годы войны анализируется в книге голландского историка К. Беркхоффа «Отечество в опасности» (реферат О.В. Большаковой). В монографии Д.Д. Фролова «Советско-финский плен, 1939–1944» (реферат М.М. Минца) описываются судьбы советских и финских военнопленных в годы Зимней войны и Отечественной войны («войны-продолжения»).

Несколько рефератов посвящены ситуации на оккупированных территориях. Немецкий историк Й. Хазенклевер в книге «Вермахт и оккупационная политика в Советском Союзе» анализирует оккупационную политику Рейха на примере военной администрации, управлявшей прифронтовыми областями и подчинявшейся командующим тыловыми районами групп армий (реферат В.П. Любина).

В книге И.Г. Ермолова «Три года без Сталина» описывается феномен «гражданского коллаборационизма» – сотрудничества населения оккупированных советских территорий с немцами, не связанного со службой в РОА и других антисоветских вооруженных формированиях. Партизанское движение в Советском Союзе (на примере Белоруссии) рассматривает в своей работе Б. Мусял (реферат М.М. Минца).

Эвакуации советских граждан в восточные регионы страны и трудностям жизни в тылу посвящен подготовленный М.М. Минцем сводный реферат «Эвакуация и тыл». Участие советских женщин в войне рассматривается в книге А. Крыловой «Советские женщины в бою» (реферат О.В. Большаковой).

Такая тема, как межсоюзнические отношения в годы войны, до недавнего времени почти не привлекала внимания отечественных исследователей. Эта тенденция обозначилась еще в советскую эпоху, когда не только была заложена традиция изучения событий на Восточном фронте фактически в отрыве от истории Второй мировой войны в целом, но и сформировалось пренебрежительное отношение к союзникам по антигитлеровской коалиции, чья помощь СССР якобы была недостаточной и не оказала серьезного влияния на исход войны. Тем не менее появились и первые публикации, призванные восполнить этот пробел. Две такие работы представлены в данном сборнике. В монографии И.В. Быстровой «Поцелуй через океан» (реферат Ю.В. Дунаевой) описываются личные контакты советских граждан с англичанами и американцами – на всех уровнях, от политических лидеров до рядовых военнослужащих, населения портовых городов и т.д. В книге В.Н. и И.В. Красновых рассматривается история ленд-лиза, анализируется значение английских и американских поставок для исхода войны между Советским Союзом и Германией (реферат М.М. Минца).

Два материала посвящены этническим аспектам войны на Восточном фронте. В сводном реферате «Советские евреи в годы войны и Холокоста» (автор – М.М. Минц) представлены несколько работ, охватывающих довольно широкий круг тем – малоизвестные страницы истории Холокоста, историю еврейского сопротивления, подпольного движения и партизанских отрядов, участие евреев в боевых действиях на фронтах Отечественной войны и т.д. Монография А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая и Е.Ф. Кринко посвящена судьбе горцев Северного Кавказа в годы войны (реферат М.М. Минца). Авторы подробно описывают историю участия чеченцев и других горских народов в боях на Восточном фронте,

партизанского движения и коллаборационизма в оккупированных районах Северного Кавказа, прослеживают эволюцию отношения советского руководства к горским народам – от отмены призыва в армию до депортаций 1943–1944 гг.

Завершается сборник тремя публикациями, тематика которых относится уже к послевоенному периоду. Сборник статей «Земли, охваченные войной» под редакцией П. Гэтрелла и Н. Бэрона (реферат О.В. Бабенко) содержит ряд материалов, посвященных восстановлению государственности и перемещениям населения в Восточной Европе в первые годы после окончания Второй мировой войны. В сводном реферате «Ветераны Отечественной войны» (автор – М.М. Минц) представлены работы, описывающие различные аспекты возвращения бывших фронтовиков к мирной жизни, их взаимоотношения с другими общественными группами и с советским государством. Долгосрочным последствиям войны для советского государства и общества посвящен сводный реферат О.В. Большаковой «Значение Второй мировой войны для истории СССР и постсоветского пространства».

Хотелось бы также выразить благодарность Майклу Дэвид-Фоксу (Джорджтаунский университет, Вашингтон), любезно предоставившему для реферирования экземпляр недоступного в России сборника статей «Холокост на Восточном фронте», одним из редакторов которого он является.

М.М. Минц

ПРЕДДВЕРИЕ И НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ:

Материалы международной научно-практической конференции,
Москва, 2 апреля 2011 г. / Сост. А.А. Киличенков. –
М.: Издательский центр РГГУ, 2012. – 251 с.

(Реферат)

Конференции, посвященные истории Отечественной войны, проводились в РГГУ неоднократно. Первая из них состоялась еще в 1995 г., ее тема была обозначена как «Вторая мировая война: проблемы изучения и преподавания в вузе», а материалы были изданы в виде сборника «Другая война, 1939–1945»¹, ставшего заметным событием в российской историографии. Новой тенденцией последних лет стало проведение не только «традиционных» юбилейных конференций, но и более «камерных», часто узкотематических мероприятий с меньшим числом участников, сфокусированных в первую очередь на фиксации текущего уровня знания, достигнутого российской исторической наукой, а также на выявлении и обсуждении новых тем и подходов в изучении истории Отечественной войны. Ограничение количества участников позволило провести более строгий, чем обычно, отбор докладов и выделить больше времени на их обсуждение, которое из «протокольных» ответов докладчика на вопросы слушателей превратилось в содержательную научную дискуссию. Сборник материалов конференции, соответственно, включает не только собственно тексты докладов, но и стенограмму их обсуждения, в которой нередко содержатся не менее интересные сведения и идеи, чем в самих

¹ Другая война, 1939–1945: Сб. ст. / Сост. и авт. предисл. В.Г. Бушуев. – М.: РГГУ, 1996. – 487 с.

докладах. Первая такая конференция прошла 2 апреля 2011 г. и была посвящена кануну и началу Отечественной войны – одной из наиболее сложных и дискуссионных страниц ее истории¹. Рассмотрим некоторые из ее материалов более подробно.

Сборник открывается докладом Ю.А. Никифорова (ИВИ РАН), посвященным продолжающейся дискуссии о целях советских военных приготовлений в первой половине 1941 г. Автор настаивает, что известные нам проекты стратегического плана, разработанные в марте и в мае того года, так и остались не более чем черновиками, к нападению на Германию СССР не готовился, а советское военное планирование вплоть до германского нападения строилось на доктрине «ответного удара», исходя из того, что от мобилизование и развертывание главных сил Красной армии должно будет осуществляться уже после начала боевых действий. Реализацией этой доктрины Никифоров считает и планы прикрытия границы, разработанные в мае-июне, и даже майский проект стратегического плана, который, по его мнению, предусматривал не упреждающий удар по германским войскам, а всего лишь предварительные меры к тому, чтобы сократить развертывание главных сил РККА после начала боевых действий.

К докладу Никифорова тематически примыкает доклад В.А. Арцыбашева (Главархив Москвы) об отражении военно-стратегических концепций, разрабатывавшихся в СССР в межвоенный период, в советском стратегическом планировании накануне Отечественной войны. Арцыбашев приходит к выводу, что известные нам проекты стратегического плана на случай войны с Германией, с заложенной в них идеей нанесения главного удара по южной Польше с целью отрезать Германию от Румынии, были основаны на «стратегии измора», а не на «стратегии сокрушения», как может показаться на первый взгляд. В ходе обсуждения доклада этот вывод вызвал возражения со стороны А.Ю. Ермолова (во время конференции работал в Московском институте электроники и математики, в настоящее время – в Высшей школе экономики), напомнившего участникам конференции, что основные железнодорожные магистрали проходили западнее Кракова и не могли быть перерезаны советскими войсками, если бы довоенные планы удалось реализовать на практике.

¹ 21 июня 2014 г. состоялась еще одна конференция, на которой обсуждалась история Отечественной войны в целом, но ее материалы, к сожалению, пока не опубликованы. – *Прим. реф.*

В докладе Б.Л. Хавкина (РГГУ) подробно описывается процесс разработки плана «Барбаросса», рассматриваются многочисленные предварительные эскизы плана войны с Советским Союзом, подготовленные высшими штабами германских вооруженных сил во второй половине 1940 г. Н.С. Тархова (РГВА) в своем докладе описывает недавно рассекреченный и введенный в научный оборот комплекс источников – донесения о мобилизационной готовности частей и соединений Западного особого военного округа в последние предвоенные месяцы. Она отмечает, уже в ходе обсуждения доклада, что комплексный анализ массовых источников по состоянию Красной армии перед войной до сих пор практически не производился, и это следует признать безусловным упущением отечественного научного сообщества.

Доклад Н.Т. Ерегиной (Ярославская государственная медицинская академия) посвящен историографии такой малоизученной темы, как советская медицина накануне Отечественной войны и степень ее подготовленности к войне. Автор приходит к выводу, что «обобщающих комплексных работ о степени готовности медицинской службы Советской Армии и гражданского здравоохранения к Великой Отечественной войне, основанных на новых подходах и новых документах, до настоящего времени нет. Многие положения и сюжеты лишь обозначены, проиллюстрированы отдельными примерами и нуждаются в дальнейшем исследовании. Их всестороннее изучение будет способствовать созданию более полной картины деятельности медицинской службы, возвратившей в годы войны в строй около 17 млн раненых и больных, что позволяет сделать вывод о том, что в значительной степени войну выиграли возвращенные в строй из госпиталей солдаты и офицеры» (с. 70).

Немецкие документы как источник по истории первых операций 1941 г. на Восточном фронте рассматриваются в докладе А.В. Исаева (ОАО «ВымпелКом»). Автор анализирует особенности немецкой штабной документации (значительный ее массив в настоящее время доступен в Интернете), приводит конкретные примеры ее использования. По его заключению, обращение к немецким источникам позволяет не только уточнить наши знания о ходе отдельных боев и операций, но и значительно скорректировать представления о летне-осенней кампании 1941 г. в целом. Немецкие источники, в частности, опровергают распространенные мифы о «неуязвимости» советских танков КВ-1 и Т-34 и «абсолютном господстве» в воздухе германской авиации, не подтверждают преувеличенные представления о значении радиосвязи для успеха не-

мецких операций и т.д. При этом, как и в более ранних своих публикациях, Исаев продолжает отстаивать тезис о том, что действия советского командования в 1941 г. были вполне оправданными и соответствующими обстановке. В ходе обсуждения доклада этот вывод вызвал возражения ряда участников конференции (А.А. Киличенков, М.А. Головко).

К позиции Исаева близка и точка зрения В.А. Литвиненко (НИИ военной истории Академии Генерального штаба, бывший Институт военной истории Министерства обороны), в докладе которого описывается эволюция отечественной историографии начала войны с первых послевоенных лет до настоящего времени и также делается вывод, что катастрофический характер летне-осенней кампании 1941 г., как и некомпетентность военно-политического руководства СССР, в современной литературе часто преувеличиваются. В последующей дискуссии между В.А. Литвиненко, А.В. Исаевым и А.А. Киличенковым (РГГУ) выявилась и такая проблема, как разное понимание допустимого уровня потерь в германской и советской военных школах, и как следствие – различия в употреблении термина «катастрофа».

М.И. Мельтюхов в докладе «К вопросу о причинах поражений Красной Армии в 1941 г.» обсуждает такую проблему, как уровень подготовки личного состава РККА перед войной. Он приходит к выводу, что причины катастрофы 1941 г. следует искать прежде всего именно здесь, поскольку сейчас уже известно, «что вермахт и его союзники вовсе не превосходили в количественном отношении советские войска, а вооружение войск противоборствующих сторон было в целом вполне сопоставимо по своим качественным параметрам», численное же превосходство германских войск было довольно быстро сведено на нет начавшейся в СССР мобилизацией (с. 95–96).

В докладе М.Ю. Мягкова (МГИМО, ИВИ РАН) анализируются причины катастрофы Западного фронта в Белоруссии в двадцатых числах июня 1941 г. С.Е. Новиков (Минский государственный лингвистический университет) в своем докладе, опираясь на немецкие источники, описывает ход боев за Могилёв 20–26 июля 1941 г. – один из тех нечастых в первые недели войны случаев, когда дивизии Вермахта натолкнулись на упорную, грамотно выстроенную оборону советских войск, преодолеть которую им удалось только в результате многодневных кровопролитных боев. Доклад Н.А. Копылова (МГИМО) посвящен особенностям военного строительства в Прибалтийском особом военном округе – самом

молодом из советских военных округов, созданном летом 1940 г. на территории только что присоединенных к СССР прибалтийских республик.

Общий анализ причин неудачного для Красной армии начала войны дается в докладе М.Э. Морозова (НИИ военной истории Академии Генерального штаба). Особое внимание автор обращает на следующие факторы: непонимание советской военной элитой характера современной войны; недооценка вследствие этого возможностей Германии осуществить нападение на Советский Союз по такому же сценарию, по которому осуществлялось, к примеру, вторжение в Польшу в 1939 г. (внезапный удар заблаговременно отмобилизованных и развернутых на границе главных сил нападающей армии); одновременная реорганизация большого количества частей и соединений, резко снизившая уровень боеспособности РККА в целом, в условиях, когда опасность войны с Германией возрастала с каждым днем.

Сравнению идеологических установок Вермахта и Красной армии и их влиянию на ход боевых действий на Восточном фронте посвящен доклад В.А. Артамонова (ИРИ РАН). Тему продолжает доклад Е.С. Сенявской (ИРИ РАН) об общественных настроениях в СССР летом 1941 г. В последовавшем обсуждении затрагиваются также источниковедческие аспекты этого вопроса. Л.А. Тёрушкин анализирует морально-психологическую подготовленность бойцов Красной армии к войне с Германией, основываясь на письмах и дневниках лета-осени 1941 г., собранных в возглавляемом им архиве Российского научно-просветительского центра «Холокост». Он приходит к выводу, что советские военнослужащие были слабо подготовлены к той войне, которую им пришлось вести, — не знали своего противника, переоценивали «классовую солидарность» немецких рабочих и крестьян с советскими, не представляли всю степень опасности, которую нес нацистский режим и т.д., что, возможно, следует рассматривать как одну из причин неудач РККА в первые месяцы войны. Перелом в мышлении красноармейцев, по его заключению, завершился лишь к осени 1942 г. Доклад, как показывает стенограмма, вызвал оживленную дискуссию, участники которой не смогли прийти к единому мнению о репрезентативности писем как источника для изучения настроений личного состава враждующих сторон. Особенности морально-психологического состояния советского общества накануне и в начале войны посвящен также доклад В.Н. Земскова (ИРИ РАН).

Л.А. Молчанов (РГГУ) описывает деятельность русских коллаборационистских газет на оккупированной территории. Истории уничтожения советских евреев в 1941 г. и ее отражению в современной исторической литературе и исторической памяти посвящен доклад И.А. Альтмана (РГГУ).

Завершает сборник доклад С.Г. Осьмачко (Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО, ныне филиал Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского), посвященный осмыслению опыта Отечественной войны в целом и перспективам ее дальнейшего изучения.

Подводя итоги конференции, ее ведущий А.А. Киличенков (РГГУ) в своей заключительной статье констатирует, что «произошедшая в последний период политизация истории войны и связанный с ней всплеск острого публицистического интереса не оказали ощутимого воздействия на процесс научного поиска» (с. 234–235, со ссылками на работы А.Р. Дюкова, В.Р. Мединского, Н.А. Нарочницкой, И.В. Пыхалова). Дальнейшее приращение научного знания возможно только на пути строго научного скрупулезного анализа доступных к настоящему моменту источников с применением новых методологических подходов и методик исследования, выработанных исторической наукой. Вместе с тем прозвучавшие доклады и их обсуждение позволяют выявить несколько новых тенденций, которые, если они получают дальнейшее развитие, могут в перспективе стать началом нового этапа в исследовании Отечественной войны.

Так, в ходе конференции неоднократно подчеркивалась «необходимость обновления теории и методологии исследования истории войны, в том числе и ключевых, базовых понятий, выполняющих в рамках любого исследования роль несущих конструктивных элементов» (с. 235). Конференция показала также, что существующие представления об Отечественной войне по-прежнему сильно мифологизированы, это оказывает влияние не только на массовое сознание, но и на деятельность профессиональных историков. Причем в настоящее время можно констатировать как смену прежних советских мифов новыми контрмифами (к примеру, известный миф о фатальной технической отсталости Красной армии в 1941 г. дополняется мифом о подавляющем превосходстве Вермахта в техническом отношении и контрмифом о неуязвимости советских танков KB-1 и Т-34), так и возрождение некоторых старых мифов на новой фактологической основе (ярким примером этого является озвученный А.В. Исаевым тезис о том, что действия советского

руководства в 1941 г. были вполне грамотными и обоснованными, а поражения Красной армии летом-осенью того же года – исторически обусловленными и неизбежными). Вопрос об упущенных альтернативах, напротив, остается практически неисследованным. Как результат, приходится признать, «что мы, в действительности, до сих пор не имеем адекватного, исчерпывающего представления об истинном механизме поражений 1941 года. Важно понимание того, что это был именно механизм, а не просто набор причин» (с. 236).

Еще одним фактором, сдерживающим дальнейшее развитие историографии войны, является недостаточное внимание историков к многочисленным источникам, недавно введенным в научный оборот, в особенности к массовым источникам и документам немецкой стороны. В целом ряде случаев эта проблема оказывается едва ли не более серьезной, чем затянувшееся рассекречивание архивов. Наконец, дополнительные трудности создает то обстоятельство, что усилия многих исследователей до сих пор сосредоточены по преимуществу на анализе военно-политической истории событий 1939–1941 гг., тогда как по-настоящему глубокое понимание этого периода невозможно без обращения к многочисленным смежным темам, прежде всего к несобытийной истории.

М.М. Минц

ДЭВИД ГЛАНЦ О КРАСНОЙ АРМИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (Сводный реферат)

1. Гланц Д.М. Колосс поверженный: Красная армия накануне мировой войны.

Glantz D.M. Stumbling colossus: the Red Army on the eve of the World War. – Lawrence (Kan.): Univ. press of Kansas, 1998. – XVII, 374 p.: ill.

2. Гланц Д.М. Колосс возрожденный: Красная армия в войне, 1941–1943.

Glantz D.M. Colossus reborn: the Red Army at war, 1941–1943. – Kansas: Univ. press of Kansas, 2005. – XIX, 807 p.: ill.

Дэвид М. Гланц, основатель и редактор «Журнала славянских военных исследований» (The Journal of Slavic Military Studies), является, по-видимому, крупнейшим на данный момент западным специалистом по войне на Восточном фронте в 1941–1945 гг. Его перу принадлежат более двух десятков книг, посвященных истории Красной армии и советского сопротивления с нацистской Германией. Монографии «Колосс поверженный» и «Колосс возрожденный» составляют в некотором роде квинтэссенцию его наработок (две книги задумывались как первая и вторая части трилогии, но третья ее часть пока не появилась). Обе работы писались уже в постсоветский период, с привлечением огромного массива недавно рассекреченных документов.

В продолжающейся научной полемике вокруг военно-политических целей сталинского руководства накануне операции «Барбаросса» Гланц присоединился к наиболее жестким критикам В.А. Суворова. Он не считает, что Советский Союз готовил нападение на Германию в 1941 г., и разделяет распространенное, хотя и

не бесспорное, утверждение, что Суворов своими работами пытается оправдать нацистскую агрессию против СССР (см.: 1, с. XII–XIII)¹. Частью его полемики с Суворовым стали реферируемые книги, и это оказало влияние на их содержание и структуру. Так, к числу наиболее спорных тезисов Суворова относится утверждение о том, что Красная армия весной 1941 г. была прекрасно подготовлена к войне практически во всех отношениях, а главная причина ее неудач летом-осенью того же года состояла в том, что она готовилась не к оборонительной войне, а к наступательной. Многие оппоненты Суворова со своей стороны отстаивают прямо противоположную – и тоже весьма уязвимую для критики – точку зрения, согласно которой Советский Союз был совершенно не готов к войне и Сталин не мог этого не понимать; следовательно, ни о какой подготовке к нападению на Германию не могло быть и речи. Этой точки зрения придерживается и Гланц, поэтому первая из двух его книг, рассматриваемых в данном реферате, целиком посвящена состоянию Красной армии накануне Отечественной войны.

Книга структурирована по проблемно-тематическому принципу и состоит из девяти глав, соответствующих отдельным аспектам подготовки Советского Союза к войне. Почти все главы завершаются подробными статистическими разделами.

Первая глава монографии посвящена численности советских вооруженных сил перед войной. Перевод армии в 1930-е годы с территориально-милиционной на кадровую основу и введение в 1939 г. всеобщей воинской повинности позволили советскому руководству увеличить ее в несколько раз, а весной 1941 г. началась фактически скрытая частичная мобилизация. К моменту германского нападения советские войска насчитывали, по данным автора, 5 млн 373 тыс. человек личного состава в 303 дивизиях различных типов. Всеобщая мобилизация, запущенная в первые дни войны, позволила к 31 августа довести численность армии до 6 млн 889 тыс. человек

¹ В настоящее время обе реферируемые книги уже переведены на русский язык. Перевод первой книги см.: *Гланц Д. Колосс поверженный: Красная Армия в 1941 году.* – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 539 с. Перевод второй книги был выпущен теми же издательствами в двух томах, но без указания на то, как именно каждый из них соотносится с оригиналом. Перевод частей I и II см.: *Гланц Д.М. Советское военное чудо, 1941–1943: Возрождение Красной Армии.* – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 639 с. Перевод части III: *Гланц Д. Восставшие из пепла: Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы.* – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 543 с. Во избежание путаницы ссылки в реферате даются на английские издания, благо обе книги доступны в московских библиотеках и в переводе, и в оригинале.

(450 дивизий), а к концу года она превысила 8 млн человек (592 дивизии). Автор, однако, отмечает, что советская дивизия того времени была примерно в два раза слабее немецкой. Кроме того, «истинную боеспособность Красной армии», по его мнению, «следует измерять по степени ее боеготовности. Одним из важных индикаторов боеготовности Красной армии на 22 июня 1941 г. были потери, понесенные ею в первые шесть месяцев войны, эквивалентные 229 дивизиям» (4 308 094 человека) (1, с. 17).

Рассматривая в следующей главе состояние командных кадров РККА, автор соглашается с мнением Н. Раманичева, что низкий уровень их подготовки во многом перечеркнул огромное количество и часто очень неплохое качество имевшегося в советских войсках вооружения и техники. Главной причиной такого положения Гланц считает массовые чистки, проводившиеся в вооруженных силах в 1937–1938 гг. и продолжавшиеся, хотя и в меньших масштабах, вплоть до 1941 г. включительно. Чистки не только лишили армию и флот тысяч квалифицированных командиров и штабных работников, но и создали атмосферу нервозности и страха, парализующих всякую инициативу. Ситуацию усугубило стремительное наращивание численности армии в последние предвоенные годы. В отдельном параграфе кратко описываются биографии и дается оценка деятельности ряда наиболее известных советских военачальников – от командующих армиями до наркома обороны С.К. Тимошенко. Важным недостатком советской системы стратегического управления было полное отсутствие органов руководства войсками в военное время и планов по их созданию. После начала боевых действий такие органы пришлось формировать в порядке импровизации. В мирный период работу многочисленных командных инстанций сильно затрудняла постоянная корректировка принятых планов и стратегических концепций, отражавшая сложные зигзаги внешней политики Сталина.

В третьей главе обсуждается социальный облик советского солдата. Автор отмечает, что на Западе до сих пор распространено упрощенное стереотипное представление о бойцах и командирах Красной армии, восходящее еще к воспоминаниям немецких генералов и офицеров. Во многом это связано с тем, что в советское время доступ зарубежных ученых к отечественным источникам был крайне затруднен, в советской литературе специальные исследования опыта простых солдат отсутствовали, а в официальной пропаганде простой человек на войне представал по сути в обезличенном виде. Ситуация начинает исправляться лишь в послед-

ние годы. По оценкам Гланца, существующая источниковая база для такого рода исследований довольно обширна и включает не только многочисленные воспоминания и дневники солдат и младших офицеров, введенные в научный оборот в постсоветский период, но и вновь рассекреченные документы органов НКВД, да и немецкие аналитические материалы по Красной армии изучены еще далеко не полностью.

Стратегические, оперативные и мобилизационные планы накануне войны советскому командованию пришлось разрабатывать заново и фактически с нуля, поскольку расширение территории СССР в соответствии с пактом Молотова – Риббентропа перечеркнуло все предыдущие расчеты. Последствия этого сказались уже во время Зимней войны: отсутствие заранее проработанных планов мобилизации и переброски войск привело к хаосу в тылу и еще больше осложнило и без того непростое положение на финском фронте. Кроме того, на новых границах отсутствовали укрепленные районы для отражения первого удара немцев, а дорожная сеть во вновь присоединенных западных областях была развита слабее, чем к востоку от старой границы, да и перешивка железнодорожной колеи с европейского стандарта на советский требовала времени. Полностью решить эти проблемы до начала войны с Германией советское руководство так и не успело.

Анализируя доступные материалы советского военного планирования, автор приходит к выводу, что основным недостатком стратегических планов 1940 – весны 1941 г. было то, что они базировались на доктрине «ответного удара» и предусматривали проведение полномасштабной мобилизации уже после начала боевых действий. Подготовленный в мае 1941 г. план нападения на Германию Гланц рассматривает как один из многих «черновых чрезвычайных планов», разработанных в Генеральном штабе, большинство из которых «остались погребенными в российских архивах». Даже если этот план действительно докладывался Сталину, «то, учитывая его известные действия в 1941 г., можно достаточно определенно утверждать, что он не одобрил бы такого предложения» (1, с. 95). Начавшееся в мае 1941 г. скрытное стратегическое развертывание на Западном театре автор считает не подготовкой к осуществлению этого плана, а очередной стадией «вползания в войну», т.е. реализацией той стратегии, на которой основывались предшествующие расчеты советского командования. Мобилизационный план 1941 г. (план МП-41) позволил советской стороне более или менее успешно (хотя и с существенными оговорками) про-

вести всеобщую мобилизацию в условиях начавшейся Отечественной войны, однако с точки зрения экономических возможностей СССР реализовать его в полной мере было просто невозможно даже при самых благоприятных обстоятельствах, что имело свои последствия.

Несколько глав посвящены проблеме боеготовности различных родов войск накануне войны. Автор отмечает, что военная реформа, запущенная в Красной армии в 1940 г. после назначения наркомом обороны С.К. Тимошенко, была довольно амбициозной, но осуществлялась в спешке, не всегда продуманно и к тому же так и не была завершена до начала войны с Германией. Завершить ее даже в общих чертах, по оценке Гланца, можно было не ранее лета 1942 г., а на укомплектование всех вновь развернутых танковых дивизий и корпусов до полного штата потребовалось бы еще несколько лет. В результате соединения, которые по замыслу должны были быть исключительно мощными, на деле обычно испытывали серьезный некомплект вооружения, техники, транспорта, средств связи и т.д., уровень подготовки личного состава оставался низким (сказывался и переизбыток новобранцев в войсках, поскольку численность РККА непрерывно наращивалась), не хватало квалифицированных командиров. Дополнительные сложности были связаны с тем, что многие танковые соединения формировались на базе кавалерийских дивизий и корпусов; их командный состав зачастую довольно плохо разбирался в применении современных танковых войск.

Советская артиллерия к началу войны численно превосходила немецкую и не уступала ей по качеству орудий, но эти преимущества в значительной степени нивелировались низкой боевой подготовкой артиллеристов; проблемы отмечались как с эффективностью выявления и поражения целей, так и с организацией взаимодействия с другими родами войск. Остро ощущалась также нехватка транспорта – большинство артиллерийских батарей передвигалось либо на конной тяге, либо с использованием мощных, но тихоходных тракторов, что довольно сильно снижало их мобильность. Как и в танковых войсках, не была налажена служба эвакуации и ремонта поврежденной техники; с началом войны это обернулось повышенными потерями в материальной части. В инженерных войсках и войсках связи не хватало современного оборудования, кроме того, мобилизация этих родов войск была по существу провалена. Тыловые подразделения в мирное время содержались по сокращенным штатам и оказались не в силах обеспечить боевую деятельность войск в первые дни войны до окончания мобилизации. Мобилизационным пла-

ном МП-41 предусматривалось развертывание довольно мощной службы тыла в течение 30 дней, но на деле эту задачу удалось выполнить лишь частично. Наибольшие трудности возникли опять-таки с транспортом.

Советская авиация имела подавляющее численное превосходство над противником даже с поправкой на большое количество неисправных самолетов и нехватку обученных экипажей, а амбициозные планы по насыщению авиасоединений самолетами новейших образцов позволяли в перспективе превратить ее в довольно серьезную боевую силу, но германское нападение застало советские ВВС в самый разгар реорганизации, т.е. в момент их наибольшей уязвимости. Завершить эту реорганизацию предполагалось к лету 1942 г. Положение усугублялось несовершенной организационной структурой военно-воздушных сил (авиация дальнего действия незадолго до войны была децентрализована, основная ее часть передана в подчинение военных округов), крайне низкой боевой выучкой пилотов и постоянной кадровой чехардой и чистками, особенно в центральном аппарате.

В восьмой главе описывается процесс формирования новых дивизий и армий летом-осенью 1941 г. Первоначальные планы мобилизации и подготовки стратегических резервов были по существу сорваны. Советскому командованию приходилось раз за разом бросать в бой только что сформированные резервные армии раньше срока, недостаточно обученными и без необходимых средств усиления. Неизбежным следствием этого были огромные потери и новые поражения. Только к декабрю 1941 г. численность и техническая оснащенность войск достигли достаточного уровня для того, чтобы остановить и отбросить противника.

Причинами этих трудностей были не только внезапное нападение немцев и катастрофические поражения в приграничных боях, но и отсталая, недостаточно развитая инфраструктура, которую известный в свое время советский военный теоретик А.А. Свечин обозначил ёмким термином «крестьянский тыл». Любопытно, что особенностей этого «крестьянского тыла» не понимали по-настоящему не только советские руководители, но и немцы. И если для советской стороны замедленная мобилизация обернулась избыточными потерями и бесконечными неудачами на фронтах, то для немцев неприятной неожиданностью оказалась способность Советского Союза раз за разом восстанавливать численность своих армий, так что германским частям приходилось снова и снова преодолевать упорную оборону советских войск. В конце концов это

привело к срыву операции «Барбаросса», а затем и к полному поражению Германии в войне.

Заключительная глава монографии посвящена проблеме советской разведки накануне германского вторжения. Анализируя опубликованные к настоящему времени документы, Гланц приходит к выводу, что действовала она в целом вполне эффективно, так что «советские военные и политические руководители, так же как и многие нижестоящие фигуры в иерархии командования, хорошо знали о немецких приготовлениях к нападению. Разведка дала адекватное представление о масштабах этих приготовлений, равно как и весомые свидетельства агрессивных намерений немцев» (1, с. 254), несмотря даже на то, что аналитические разделы докладов составлялись с оглядкой на предполагаемую точку зрения Сталина и потому содержали предвзятые интерпретации излагаемых в тех же докладах фактических сведений. Неверие «вождя» в близость нацистской агрессии автор объясняет тем, что Сталин, осознавая сам факт германской угрозы, тем не менее «не осознавал остроты угрозы и масштабов грядущего нападения немцев». Кроме того, по мнению Гланца, Сталин «хорошо понимал, что война неотвратима, но считал, что ее можно избежать до 1942 г., когда программа военных реформ будет завершена. Активные обманные действия немцев, последующие немецкие операции на Балканах и откладывание “Барбароссы” до конца июня могли поспособствовать этому заблуждению. Усилившиеся указания на грядущее вторжение в июне по идее должны были вывести Сталина из этого заблуждения – но после того как он однажды уже убедил себя в том, что войну можно оттянуть, ему было бы трудно изменить свои неверные представления» (1, с. 257). Всегдашняя подозрительность генсека вкупе с верой в собственную непогрешимость обернулись, таким образом, против него самого.

Подводя итоги, автор делает вывод, что «в 1941 г. Красная армия была страшно не готова к войне» (1, с. 260); проводившиеся в то время спешные мероприятия по ее перевооружению и реорганизации могли быть закончены не ранее лета 1942 г. Сталин, по мнению Гланца, хорошо это понимал, так что главной движущей силой его внешней и военной политики в 1939–1941 гг., особенно же в первой половине 1941 г., был прежде всего страх перед неминуемо надвигающейся германской агрессией. «Это понимание, – пишет автор, – создало ясный контекст для кажущихся иррациональными советских дипломатических и военных мероприятий с 1939 по лето 1941 г. И это также объясняло кажущуюся иррацио-

нальной реакцию Сталина и советского политического и военного руководства на предоставленные разведкой весной 1941 г. ясные указания на близость войны» (1, с. 260).

В следующей книге Гланца «Колосс возрожденный» рассматривается положение Красной армии в самый трудный, драматический период ее истории – 1941–1943 гг., первые 30 месяцев войны. По мнению автора, в западной и советской (российской) историографии нет исследований, в которых бы отображалась подлинная картина войны. Западные историки оказались не на высоте задачи потому, что основу их работ составляли прежде всего германские источники, которые грешат определенной схематичностью и неадекватным изображением противника, предвзятостью многих оценок войны. Тем не менее исследователи долгое время обращались в основном именно к этим источникам, в которых советско-германская война рисуется скорее как фон, на коем происходят куда более драматические операции, вроде боев при Эль-Аламейне, высадки в Нормандии и др. В результате складывается ошибочное впечатление, что фактически победу над нацистской Германией одержали западные союзники СССР (2, с. 612).

Частое обращение западных историков к немецким источникам во многом было обусловлено и недостатком научной информации о войне на английском языке, и очевидными изъянами советских (российских) исследований, связанными с идеологией, с «холодной войной» и ее издержками, с вторжением в научные исследования цензуры, что вело к сознательному замалчиванию, игнорированию многих событий войны, некоторых ее сражений. Автор утверждает, например, что до 40 сражений войны выпало из поля зрения советских историков (2, с. XVII). Использование такого рода литературы на Западе было чревато снижением читательского доверия к труду того западного исследователя, который бы отважился широко ее привлекать в своем анализе войны на советско-германском фронте.

Вместе с тем Гланц отдает должное профессионализму советских историков и подчеркивает, что немало их работ о конкретных событиях войны носит объективный, академический характер. Автор не устает отмечать и большие достоинства современных публикаций архивных документов и мемуаров о войне. Он даже выражает свою признательность правительству Российской Федерации за эти публикации и особую благодарность приносит ветеранам за их воспоминания о войне, в которой они сумели выжить и победить. Автор замечает, что война оставила глубокий след в ду-

ше народа. Эти новейшие публикации широко используются и в реферируемой книге. Кроме того, их почти полный спектр представлен в библиографии.

В целом Гланц стремится понять историю феномена Красной армии, накануне войны представлявшей, по его словам, «колосс на глиняных ногах», который терпел вначале катастрофические поражения, но из огня поражений эта армия, по его же словам, восстала, как птица Феникс из пепла, – колосс возродился во всей своей силе. И после Курской битвы его путь шел от победы к победе и завершился полным разгромом гитлеровской Германии.

Книга состоит из введения, трех больших частей («Красная армия в войне (1941–1943)»; «Сила»; «Вожди и ведомые») и заключения. Она снабжена обширным справочным аппаратом, картами, таблицами, иллюстрациями.

В первой части подробно исследуются проблемы «забытой войны», в том числе и ее дискуссионные вопросы, освещаются те сражения (под Уманью и Киевом, под Харьковом, в Крыму, под Вязьмой и Ржевом, в районе Кривого Рога, Никополя, в Донбассе и др.), которые по разным причинам недооценивали или игнорировали советские (российские) историки. Эта часть исследования включает три главы: о первом периоде войны – с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г., о втором периоде войны – с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г., о советском военном искусстве (оборонительных и наступательных операциях, маневрах резервами, тактике).

Во второй части характеризуются вооруженные силы страны – различные рода войск (артиллерия, бронетанковые войска, авиация, инженерные и железнодорожные войска, войска химзащиты и т.д.), их численность, вооружение, организация, резервы и т.д., показаны количественное и качественное состояние Красной армии, ее сложная структура, развитие принципов вождения войск, система командования и контроля, методы обучения личного состава и т.п. Автор полагает, что до него столь широкого исследования разнообразного состава Красной армии еще не проводилось (2, с. XVIII).

В третьей части показана организация руководства Красной армии, рассмотрена деятельность ее главного командования, Народного комиссариата обороны (НКО), Генштаба, а также НКВД. Автор пишет об офицерском корпусе Красной армии, ее командных кадрах – от кризиса к возрождению в горниле войны, а также о рядовом составе армии, простых солдатах в боевой обстановке

и на отдыхе, их национальном составе. Отдельный очерк посвящен службе женщин в армии.

Первые 18 месяцев войны Красная армия терпела сокрушительные поражения. Вермахт оккупировал 30% территории европейской части Советского Союза с миллионами жителей, с развитыми промышленностью и сельским хозяйством. Из 12 млн потерь 6 млн человек приходилось на армию – убитыми, пленными и пропавшими без вести. Потеряв более чем 3 млн ($\frac{2}{3}$ состава мирного времени или $\frac{1}{3}$ от мобилизованных сил) в 1941 г., Красная армия и флот потеряли еще 3 млн 200 тыс. человек в 1942 г. (2, с. 120). Уже в первые полгода войны немецкие войска достигли пригородов столиц – Москвы и Ленинграда. Красная армия и советское государство были вынуждены бороться за свое выживание. Ставка и Генштаб вырабатывали новые подходы к строительству армии, ее обучению и обеспечению всем необходимым, к подготовке командных кадров, способных эффективно руководить войсками, чтобы достичь стратегического и тактического превосходства над Вермахтом. Но все это потребовало значительного времени и стоило больших жертв.

Командующие фронтами, армиями, корпусами и дивизиями, которые в течение последних 30 месяцев войны вели победоносные сражения, были теми, кто получил горький опыт в страшных поражениях ее первых 18 месяцев и сумел извлечь из него уроки, необходимые для победы. Характерна стабильность высших командных кадров (уровень фронта, армии, корпуса, дивизии): воевавшие в 1941–1943 гг., они руководили войсками и в победные 1944–1945 гг. Особенно прославились своими боевыми успехами Жуков, Конев, Ватутин, Василевский. В то время пока армия получала этот так дорого стоивший ей опыт на полях сражений, Ставка, НКО и Генштаб, также учитывая уроки войны, реформировали, меняли структуру командных органов, осваивали новые принципы руководства войсками. Одновременно ускоренными темпами шло насыщение армии современным оружием в таком количестве, чтобы на поле боя можно было успешно действовать против лучше обученных и экипированных солдат Вермахта. В результате уже с начала 1942 г. и далее – в первой половине 1943 г. Ставка, НКО и Генштаб, слаженно действуя, сумели создать новую, высокобоеспособную Красную армию во главе с командными кадрами, прошедшими закалку в огне сражений, армию, вооружение которой нередко превосходило по своим боевым качествам германскую военную технику. В связи с этим автор отмечает, что военные поставки

по ленд-лизу «оказались особенно важными» (2, с. 122). Появление именно такой новой армии и продемонстрировали Сталинградская и Курская битвы. Это была очень мобильная армия, ударную силу которой составляли бронетанковые войска, поддерживаемые мощной артиллерией и надежно прикрытые с воздуха.

1943 год стал решающим для исхода войны. Захватив стратегическую инициативу под Сталинградом и Курском, Красная армия уже никогда не уступала ее противнику. К лету 1943 г. стало очевидно, что ее окончательная победа неизбежна. Она искусно переходила от обороны к стратегическому наступлению, которое широко развернулось в 1944 г., демонстрируя военное искусство на всех уровнях командования войсками и превосходя в этом военачальников Вермахта.

Однако, отмечает автор, в Красной армии случались и рецидивы «плохих привычек», приобретенных некоторыми командирами в самом начале войны. Например, применялись стоившие больших потерь лобовые атаки в то время, когда можно было бы добиться поставленных целей меньшей кровью. Неудивительно, что в памяти потомков сохранилось неоднозначное отношение ко многим маршалам и генералам военной поры. Другой недостаток части командных кадров, особенно на уровне командиров корпусов и ниже, заключался в недостатке инициативы и гибкости, что в определенной мере зависело от характера операций, проводимых на уровне армии и фронта, командующие которыми ставили цели, к достижению коих неукоснительно должны были стремиться нижестоящие командиры. Серьезной проблемой в Красной армии было и сохранение политического контроля, хотя Государственный комитет обороны (ГКО) в 1943 г. и упразднил институт военных комиссаров. «Нелояльных» режиму солдат и офицеров «вычищал» НКВД, войска которого, насчитывавшие полмиллиона человек, решали также задачи борьбы с диверсантами, охраны объектов, военного строительства и т.д. Наряду с политическим контролем в армии действовали и драконовские меры по поддержанию дисциплины. Во время войны создавались штрафные части, которые бросали на самые опасные участки фронта.

Но главное – солдаты, несмотря ни на какие жертвы, любили свою родину и ненавидели немецких захватчиков. И еще они верили, что после войны жизнь будет лучше.

Эта солдатская масса представляла собой очень сложную мозаику в возрастном, социальном, национальном, образовательном, идеологическом отношении. Это были мужчины и женщины,

вчерашие рабочие, крестьяне, служащие, бывшие дворяне и кулаки, партийные и беспартийные, комсомольцы, уголовники и «политики», дети номенклатурных работников, грамотные и неграмотные, люди различных национальностей. За время войны в армии служили почти 35 млн человек. Их возраст колебался от 17 до 55 лет, хотя среди них были люди и моложе и старше этого возраста. На 22 июня 1941 г. в Красной армии насчитывалось 5 млн 400 тыс. солдат, служивших в 27 армиях, 95 корпусах и 303 дивизиях. К 31 декабря 1943 г. численность армии значительно выросла – теперь в ней состояло до 10 млн солдат (94 армии, 253 корпуса, 838 дивизий). За этот период армия понесла тяжелые боевые и не боевые потери (8 млн 700 тыс. человек убитыми, 19 млн 700 тыс. человек больными и ранеными).

Из 35 млн служивших в ней в течение войны свыше 21 млн человек (67%) были призваны из Российской Федерации. Из них 19 млн (90%) – русские; 6 млн 400 тыс. (19%) – призваны с Украины и Белоруссии, а 6 млн 900 тыс. – из других республик СССР. Общая численность военнослужащих – неславян составляла 8 млн человек. Из 1 млн женщин 500 тыс. служили в действующей армии, в основном в ПВО, авиации, а 500 тыс. в нестроевых частях (2, с. 588).

Несмотря на такое разнообразие этой солдатской массы, у нее в 1941–1943 гг. было общее – ведя спартанское существование, она выживала и училась побеждать. При этом солдаты Красной армии оставались частью политической системы и своего общества, где личность была не защищена.

М.М. Мини, В.М. Шевырин

Оришев А.Б.
В АВГУСТЕ 1941. –
М.: Вече, 2011. – 318 с.
(Реферат)

Книга А.Б. Оришева, специалиста по истории Ирана и советско-иранским отношениям, посвящена малоизученному эпизоду Второй мировой войны, первой совместной военной операции СССР и Великобритании – вводу войск на территорию Ирана в августе 1941 г. Книга состоит из 26 коротких глав, приложения (приводятся выдержки из донесений и документов иранской разведки, приказы советских войск), списка литературы. Автор использует архивные материалы (АВП РФ, Архив Министерства внешнеэкономических связей, Архив Службы внешней разведки России, РГАСПИ и др.), официальные опубликованные документы, мемуары, научные исследования, справочники.

В первых главах А.Б. Оришев подробно рассказывает, как в Иране пересекались торговые, военные, промышленные интересы трех стран – СССР, Германии, Великобритании. Иран, богатый полезными ископаемыми, газом и нефтью, был чрезвычайно привлекателен как источник сырья и стратегических материалов (хлопок, шерсть и т.п.). В предвоенные годы с Советским Союзом отношения складывались непросто. В 1921 г. был заключен советско-иранский договор, согласно которому советское правительство отказывается от царских займов, концессий и сооружений и выплачивает Ирану огромную по тем временам сумму – более 100 млн рублей. Согласно статьям 5 и 6 этого договора, СССР мог вводить войска на территорию страны в том случае, если третьи страны будут использовать территорию Персии как базу для войны с Россией. В 1930-е годы отношения между странами начали постепенно ухудшаться, прекращали деятельность советско-иранские предприятия, не удава-

лось решить вопрос о границе, сокращалось число консульств в обеих странах.

Англичане занимали доминирующее положение на юге Ирана, в 1909 г. была образована Англо-персидская нефтяная компания (АПНК), контрольный пакет акций принадлежал англичанам. Они выплачивали мизерные суммы иранскому правительству. «В те годы англичан в Иране считали какими-то сверхъестественными существами, контролирующими и управляющими всей страной. От желания или нежелания Лондона нередко зависел состав правительственного кабинета в Тегеране. Действовали при этом британцы через свою дипломатическую миссию, а порой не гнушались введением на территорию Ирана вооруженных сил» (с. 8).

Но самые тесные отношения сложились у Ирана с Германией. Промышленными поставками в Иран занимались гиганты немецкой индустрии: «АЭГ», «Бош», «Крупп» и др.; в прикаспийских районах страны находились военные специалисты и советники. К концу 1930-х годов Германия занимала первое место по количеству наименований импортных и экспортных товаров, пишет А.Б. Оришев. Немцы активно работали в идеологической области: в 1936 г. специальным декретом иранцы были объявлены «чистокровными арийцами» и освобождены от ограничений расистских законов. С подачи германских дипломатов, предполагает А.Б. Оришев, Персия была переименована в Иран (от древнеиранского *Aryana* – страна ариев). Германские политики, отмечает автор, особое значение придавали идеям исламизма, увязывая их с персидским национализмом. Идеи персидского шовинизма и паниранизма легли в основу государственной идеологии в 1930-е годы. Немцы создали на территории страны разветвленную шпионскую сеть, контактируя с жителями, представителями местных националистов, религиозными деятелями, вождями кочевых и полукочевых племен.

Начало Второй мировой войны существенно изменило расклад сил. 4 сентября 1939 г. Иран подтвердил свою позицию нейтралитета и готовность защищать его силой оружия. Вначале немецкое правительство спокойно приняло это решение, оно позволяло ему и дальше разрабатывать иранское сырье и развивать торговые отношения. Но в дело быстро вступили англичане, они заблокировали купленные Германией товары, стали перебивать германские закупки, предлагая заведомо завышенную цену. Банки, подконтрольные англичанам, не давали кредитов торговцам, связанным с немцами.

Начавшаяся война, изменение экономической ситуации заставили Реза-шаха пересмотреть отношения с Советским Союзом. С осени 1939 г. он обращается к руководству СССР с предложением экономического сотрудничества. После подписания советско-германского Договора о ненападении 1939 г. советское правительство согласилось разрешить транзит товаров в Германию из Ирана, Афганистана и ряда других стран через территорию СССР. Но, подчеркивает А.Б. Оришев, готовясь к войне с Советским Союзом, Германия постепенно сокращала торговые отношения с Ираном. К 22 июня 1941 г. «торговля Германии с Ираном фактически была сведена к нулю» (с. 43).

После нападения фашистской Германии на СССР, уже 26 июня 1941 г. иранский посол в Москве подтвердил, что его правительство намерено соблюдать нейтралитет. В действительности же ситуация была гораздо сложнее. Иранцы «не могли не считаться с нарастающим военным перевесом стран “оси”, к тому же они ненавидели англичан – своих традиционных противников, и хотели с помощью Германии избавиться от британского господства. Сталинский же режим на правящие круги в Иране наводил ужас, и поэтому известие о германской агрессии в шахском дворце восприняли с радостью» (с. 81–82).

Английское правительство хотело закрепить в Иране и усилить там свое военное присутствие. Первоначально англичане рассматривали Иран и Афганистан как территории, необходимые для защиты Среднего Востока от советской угрозы или даже для возможной войны против СССР. Но нападение Германии на Советский Союз превратило бывших противников в союзников. Как только Великобритания заявила о поддержке СССР в битве с фашистской Германией, английские военачальники стали разрабатывать планы вторжения в Иран. А.Б. Оришев пишет, что долгое время инициатором вторжения считалась советская сторона, но в конце 1950-х годов «бывший турецкий посол в Лондоне признал, что именно англичане “настаивали на оккупации страны и установлении контроля над иранским правительством”» (цит. по: с. 90).

Для СССР Иран был чрезвычайно важен: Трансиранская железная дорога, порт Бендер-Шахпур, шоссе Зенджан–Тебриз позволяли доставлять в страну военную и гуманитарную помощь стран Запада. Советское и британское правительства, конечно, были обеспокоены заметным немецким присутствием в Иране. В июле и августе 1941 г. послы СССР и Великобритании вручили иранскому правительству ноты с требованием прекратить враждебную дея-

тельность немцев и выслать их из страны. В это же время союзники вели переговоры о согласовании военного вторжения.

25 августа 1941 г. в 3 ч. 30 мин. утра В.М. Молотов вручил иранскому послу в Москве М. Саеду ноту советского правительства о вводе Красной армии в Иран. Примерно в то же время в Тегеране советский посол и английский посланник вручили премьер-министру страны ноты о начале военной операции. Советский Союз, пишет А.Б. Оришев, ввел войска в Иран, ссылаясь на уже упоминавшуюся статью 6 советско-иранского договора от 26 февраля 1921 г.

Еще до вручения ноты, в 2 часа ночи, началось наступление советских войск на Северный Иран. Со стороны Закавказья в бой выдвинулись 44-я и 47-я армии Закавказского фронта, 27 августа к ним присоединилась 53-я отдельная Среднеазиатская армия. К 7 утра поставленная боевая задача была выполнена: пограничные части перешли границу Ирана, подавили сопротивление передовых постов шахской армии, достигли намеченных рубежей и перерезали дороги, ведущие в административные центры. Вслед за пограничниками пошли передовые отряды армейских соединений. Несмотря на занятия, которые проводили немецкие инструкторы, иранская армия не смогла оказать серьезного сопротивления, среди командиров началась паника, они не понимали что делать, пишет автор. Реза-шах избрал тактику «пассивного сопротивления», он не отдал приказ взрывать мосты и автостреды, приостановил начавшуюся мобилизацию частного автотранспорта, столичный гарнизон был распущен по домам. «Нежелание кровопролития и осознание того, что в случае начала широкомасштабных боевых действий будут потеряны результаты реформ, проводимых им (Реза-шахом. — *Реф.*) все предыдущие годы, вынудило иранского правителя склонить голову перед Англией и СССР. Он трезво оценивал перспективы вооруженной борьбы и поэтому избрал именно эту тактику» (с. 183).

1 сентября 1941 г. иранское правительство согласилось отвести войска и выслать из страны всех немцев за исключением сотрудников посольств и гражданских технических специалистов. 8 сентября СССР, Великобритания и Иран заключили соглашение, определившее места дислокации войск союзников. 16 сентября Реза-шах отрекся от престола в пользу своего старшего сына Мохаммеда Реза Пехлеви.

Важнейшим результатом иранской операции, пишет А.Б. Оришев, стал полный разрыв германо-иранских торгово-экономических

связей. Все договоры и соглашения с Германией были аннулированы. 4 сентября 1941 г. советское правительство приняло решение конфисковать все принадлежащие немцам товары, денежные средства, лежащие на счетах германских подданных в отделениях Национального банка Ирана в Иранском Азербайджане. Осенью 1941 г. было принято решение о поставках военной техники и товаров из США и Великобритании в СССР. В 1942 г. советское и иранское правительства подписали договор о союзе, который, в частности, определял условия транзита военной и гуманитарной помощи через территорию Ирана. Таким образом, СССР и Иран стали союзниками, постепенно численность советских войск была сокращена. Полностью советские войска были выведены с территории Ирана 9 мая 1946 г.

Ю.В. Дунаева

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА **(Сводный реферат)**

1. Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде, 1941–1944.

Life and death in besieged Leningrad, 1941–1944 / Ed. by J. Barber, A. Dzenishevich. – Basingstoke (Hampshire); N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. – XXVIII, 243 p.: ill.

2. Мэддокс С. Эти памятники должны быть сохранены! Сталинский поворот к прошлому и охрана памятников во время блокады Ленинграда.

Maddox S. These monuments must be protected! The Stalinist turn to the past and historic preservation during the blockade of Leningrad // The Russian review. – Syracuse (N. Y.), 2011. – Vol. 70, N 4. – P. 608–626.

3. Ки́ршенбаум Л.А. Наследие осады Ленинграда, 1941–1995: Миф, мемуары и монументы.

Kirschenbaum L.A. The legacy of the siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, memoirs, and monuments. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2006. – XV, 309 p.: ill.

Блокаде Ленинграда посвящено значительное количество исследований, отечественных и зарубежных. Здесь представлены некоторые наиболее интересные из них.

В сборнике «Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде» (1) под редакцией Джона Барбера (Кембридж) и А.Р. Дзенискевича (Санкт-Петербургский институт истории РАН) собраны статьи ряда российских авторов, посвященные медицинской истории блокады. Как отмечают составители в предисловии, тема эта до сих пор относится к числу малоизученных, несмотря на то что голод и лишения, перенесенные ленинградцами, особенно зимой 1941–1942 гг., уже в послевоенные годы привели к многочисленным проблемам

со здоровьем у многих из них, а по некоторым данным, отразились и на здоровье их детей. Медицинские последствия голода активно изучались ленинградскими врачами в годы войны и некоторое время после ее окончания, но в дальнейшем эти исследования были свернуты.

Изучение истории голода в блокадном Ленинграде, подчеркивают Барбер и Дзенискевич, важно не только для исторической науки, но и с чисто практической точки зрения, поскольку массовый голод имел место и во второй половине XX в., еще в начале 1990-х годов число голодающих в мире оценивалось в полмиллиарда. Между тем из известных случаев массового голода именно история ленинградской блокады относится к числу наиболее подробно документированных. В постсоветский период исследователи получили доступ к ранее засекреченным архивам; кроме того, в их распоряжении имеется огромный массив воспоминаний о блокаде, сохраняется и возможность личного общения с последними представителями уходящего блокадного поколения. Авторы сборника «сознают, что предмет данной книги слишком обширный и сложный для того, чтобы адекватно отразить его в одном томе, но всё же надеются, по крайней мере, что в нем получит освещение одна из темных областей истории осады Ленинграда, что, в свою очередь, послужит стимулом для других к ее дальнейшему исследованию» (1, с. XI).

Развивая эти мысли во введении, Барбер отмечает, что история голода, как правило, довольно плохо поддается изучению, поскольку голод обычно случается в бедных местностях, с недостаточно развитой администрацией; этим и обуславливается дефицит источников. Так, до тех пор, пока не были рассекречены советские документы, посвященные положению в блокированной Северной столице, наиболее тщательно исследованным считался голод в Голландии в 1944–1945 гг., масштабы которого были, к счастью, несравнимы с ленинградскими. Уровень смертности в блокадном Ленинграде, особенно в первую зиму, был одним из самых высоких в истории, он сопоставим с другими крупнейшими катастрофами такого рода, включая голод в СССР в 1932–1933 и 1946–1947 гг. Широкая источниковая база по ленинградской блокаде, таким образом, дает историкам редкую возможность детально проанализировать обстоятельства массового голода, реакцию на него властей и населения, стратегии выживания, последствия для здоровья и т.д.

Попытки классифицировать случаи голода в зависимости от их причин предпринимались неоднократно, однако исследовательская практика показывает, что чаще всего природный и человеческий факторы действовали одновременно, усиливая друг друга. Явное исключение составляет голод во время войны, единственной причиной которого являются целенаправленные действия одной из противоборствующих сторон. Страшный парадокс войны состоит в том, что голод как оружие применяется с целью принудить противника к капитуляции, однако поражает в первую очередь не солдат неприятельской армии, которые обычно снабжаются в приоритетном порядке, а гражданское население как наиболее уязвимое. Поскольку случай с Ленинградом относится именно к этой категории, Барбер склоняется к выводу, что в сложившихся обстоятельствах голод был неизбежен. Грамотные и своевременные действия властей по накоплению запасов продовольствия, своевременный переход на нормированное питание и эвакуация большего числа детей и больных до того, как замкнулось кольцо блокады, могли бы уменьшить масштабы катастрофы, но вряд ли этого хватило бы, чтобы полностью предотвратить ее. Зная намерения гитлеровского руководства, пишет он, можно предположить, что и сдача Ленинграда противнику скорее всего не спасла бы его жителей от голода.

Сборник открывает статья Н. Черепениной (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга), посвященная демографической ситуации и состоянию здравоохранения в Ленинграде перед войной. Население города на 1 января 1941 г. насчитывало примерно 2 млн 992 тыс. человек. Доля мужчин была несколько снижена, поскольку большое количество мужчин уже были призваны в армию. Крайне высокой (45,8%) была доля лиц, находившихся на иждивении других членов семьи, в том числе детей; с началом блокады это дополнительно усложнит положение в городе. В 1939–1940 гг. уже наблюдалось снижение рождаемости и повышение смертности, включая детскую, – из-за призыва мужчин в армию, холодной зимы, перебоев с поставками топлива и т.д. К 1941 г. положение выправилось, но оставалось весьма неустойчивым. Планы эвакуации, разработанные в начале 1930-х годов, устарели. Система здравоохранения, по оценке автора, «была хорошо подготовлена к войне – но никто не ожидал, что Ленинград на долгое время окажется в осаде, и к этому город подготовлен не был» (1, с. 26).

В следующей своей статье Черепенина рассматривает вопрос о количестве жертв блокады. Источниковая база по данному во-

просу по-прежнему остается неполной, эту проблему, вопреки ожиданиям многих ученых, не решило даже рассекречивание архивов. Источниковедческое исследование документов времен войны также еще не проводилось, что дополнительно осложняет ситуацию. По данным автора, смертность в Ленинграде начала расти уже в июле 1941 г., превысив в одном этом месяце показатели за всё первое полугодие, но голод стал ее главной причиной лишь в ноябре, когда в городе умерло свыше 11 тыс. человек. В декабре было зарегистрировано уже почти 54 тыс. смертей. Пик голода пришелся на январь – начало февраля 1942 г.: в январе погибло примерно 127 тыс. человек, в феврале – 123 тыс.; большинство погибших составляли взрослые мужчины. С конца февраля смертность пошла на спад, но оставалась тем не менее довольно высокой вплоть до окончания блокады. Всего в 1942 г. умерло около 520 тыс. человек. Мужчин и женщин в числе погибших было примерно поровну, но доля мужчин в населении города была существенно меньше половины; это означает, что смертность среди них была гораздо выше, чем среди женщин. В том же году еще 800 тыс. человек были эвакуированы; вместе с ранеными красноармейцами и беженцами из других городов, оказавшимися в Ленинграде, число эвакуированных перевалило за 1 млн. На 1 января 1944 г. в городе проживало всего 557 760 человек. В 1944 г. население снова стало расти (в том числе за счет вернувшихся из эвакуации), превысив 1 млн жителей к 1 июля 1945 г.; в этот же период смертность вернулась к довоенному уровню.

Наибольшее число ленинградцев были эвакуированы в Вологодскую и Ярославскую области; их положение описывает в своей статье М.И. Фролов (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина). Согласно его оценкам, местные власти в целом довольно успешно справились с размещением эвакуированных и обеспечением их необходимой медицинской помощью, несмотря на крайне ограниченные ресурсы обоих регионов. Тем не менее смертность среди эвакуированных была довольно высокой, как в пути, так и по прибытии к новому месту проживания, поскольку многие из них к моменту отъезда из Ленинграда находились уже в крайней степени истощения. Меры, принятые вологодскими и ярославскими властями и медицинским персоналом, позволили лишь уменьшить количество жертв.

Статья А.Р. Дзенискевича посвящена деятельности ленинградских медицинских институтов во время войны. Несмотря на экстремальные условия блокады, ученые-медики проделали ог-

ромную работу по организации необходимой помощи раненым солдатам и гражданскому населению Ленинграда, а также по изучению влияния голода на здоровье. Эта работа продолжалась и после снятия блокады, но довольно быстро была свернута – отчасти по политическим причинам, отчасти из-за того, что восстановление нормальной жизни в городе поставило перед учеными новые задачи. Как результат, долгосрочные последствия блокады для здоровья ленинградцев остались по большей части неизученными.

Биологические и психосоматические аспекты жизнедеятельности и выживания в условиях голода рассматриваются в статье С.В. Магаевой (НИИ общей патологии и патофизиологии РАМН, Москва). Автор сама пережила блокаду, в 1941 г. ей было 10 лет. Она отмечает, что к числу основных причин истощения помимо голода относились также холод и перманентный стресс, связанный с постоянной опасностью для жизни. При этом сохранившиеся материалы, оставленные врачами во время блокады, показывают, что одинаково тяжелые условия переживались разными людьми по-разному и приводили к различным результатам. Сопrotивляемость организма определялась несколькими факторами, включая генетически предопределенную устойчивость или уязвимость к недоеданию, психологическую устойчивость и волю к жизни, а также физиологические резервные механизмы, природа которых остается неясной.

В. Чирский (Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург) в своей статье описывает деятельность ленинградских патологоанатомов в период блокады. На первый взгляд, отмечает автор, их работа в условиях осажденного города, умирающего от истощения, может показаться излишней, но в действительности патологоанатомы внесли довольно существенный вклад в изучение особенностей дистрофии и сопутствующих заболеваний. Результаты их наблюдений позволили также скорректировать методы лечения и в конечном счете снизить уровень смертности.

В статье И. Козлова и А. Самсоновой (Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург) сравниваются показатели физического развития детей, переживших блокаду Ленинграда, и московских детей, обследовавшихся в 1930-е годы. Тему продолжает статья Л. Хорошиной (Санкт-Петербургская медицинская академия последипломного образования) об отложенных последствиях длительного голода для ленинградцев, переживших блокаду в детстве. Статья написана по материалам патологоанатомической

экспертизы тел пациентов, умерших в Санкт-Петербургском госпитале для ветеранов войн в 1989–2000 гг.

Завершает сборник статья Б. Белозерова (Санкт-Петербургский университет МВД России), посвященная преступности в блокадном Ленинграде. К наиболее частым видам преступлений относились хищения продовольствия и продовольственных карточек, использование карточек умерших родственников и т.п., но наибольшую опасность представляли вооруженные банды, промышлявшие грабежами, а также убийствами с целью завладеть карточками жертв. Борьба с бандитизмом осложнялась тем, что сотрудники милиции сами находились на грани истощения. Зимой 1941–1942 гг. отмечались случаи людоедства; пик пришелся на февраль 1942 г., когда по обвинению в каннибализме только за первую половину месяца были арестованы 494 человека – больше, чем за весь январь. Всего же с 1 июля 1941 по 1 июля 1943 г. военные суды рассмотрели дела 15 193 человек по обвинению в различных преступлениях, 2093 человека были приговорены к расстрелу. Подавляющее большинство ленинградцев, таким образом, удержались от противоправных действий даже в экстремальных условиях блокады.

* * *

Стивен Мэддокс (Канизийский колледж, Буффало, США) в статье «Эти памятники должны быть сохранены!» (2) описывает усилия ленинградских деятелей культуры по защите городских памятников от разрушения в блокадные месяцы в общем контексте исторической политики сталинского руководства 1930–1940-х годов. Движение в защиту памятников истории и культуры зародилось в России задолго до Второй мировой войны; в Петербурге – Петрограде – Ленинграде его позиции были особенно сильными. С начала 1930-х годов ценность памятников, причем не только связанных с революционными событиями, но и памятников царской эпохи, была признана сталинским руководством, что обеспечило их защитникам необходимую правовую и идеологическую базу. В условиях начавшейся войны с Германией усилия по сохранению исторических ценностей принимались по всей стране, включая как эвакуацию музеев на восток, так и защиту монументов и исторических зданий от повреждения в ходе боевых действий. Ленинград на общем фоне выделяется, с одной стороны, особенно большим количеством памятников, нуждавшихся в защите, с другой стороны – тем, что он не был оккупирован, но при этом на протяжении

двух с половиной лет находился в зоне боевых действий. Это дало возможность ленинградским архитекторам, художникам, музейным работникам и др. обеспечить защиту городских памятников в максимальном объеме, но одновременно предопределило беспрецедентный масштаб стоявших перед ними задач, выполнять которые к тому же приходилось в нечеловеческих условиях блокады.

Смена ориентиров в политике памяти преследовала главным образом прагматические цели. Не отказываясь полностью от коммунистической идеологии, сталинское руководство тем не менее попыталось построить своеобразный вариант советского патриотизма, поскольку «пролетарский интернационализм» 1920-х годов в чистом виде представлялся недостаточно надежной основой для массовой мобилизации в случае новой войны, опасность которой резко возросла после захвата Маньчжурии Японией и прихода нацистов к власти в Германии. В рамках этой новой политики произошла «реабилитация» дореволюционного прошлого, его наследие вновь стало рассматриваться как предмет национальной гордости и источник примеров для подражания. Была создана система центральных и местных органов по охране памятников.

Наращение международной напряженности беспокоило и культурную общественность, помнившую опыт Первой мировой войны. В 1936 г. были разработаны планы эвакуации музейных экспонатов и других «транспортабельных» культурных ценностей из Ленинграда, активно изучалось воздействие современной войны на культурное наследие и меры по его защите, принимавшиеся в Западной Европе (на примере Гражданской войны в Испании и начавшейся Второй мировой). Этот опыт был в дальнейшем использован в годы Отечественной войны.

Первые мероприятия по защите памятников Ленинграда были организованы буквально в первые же дни после германского нападения, в соответствии с решениями Ленсовета от 25 июня. Началась маскировка золотых куполов и шпилей, которые могли послужить ориентирами для немецких летчиков; мраморные и небольшие бронзовые статуи были сняты с пьедесталов, крупные памятники (такие как Медный всадник) обложены мешками с песком и накрыты деревянными коробами. Лица, участвовавшие в этой работе, освобождались от призыва в армию и от мобилизации на строительство укреплений на подступах к городу. Известны случаи, когда к работам по укрытию памятников привлекались солдаты и даже школьники.

С началом блокады эти работы были ускорены, тем более что на Восточном фронте немцы, как уже выяснилось к тому моменту, нередко разрушали исторические памятники сознательно. Принятие необходимых мер, однако, затруднялось погодными условиями, немецкими авианалетами и артобстрелами, нехваткой ресурсов, а начиная с ноября – также физическим истощением людей из-за недоедания. Архитекторы и скульпторы, занимавшиеся охраной памятников, в этих условиях вынуждены были сосредоточить свои усилия почти исключительно на документировании ущерба, минимальном, самом необходимом ремонте, а также на описании и обмерах памятников на случай, если они будут разрушены. Некоторые объекты из-за нехватки сил и средств пришлось оставить вовсе без защиты. Городские власти, в частности, решили не укрывать памятники Суворову, Кутузову и Барклаю де Толли, чтобы использовать их как элемент монументальной пропаганды.

В начале 1942 г., когда заработала Дорога жизни, работы по сохранению памятников были возобновлены. Их цель по-прежнему оставалась двоякой: с точки зрения не только городской администрации, но и самих архитекторов, занимавшихся защитой культурного наследия, сохраняемые памятники представляли ценность не только сами по себе, но и являлись важным инструментом патриотического воспитания. Об этом свидетельствуют такие меры, как сооружение фанерных макетов на месте разрушенных построек, восстановить которые до окончания войны не представлялось возможным. Считалось, что руины исторических зданий будут своим видом подрывать моральный дух горожан.

После прорыва блокады в 1943 г. архитекторы Ленинграда постепенно стали задумываться над перспективами его будущего восстановления. Наиболее активная подготовка к этой работе развернулась осенью, когда были организованы лекции для городских чиновников по архитектуре Северной столицы, а главное – курсы для подготовки профессиональных реставраторов. Восстановлению памятников придавалось настолько большое значение, что обучать студентов было решено непосредственно в Ленинграде, хотя именно осенью 1943 г. он подвергался особенно интенсивным обстрелам и несколько студентов были убиты разрывом снаряда буквально сразу после приезда в город с Большой земли. «Долг перед Ленинградом, – писал уже после войны тогдашний главный архитектор города Н.Ф. Баранов, – убедил нас в справедливости наших действий» (цит. по: 2, с. 625).

Книга Лизы А. Киршенбаум (Вест-Честерский университет Пенсильвании) посвящена исторической памяти о блокаде Ленинграда (3). Героическое сопротивление города привлекло широкое внимание общественности как в СССР, так и за рубежом еще во время войны, пропагандистский «эпический» образ блокадного Ленинграда тоже начал создаваться еще во время войны; после ее окончания эта работа была продолжена. Параллельно формировался огромный массив источников личного происхождения. Многие блокадники вели дневники, а в послевоенный период, особенно начиная с 1960-х годов, начали издаваться мемуары выживших ленинградцев. В этих материалах фиксировалась альтернативная, неофициальная память о блокаде. Автор отмечает, однако, что взаимодействие между памятью официальной и неофициальной было довольно сложным, официоз также мог опираться на воспоминания блокадников, тогда как официальные концепции проникали и в мемуары, в том числе оставленные авторами, критически относившимися к советскому режиму.

Причины такого взаимовлияния Киршенбаум видит в том, что ссылки на воспоминания блокадников обеспечивали пропаганде бо́льшую убедительность и тем самым являлись одним из средств легитимации правящего режима, тогда как героические образы, создаваемые пропагандой, позволяли самим ленинградцам придать некий смысл пережитым ими испытаниям, вписать свой личный опыт в более широкий исторический контекст. С этой точки зрения противопоставление воспоминаний и пропаганды, по ее мнению, не вполне корректно, поскольку вторая отнюдь не сводилась к полностью искусственным, лживым конструкциям, так же как и первые содержат отнюдь не только «сырую», не искаженную информацию из первых рук. Исходя из этих соображений, а также чтобы избежать терминологической путаницы, автор обозначает термином *память* собственные воспоминания конкретных людей, а к сюжетам более общего характера, признаваемым частью исторического прошлого на коллективном уровне, применяет слово *миф* в значении «общий, совместно используемый (shared) нарратив, придающий форму и значение воспоминанию прошлого опыта» (3, с. 7). Термин «миф», по ее мнению, в данном случае предпочтительнее, чем альтернативные ему «идеология» и «коллективная память», поскольку миф, в отличие от идеологии, представляет собой некое повествование с конкретным сюжетом, а понятие кол-

лективной памяти подразумевает способность коллектива что-то помнить, что не вполне корректно, поскольку памятью как таковой обладают лишь индивиды.

Мифы и воспоминания о блокаде, сформировавшиеся не без влияния официальной пропаганды, стали важной частью идентичности ленинградцев. По мнению Киршенбаум, это ставит под сомнение как тоталитарную, так и ревизионистскую модели советского общества. Сама она предпочитает точку зрения С. Коткина, согласно которой идентичность является одним из «механизмов, посредством которых индивиды запутывались в сетях, образованных... более широкой повесткой и языком режима» (цит. по: 3, с. 11). Дальнейшее разочарование в советской идеологии также было скорее последствием этих же мифов, нежели результатом распространения альтернативных, диссидентских идей. «Центральная тема истории блокады, излагаемой в данной книге, – пишет автор, – это роль мифа в конструировании и конечной делигитимизации советской идентичности» (3, с. 11).

Миф о блокаде наложился на довоенный миф о Петербурге – Ленинграде, уходящий своими корнями в интеллектуальную жизнь XIX в. К началу Второй мировой город уже был довольно густо населен «призраками», если использовать метафору, предложенную Б. Лэддом применительно к Берлину, т.е. хорошо известными большинству его жителей историческими и мифологическими ассоциациями, связанными с различными местами и объектами на его территории. Автор использует также свой собственный термин «город памяти», имея в виду воображаемую реальность, которая для жителей города нередко оказывается едва ли не более «настоящей», чем сам город. Драма блокады привела к тому, что вместе с новыми воспоминаниями появились и новые «призраки». Их взаимодействие с более старой питерской мифологией составляет еще одну тему книги.

Традиция увековечивания памяти о крупных исторических событиях, причем не только на уровне памятников, но и на уровне персональных дневников и воспоминаний, к началу войны также успела уже довольно прочно укорениться в советском обществе. Масштабные проекты по сбору таких воспоминаний осуществлялись, в частности, вскоре после революции и в период индустриализации. Поэтому третью тему книги составляют «монументы», которые автор понимает в расширительном смысле, включая в это понятие не только собственно памятники, но и «фильмы, фотоальбомы, юбилейные торжества, архивы, музеи, поэтические сборники

и устную историю. Это широкое определение имеет то преимущество, что позволяет поставить вместе простой фотоальбом, сделанный школьниками, пережившими блокаду, и Монумент героическим защитникам Ленинграда с его 48-метровым обелиском. В обоих, разными путями и в разной степени, совмещаются и взаимодействуют личные истории и публичные мифы» (3, с. 17).

Исследование охватывает период с 1941 по 1995 г., т.е. с начала войны до первых лет после распада СССР. Структура книги выстроена по проблемно-хронологическому принципу и включает восемь тематических глав, объединенных в три части. В первой части (три главы) рассматриваются довоенные традиции и первые попытки увековечить память о блокаде, предпринятые непосредственно во время войны. Вторая часть посвящена послевоенной реконструкции Ленинграда, попыткам сталинского руководства предать забвению память о блокаде и возвращению этой памяти в публичную сферу в виде новых монументов и вновь изданных мемуаров в 1960–1970-е годы. Третья часть (две главы) охватывает позднесоветский период вплоть до переименования Ленинграда в Санкт-Петербург. В завершающем книгу эпилоге описывается бытование воспоминаний о блокаде в постсоветской культуре и политической практике. Кириенко отмечает, что описанный ею образ блокады Ленинграда, с его сложным взаимодействием государственного и частного, продолжил свое существование и после того, как Советский Союз ушел в небытие. Цель ее исследования заключается, таким образом, в том, чтобы «объяснить, как история героического Ленинграда легитимировала, пережила и в конце концов развенчала советское государство» (3, с. 17).

Миф о Петербурге формировался еще в имперский период. Среди прочего он включал в себя идеи об угрозе тяжелых испытаний (разливы Невы, суровые зимы и т.д.; наводнение 1924 г. частью питерцев воспринималось как своеобразное «наказание» за переименование города в Ленинград) и даже апокалиптические предчувствия (легендарное проклятие-пророчество царицы Евдокии, первой жены Петра I, о том, что «Петербургу пусту быти»), но главное – убежденность в историческом значении этого города, и как следствие – интерес к истории и готовность использовать опыт прошлого. Уже во время войны современники отмечали распространившееся среди ленинградцев увлечение литературой исторического характера (наибольшей популярностью пользовался роман «Война и мир») как попытку найти в прошлом хоть какие-то параллели происходящим событиям. Исторический опыт имел и чисто

практическое значение: известны случаи, когда люди в первые месяцы войны пытались целенаправленно запастись сухарями и другими нескорпортяющимися продуктами, а также вещами, пригодными для обмена, памятуя о суровой и голодной зиме 1918–1919 гг. и опасаясь, что нечто подобное может повториться снова.

Выступление Молотова по радио 22 июня 1941 г. многими ленинградцами, как и их согражданами в других частях СССР, воспринималось как водораздел, поворотный пункт в жизни не только страны в целом, но и их собственной. В то же время масштаб угрозы, нависшей над городом, долгое время не был известен его жителям, несмотря на быстрое продвижение германских войск на северо-восток. О непосредственной угрозе городу газеты сообщали лишь 21 августа. 29 августа прекратилось железнодорожное сообщение с остальной частью Союза, в ночь на 6 сентября город пережил первый массированный авианалет, а 8 сентября немцы вышли к Ладожскому озеру, окончательно замкнув кольцо блокады.

Именно в этот период в официальной пропаганде начал формироваться образ Ленинграда как города-крепости, героически отражающего атаки врага. Автор отмечает, что целью этой пропаганды было не только мобилизовать население для продолжения борьбы, но и скрыть упущения властей, которые не сумели ни организовать своевременную эвакуацию мирных граждан, ни обеспечить город необходимыми запасами продовольствия для длительной осады. Тем не менее уже на данном этапе пропаганда находила своеобразный отклик среди значительной части питерцев, поскольку позволяла вписать судьбу города и свою собственную в более широкий контекст, доказывая тем самым, что жертвы, понесенные Ленинградом и его жителями, не напрасны. Этому способствовало и то, что для патриотической пропаганды времен войны был характерен особенно сильный акцент на широком толковании понятия родины, в которое включалась не только страна в целом, но и родной город, дом, семья.

В конце осени, когда массированные бомбежки и артиллерийские обстрелы прекратились и главной причиной жертв стал голод, тон пропаганды изменился. Прямых разговоров о голоде и связанных с ним преступлениях цензура не допускала, вместо этого основной упор был сделан на необходимости сохранить человеческое достоинство в условиях даже самых тяжелых испытаний. Город теперь изображался как оплот цивилизации в борьбе против нацистских варваров, защищающий не только Советский Союз, но и человечество в целом (аналогичный мотив присутствовал и в за-

падной пропаганде). Этот посыл также оказался востребованным простыми ленинградцами, несмотря даже на то, что их собственный опыт во многом резко контрастировал с тем, как блокада описывалась на радио и в газетах.

Весной 1942 г. доминирующим мотивом в пропаганде стал образ весны как начала новой жизни, освобождения от зимы вообще и от ужасов голодной зимы 1941–1942 гг. в частности. Такое описание ситуации в городе снова оказалось довольно упрощенным; полностью игнорировалось, к примеру, то обстоятельство, что увеличение норм выдачи продовольствия хотя объективно и улучшило положение горожан, но на субъективном уровне переживалось часто довольно тяжело, поскольку даже новые увеличенные нормы оставались недостаточными. Тем не менее наступление весны действительно вселяло надежду, и это также было важно для измученных голодом и морозами ленинградцев.

Подобное осмысление места и роли Ленинграда в войне порождало острое ощущение собственной сопричастности происходящему в мире, личного участия в истории. Это чувство усиливалось и непосредственным опытом жизни в осажденном городе: автор приводит примеры того, как вид полуразрушенных снарядами и бомбами жилых домов с открытыми для постороннего наблюдателя остатками внутренней обстановки создавал впечатление о стирании границы между публичным и частным, а значит, и между личным и историческим. Как следствие, первые попытки увековечить блокадный опыт были предприняты еще во время самой блокады – в дневниках, рисунках, стихах, «Ленинградской симфонии» Шостаковича, наконец, в первых выставках, посвященных героизму защитников Северной столицы. Последние, будучи публичными мероприятиями, тем не менее воплощали не только официальный образ сражающегося города, но и опыт простых граждан: на выставках экспонировались дневники, личные вещи, предметы быта, даже ноябрьский паек 1941 г. для неработающих (125 г хлеба в день). Взаимодействие мифа и памяти, таким образом, снова приняло форму синтеза.

Послевоенная историческая политика в Советском Союзе была рассчитана главным образом на вытеснение воспоминаний о войне из публичной сферы. На общегосударственном уровне наиболее выразительными примерами этого подхода стали отмена Дня Победы в 1947 г. и отказ от издания мемуаров. В Ленинграде ситуация была еще сложнее, поскольку специфическая питерская идентичность, склонность ленинградцев особенно остро осозна-

вать свою тесную связь с родным городом и гордость за него воспринимались Сталиным как угроза его собственному культу великого полководца и победителя в Отечественной войне. Следствием этого стало настойчивое стремление вытеснить не только память о войне вообще, но и память о блокаде, особенно отчетливо обозначившееся после «ленинградского дела» 1949 г.

Первым проявлением данного курса стала градостроительная политика, нацеленная прежде всего на то, чтобы полностью очистить город от каких-либо следов войны. Автор отмечает, однако, что происхождение, содержание и результаты этой политики как раз и не позволяют, вопреки мнению многих других историков, рассматривать первое послевоенное десятилетие только лишь как период насаждаемой сверху амнезии. Соотношение между намерениями правительства и граждан, как и в годы войны, было более сложным. Стремление властей убрать следы войны с ленинградских улиц было вполне созвучно стремлению ленинградцев «исцелить» свой город от нанесенных войною ран. Выработанная на этой основе программа его реконструкции предусматривала, в зависимости от ситуации, либо точное восстановление разрушенных зданий, либо строительство новых зданий в соответствии с архитектурными традициями Петербурга – Ленинграда, чтобы сохранить его исторический центр как целостный градостроительный ансамбль. Общий настрой ленинградских архитекторов, переживших блокаду, состоял в том, чтобы вернуть городу его прежнюю красоту, больше того – сделать его еще красивее и монументальнее.

Что действительно вряд ли могло получить одобрение ленинградцев, так это отказ от установки каких-либо памятников, связанных с блокадой, и закрытие музея блокады, созданного в годы войны. Такое положение вещей, однако, в немалой степени компенсировалось существованием «города памяти», поскольку за время блокады у ленинградцев накопилось немало воспоминаний и ассоциаций, связанных с различными местами и объектами в родном городе. В условиях многочисленных запретов «своеобразным огромным музеем блокады без вывески» сделался сам Ленинград (3, с. 150).

После смерти Сталина политика памяти постепенно стала меняться, однако публикация воспоминаний о блокаде началась лишь в 1960-е годы. Тексты этого периода в большинстве своем выдержаны в «героическом» духе, истории их авторов вписываются в более масштабный нарратив об Отечественной войне. По мнению Киришенбаум, это отчасти стало продолжением описанных

выше тенденций, возникших еще в военные годы. Кроме того, при написании мемуаров их авторам, несомненно, было психологически легче видеть себя героями, а не жертвами. Тем не менее уже на данном этапе воспоминания блокадников фокусировались главным образом на их личном опыте, открывая читателям подробности истории блокады, еще недавно малоизвестные широкой общественности. Исключение составляли лишь мемуары партийных и государственных функционеров, стиль которых был по преимуществу канцелярским.

Парадоксальная ситуация сложилась в 1970-е – первой половине 1980-х годов. Резко ужесточив идеологический контроль над культурной сферой, брежневское руководство тем не менее сравнительно терпимо относилось к историям о повседневном опыте советских людей на войне. Автор приводит пример из области кинематографа: в период застоя появилась не только вполне официальная эпопея «Освобождение» (1972), но и такие фильмы, как «Восхождение» (1976) и «Иди и смотри» (1985). В условиях нарастающих экономических трудностей и массового разочарования в советской идеологии культ войны приобретал все большее значение для легитимации режима, тогда как истории простых людей призваны были удерживать интерес населения, прежде всего молодежи, к военной теме. Как следствие, издание воспоминаний о блокаде продолжалось (именно в этот период была создана, в частности, знаменитая «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина), более того, во вновь публикуемых текстах стали появляться все новые, часто весьма неблагоприятные, подробности выживания в страшную зиму 1941–1942 гг., которые отсутствовали в мемуарах, опубликованных в 1960-е годы. Вопреки намерениям партийного руководства появление огромного массива таких воспоминаний привело к тому, что партия и государство всё в большей степени вытеснялись из памяти о войне, а знакомство с повседневным опытом блокадников подводило читателей к не слишком приятным для власти размышлениям об издержках войны, невыполненных обещаниях и неосуществившихся надеждах.

Аналогичный пример синтеза памяти и мифа представляют собой ленинградские памятники 1960–1970-х годов. Их семантику автор анализирует на примере двух наиболее значительных мемориалов, посвященных блокаде, – Пискаревского мемориального кладбища (1960) и Монумента героическим защитникам Ленинграда (1975).

Эпоха гласности сделала возможным издание материалов о темных сторонах истории блокады, включая главы, изъятые в свое

время цензурой из «Блокадной книги». Автор показывает, однако, что процесс этот был избирательным, а главное – вопреки опасениям многих, не привел к разрушению сложившегося нарратива. Так, первые публикации, посвященные людоедству в осажденном городе, стали шоком для читателей, но в то же время показали, что подавляющее большинство ленинградцев сумело удержаться от такого шага, даже в самые тяжелые месяцы зимы 1941–1942 гг. Тем самым обнаружение фактов каннибализма лишь подчеркнуло ставшее традиционным представление о блокаде как о борьбе в защиту не только родного города, но и цивилизации, человечности как таковой – борьбе, которую ленинградцы, за редким исключением, выиграли. Аналогичный эффект произвела и публикация материалов о сталинских преступлениях, в частности, о «ленинградском деле». Наиболее емко отношение к этим страницам истории выразил Д. Гранин: «Наша Победа больше и выше, потому что это Победа вопреки...» (цит. по: 3, с. 263).

Насколько большое значение имела память о блокаде для ленинградской, а затем и для новой петербургской идентичности, хорошо видно по развернувшимся в 1991 г. спорам о возвращении Ленинграду прежнего названия – Санкт-Петербург. Описывая эти события в заключительной главе, автор подчеркивает, что главным доводом противников переименования была именно память о войне, а не о революции или о Ленине (хотя они и были в большинстве своем сторонниками коммунистов). Наиболее тяжкие в своей истории испытания, настаивали они, город перенес под именем Ленинград, переименование просто убьет память о тех днях. Сторонники переименования со своей стороны рассматривали блокаду в более широком историческом контексте. Город и его жители с этой точки зрения представлялись жертвами не только нацистов, но и большевиков, а блокада оказывалась самым трагическим участком более долгого исторического пути, пройденного Петербургом – Ленинградом с 1917 по 1991 г. Мэр А.А. Собчак, будучи сам убежденным сторонником переименования, вынужден был прислушаться к мнению оппонентов и гарантировать, что возвращение дореволюционных названий улицам и другим топографическим объектам не затронет те из них, которые как-либо связаны с Отечественной войной.

Память о блокаде, таким образом, продолжает жить до сих пор. Вопрос о том, какие изменения повлечет за собой уход последних представителей блокадного поколения, остается открытым.

М.М. Минц

Беркхофф К.

**РОДИНА В ОПАСНОСТИ: СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Ref. ad op.: Berkhoff K.C. Motherland in danger: Soviet propaganda during World War II. – Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 2012. – 407 p.

Монография Карела Беркхоффа (Центр исследований Холокоста и геноцида, Амстердам) посвящена изучению советской пропаганды военного времени в сравнительном контексте. Опираясь главным образом на такие источники, как газеты и радиопередачи, автор ставит своей задачей выявить характерные черты и узловые темы сталинской пропаганды этого периода, обрисовать ее эволюцию и оценить результаты. В книге подчеркивается, что негативное значение термин «пропаганда» приобрел в годы Первой мировой войны. После ее окончания, пишет К. Беркхофф, только Римско-католическая церковь и коммунисты с гордостью объявляли о том, что занимаются пропагандой. При всем обилии дефиниций в книге пропаганда понимается в основном как род информации, а именно умышленное и систематическое стремление формировать восприятие, психическое состояние и, главное, поведение людей с целью достичь такой реакции, которая превзошла бы намерения пропагандиста. Агитация как род деятельности значительно отличается от пропаганды: она адресуется к эмоциям, а не к разуму, и воздействует на них посредством устного слова и театрализованного образа. По мнению автора, постепенно, с возрастанием числа грамотных в Советском Союзе, разница между пропагандой и агитацией стиралась (с. 2–3).

Во введении отмечается, что предвоенный СССР был поистине пропагандистским государством, подчинившим себе культуру, образование и средства массовой информации. Сталин, глубоко заинтересованный в трансляции своей воли подданным, вникал в мельчайшие детали пропаганды. В годы войны перед советскими СМИ встала задача мобилизовать народ на борьбу с нацистами. Наряду с агитацией и пропагандой пресса должна была сыграть серьезную роль в организации общества (с. 4).

В первой главе подробно описываются структура медийного аппарата СССР и система цензуры, особое внимание уделяется только что созданному Совинформбюро. Автор указывает на нехватку ресурсов, которая имела своим следствием недостаточный охват населения, в особенности сельского, газетной информацией и ограниченный доступ к радиовещанию, особенно с учетом того, что с началом войны советским гражданам было приказано сдать радиоприемники. Тем не менее он утверждает, что в период сталинизма пресса и радио (пусть и недостаточно развитое по сравнению с другими странами) составляли вполне стройную систему контроля над умами всего населения. Эти выводы он подтверждает в главе второй, где повествуется о том, как отражались события на фронте в газетах и сводках Совинформбюро.

По мнению Беркхоффа, печать молчания была наложена на все случаи военных поражений, причем если иностранным корреспондентам могла даваться своевременная правдивая информация (как было со сдачей Киева), то соотечественники получали ее гораздо позже, и иногда косвенным образом. Например, о взрыве советскими инженерами Днепрогэса они узнали из очерка Алексея Толстого, а не из сообщения Совинформбюро. Поражения не только замалчивались либо не признавались, их могли подавать в победном ключе, например, концентрируя внимание на героической 250-дневной обороне Севастополя (благодаря чему удалось «связать значительные силы противника» и «уничтожить большое количество вражеской живой силы и техники»), а не на факте его сдачи, которая произошла «по приказу командования» (с. 46–47).

Главной задачей цензуры (и самоцензуры) было «не допустить панических настроений», с этой точки зрения оценивались материалы корреспондентов, формировались сводки Совинформбюро, по которым очень трудно было составить реальную картину. Так что приказ Сталина, получивший название «Ни шагу назад!», явно диссонировал с основной линией прессы, открыто признавая

катастрофичность ситуации лета 1942 г. В ходе Сталинградского сражения сводки стали гораздо более откровенными, отмечает автор. Однако он указывает на тот факт, что в условиях войны цензура обязана следить за тем, чтобы важная информация не просачивалась на страницы газет и в радиопередачи. Ведь самые невинные на первый взгляд сведения могли оказаться значимыми для германской разведки. Было запрещено, в частности, публиковать фотографии городов, заводов, мостов и других сооружений, сообщать о новой военной технике или военных учебных заведениях. Не подлежала огласке и практика использования собак для подрыва немецких танков или участие медперсонала в боевых действиях, поскольку это противоречило Женевской конвенции, пишет Беркхофф (с. 51). Не приветствовались сообщения о массовом участии женщин в боевых действиях, хотя они и были официально мобилизованы государством осенью 1942 г. И абсолютно табуированной была тема о службе в армии детей и подростков (примерно 25 тыс. человек). Не допускалась какая-либо негативная информация об армии и флоте, которая могла дать материал нацистской пропаганде. По этой причине, в частности, Сталин первоначально не дал «зеленый свет» публикации статьи Бориса Полевого в «Правде» о подвиге Алексея Маресьева, заметив на полях корректуры, что Геббельс может подумать об «истощении» Красной армии (с. 54–55).

По этой же причине не публиковались фото погибших и некрологи, к тому же их, по мнению Сталина, было «слишком много». Анализируя новый пропагандистский канон советского героизма, автор указывает, что на тех, кто отступал или попадал в плен, было наложено клеймо предателя, а смерть в бою считалась делом нормальным либо героическим. Более того, военные должны были стремиться к геройской смерти. Рассказы о подвигах Гастелло, 28 панфиловцев, Александра Матросова, возможно, и вдохновляли на самопожертвование советских людей, которые скорее всего понимали их не совсем правдивый характер, пишет Беркхофф. Однако для того чтобы считать это «историческим фактом», следует получить доступ к источникам (сводкам НКВД), заключает он (с. 67).

Третья и четвертая главы посвящены отражению в средствах массовой информации различных аспектов жизни тыла, прежде всего мерам по трудовой мобилизации и борьбе с лишениями военной поры, а также помощи населения фронту, проблемам эвакуированных и государственной поддержке семей фронтовиков, сирот и инвалидов. Отмечая, что секретность и замалчивание и

здесь играли важную роль, автор указывает на некоторые особенности репрезентации рабочих и колхозников в советской пропаганде. С одной стороны, от них требовали беспрекословно подчиняться приказам, работать сверхурочно и бороться с дезертирством на трудовом фронте. С другой стороны, – их изображали как самоотверженных патриотов своей страны, готовых на всё ради победы, что нашло отражение в описаниях инициатив по социалистическому соревнованию. В СМИ постоянно подчеркивалась успешность усилий государства, заботившегося о самых уязвимых социальных группах населения, что, однако, неявно указывало на наличие если не голода, то проблем с продовольствием. Тем не менее о карточках в печати старались не упоминать, а причинами нехватки продовольствия официально считались лень и стяжательство отдельных граждан. Однако реальность убеждала людей в обратном (с. 114–115).

Реакция советских лидеров и пропаганды на массовые убийства фашистами мирных советских граждан и военнопленных, а также на истребление еврейского населения рассматривается в шестой и седьмой главах соответственно. Автор указывает, что германские планы по физическому уничтожению населения СССР не сразу стали известны советскому руководству, а обнаруживались постепенно. Однако решение о том, чтобы публиковать материалы о зверствах врага как можно более широко, было принято почти сразу после начала войны. С течением времени свидетельств о беспрецедентных жестокостях фашистов по отношению к гражданскому населению накапливалось все больше, они документировались и получали отражение как на страницах периодической печати, так и в кинохронике, вызывая острое чувство ненависти к врагу. Причем здесь, полагает автор, советская пропаганда ничего не преувеличивала, и люди понимали это (с. 133).

Беркхофф отмечает, что в годы войны как для СССР, так и для его западных союзников была характерна тенденция к «универсализации преступлений нацистов», так что Холокост оказывался «похоронен» среди других сведений о жестокостях по отношению «ко всем советским гражданам» (с. 161). Тем не менее, утверждает он, какой-либо определенной линии на замалчивание массовых убийств евреев в этот период не было, и советские читатели и радиослушатели при желании вполне могли получить интересующую их информацию.

Продолжает тематику глава седьмая, посвященная «пропаганде ненависти к врагу», в которой рассматриваются различные аспекты этой проблемы. В то время как британская пропаганда

сразу же поставила знак равенства между «немцами» и «фашистами», в СССР официальным термином оставались «немецко-фашистские захватчики». На бытовом уровне отношение к немцам было двойственным, включая в себя и ненависть к оккупантам, и жалость к военнопленным, и даже любовные отношения на оккупированных территориях. В любом случае, полагает Беркхофф, в деле мобилизации населения информация о жестокостях фашистов была гораздо результативнее, чем «наука ненависти» к врагу (с. 201).

В главах восьмой и девятой рассматриваются взаимосвязанные вопросы патриотизма и предательства, с особым акцентом на той атмосфере подозрительности, которая была столь характерна для СССР и самого Сталина еще в довоенные годы. По мнению автора, совершившийся во время войны поворот к русоцентризму не нашел отражения в пропаганде во всей своей полноте. Оставались определенные ограничения, препятствовавшие разворачиванию «великорусского шовинизма» и принижению других народов. Хотя война и получила название «Великой Отечественной», Сталин, например, прославлял не «Россию», а «советскую родину» — многозначное понятие, которое для каждого гражданина могло ассоциироваться с чем-то своим (с. 206). Параллельно с обычным для военного времени усилением национализма проводились мероприятия по «укреплению дружбы народов», которые включали в себя как борьбу с националистическими и сепаратистскими тенденциями, так и поощрение преданности «советской родине». На примере Украины показано, что борьба с «желто-голубой опасностью» сопровождалась действиями, поощрявшими «братский народ»; в качестве одного из примеров автор называет учреждение в 1943 г. ордена Богдана Хмельницкого (с. 212). Депортации целых народов, проводившиеся после коренного перелома в войне, имели своей целью найти и обезвредить предателей, причем составление «черных списков» носило импульсивный и алогичный характер, а сам процесс практически не освещался в средствах массовой информации (с. 217–218). В целом, по мнению Беркхоффа, осторожность Сталина, понимавшего необходимость мобилизации не только русского, но и других народов СССР, предотвратила усиление русоцентристских, ксенофобских и антисемитских тенденций в центральных СМИ. В то же время пропаганда способствовала формированию этнического самосознания у русских (с. 221).

Подозрительность распространялась не только на другие народы, но и на население в целом, оставшееся на оккупированных территориях. Официально считалось, что бо

ставляют потенциальные предатели родины, однако эта точка зрения не пропагандировалась в СМИ. Напротив, распространялись сведения о партизанах и подпольщиках, героически погибших в борьбе с врагом и замученных в фашистских застенках. Эта проблематика рассматривается в главе десятой «Бессмертные мстители и приспешники врага».

Последняя глава анализирует образы союзников СССР в войне против Германии, сосредоточивая внимание на Польше, Великобритании и США. Отмечается, что советская пресса дала беспрецедентный для истории пример полного и систематического замалчивания деятельности союзников, преуменьшения их помощи в поставках продовольствия и вооружения (с. 255–256). Согласно советской пропаганде, СССР в одиночку бился с фашистской Германией, вынес все тяготы войны и победил в ней, пишет Беркхофф. И хотя многие тогда понимали, что это было не так, возобладала официальная точка зрения, которая выносила за скобки военные действия в Европе, начавшиеся в 1939 г., и сводила Вторую мировую войну к Великой Отечественной, начавшейся 22 июня 1941 и закончившейся 9 мая 1945 г. (с. 267–268).

Подводя итоги, автор выделяет общие и особенные черты советской военной пропаганды. Как и в других воюющих странах, советские СМИ искали и находили героев, умаляли масштабы Холокоста, очерняли народы и клеймили предателей. При этом для советской пропаганды были характерны «унизительное сокрытие фактов, известных за рубежом»; упрощенное толкование дилеммы «смерть и предательство»; пренебрежительное отношение к страданиям сограждан в тылу; открытая поддержка точки зрения, что каждый должен ненавидеть захватчика; обуздание шовинизма; принижение военных усилий союзных государств (с. 274).

Что касается эффективности пропаганды, то, по мнению Беркхоффа, в повседневной жизни тыла решающее значение имели иные факторы: милитаризация труда; информация о жестокостях фашистов; разговоры с беженцами, эвакуированными, фронтовиками и др. Слухи представляли собой серьезную альтернативу официальной точке зрения, которая выражалась казенным языком и редко имела непосредственное отношение к реальности. Пресса была перенасыщена сообщениями ТАСС и официальными документами, что признавал даже глава Агитпропа Г.Ф. Александров, и не могла составить конкуренцию рассказам очевидцев. Так что в итоге, пишет автор, успехи в битве за умы и сердца оказались более чем скромными для той всеобъемлющей системы контроля,

какую представляло собой сталинское государство. Сталина спасла не столько пропаганда, сколько реальность: гитлеровский режим не смог предложить приемлемой альтернативы большевистскому. Уверенность в этом, которая основывалась не только на пропаганде, но и на слухах, и заставила советских людей сплотиться вокруг государства и его вооруженных сил, заключает Беркхофф (с. 277–278).

О.В. Большакова

Фролов Д.Д.

**СОВЕТСКО-ФИНСКИЙ ПЛЕН, 1939–1944:
ПО ОБЕ СТОРОНЫ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ. –**
СПб.: Алетейя; Хельсинки: RME GROUP OY, 2009. – 639 с.: ил.
(Реферат)

Монография профессора Д.Д. Фролова (Национальный архив Финляндии) представляет собой уникальное исследование опыта советских и финских военнопленных обеих войн между СССР и Финляндией: 1939–1940 гг. (Зимняя война) и 1941–1944 гг. («война-продолжение»). В книге также рассмотрено законодательство о военнопленных, своих и чужих, и отношение к ним населения в обоих государствах. Работа, основанная на многочисленных архивных материалах и личных воспоминаниях участников событий, состоит из предисловия, восьми глав и заключения, снабжена обширными приложениями, списками литературы и архивов, применениями, иллюстрирована фотографиями.

Начиная книгу, автор пишет: «Плен – неизбежный и постоянный спутник любой войны» (с. 5); тем не менее многие годы после окончания Второй мировой войны тема плена почти не занимала ученых. В Финляндии работы по данной проблематике стали появляться только в 1980-е годы, в СССР – в 1990-е. Но до сих пор не установлено точное количество военнопленных с обеих сторон, а также число умерших в плену, вернувшихся на родину или же оставшихся жить в пленившей их стране. Согласно официальным данным, за годы обеих войн в СССР побывало около 3 тыс. пленных финнов, Финляндия пленила за это время более 70 тыс. советских военнослужащих, около 19 тыс. из них умерли.

27 июня 1929 г. была подписана Женевская конвенция «Об обращении с военнопленными», в которой была предпринята попытка «решить судьбу плененного человека на принципах демо-

кратии, открытости, свободы и справедливости» (с. 48). Военнопленные наделялись довольно широкими правами, которые отныне защищались четко прописанным международным законом. Конвенцию подписали 47 государств, которые имели право разрабатывать на ее основе свои собственные нормативные акты.

Советский Союз конвенцию не подписал. Причину этого Фролов видит в том, что Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. сдачу в плен фактически приравнивал к измене. Тем не менее в СССР на основе конвенции были разработаны документы, регулирующие действия государственных органов при решении проблем иностранных военнопленных, попавших в советский плен, а 19 марта 1931 г. принято Положение о военнопленных. Автор отмечает, что за время Второй мировой войны этот документ переписывался в общей сложности двадцать раз в зависимости от меняющейся обстановки на фронтах, но хотя и следовал большевистской идеологии, в целом всегда отвечал принципам международного права. 19 сентября 1939 г. выходит приказ Наркомата внутренних дел о создании Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), которое отвечало не только за содержание и трудовое использование военнопленных, но занималось также фильтрационной проверкой советских граждан – побывавших в плену или в окружении военнопленных, репатриировавшихся на родину гражданских лиц. Управление просуществовало до 20 апреля 1953 г. За время его работы «через его лагеря прошли свыше 5 млн человек, представителей 37 национальностей» (с. 87).

К началу Зимней войны на территории СССР недалеко от границы были созданы приемные пункты и лагеря временного содержания для финских военнопленных на 4900 человек, кроме того подготовлено шесть тыловых лагерей на 27 тыс. Но руководству Советского Союза этого показалось мало, так как военачальники прогнозировали быстрый полный разгром финской армии, в результате которого бо́льшая ее часть попадет в плен. Поэтому глубоко в тылу (Тайшет, Караганда, Великий Устюг) были созданы лагеря еще на 46 900 человек. В действительности же пленных финнов было всего около 1 тыс. Однако состояние лагерей не позволяло содержать в нормальных условиях даже это количество: помещения плохо отапливались, спать приходилось часто просто на полу, на соломе. Охрана пленных возлагалась на конвойные войска НКВД. За нарушение режима полагалось до 15 суток ареста с содержанием на гауптвахте. Впрочем, серьезных нарушений финские военно-

пленные не совершали; это отмечается и во время Отечественной войны.

Питание пленных было однообразным, но достаточным для того, чтобы люди, не обремененные тяжелой физической работой, не голодали; во всяком случае, смертей от голода или связанных с ним болезней зимой 1939–1940 гг. не было. Раненые военнопленные первую помощь получали в основном от санитаров РККА, затем их отправляли в госпиталь. «В соответствии с советскими нормативными актами финские пленные имели право лечиться в гражданских и военных госпиталях и больницах на одинаковых основаниях с военнослужащими РККА, но с соблюдением правил, установленных для военнопленных» (с. 245). Кроме раненых больше всего было обмороженных, именно это большей частью служило причиной смерти. Автору удалось установить имена 16 финнов, умерших в советском плену. К сожалению, установить места их захоронения уже невозможно.

Во время Зимней войны директивой УПВИ запрещалось выводить финских военнопленных на работы за территорию лагеря, поэтому ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности их труд не использовался. В основном они выполняли работы по благоустройству и самообслуживанию, работали в лагерных пекарнях, банях, различных мастерских. Несмотря на широкомасштабную антифинскую пропаганду, властям не удалось создать в представлении народа образ финна-врага. Контакт с советским населением военнопленные финны почти не имели, кроме как с гражданскими служащими лагерей, поэтому и отношение к ним было практически нейтральным.

Из-за большого разнообразия политических пристрастий в финском обществе и невысокого уровня образования большинства финских солдат вести культурно-просветительскую работу в лагерях военнопленных было достаточно сложно. В основном она свелась к пропагандистским беседам о достоинствах советского строя и разъяснению причин начала войны, чтке газет на финском языке и показу советских кинофильмов с финскими субтитрами. Религиозной жизнью пленных советская администрация не интересовалась.

В Финляндии в межвоенный период не разрабатывалось никаких специальных нормативно-правовых актов о военнопленных. Там считали, что достаточно соблюдать международные правила (несмотря на то что Суоми Женевскую конвенцию 1929 г. не подписывала), о чем и было объявлено правительством страны, когда в ноябре 1939 г. началась война. С появлением советских пленных остро встал вопрос, что делать с комиссарами, следует ли относить

их к военнослужащим, поскольку ни в одной стране мира не было подобной категории офицеров, защищает ли конвенция и их права тоже. «Впрочем, финны приняли соломоново решение – признавая во время обеих войн за политработниками статус военнопленных, распространяли на них более жесткий режим содержания» (с. 107). Эта позиция не изменилась даже в 1941–1944 гг., когда они были союзниками немцев, которые пленных политработников сразу расстреливали. Данные о количестве советских военнопленных в период Зимней войны, как пишет автор, противоречивы и варьируют от 5546 до 6116 человек. К приему такого количества пленных Финляндия оказалась не готова. В результате содержались они не только в лагерях для военнопленных, но также в тюрьмах некоторых городов. Пленный получал $\frac{2}{3}$ пайка финского солдата, такое питание при отсутствии тяжелой работы позволяло поддерживать здоровье на достаточном уровне.

Пленных, нуждавшихся в медицинской помощи, финны отправляли с передовых позиций в госпиталь или гражданскую больницу, где они помещались в отдельную палату под усиленной охраной. Основным диагнозом было обморожение, причем достаточно сильное, многие не могли самостоятельно ходить. Это не удивительно – обмундирование Красной армии плохо подходило для карельской зимы. Обычно первую помощь таким военнопленным оказывали пленные же советские военные врачи, они работали и в лагерях под началом врача-финна. В лагерях больные содержались в специальном бараке, где режим был более мягким. «За время Зимней войны в финском плену умерли всего 113 советских военнопленных» (с. 267).

Из-за скоротечности войны труд пленных почти не получил распространения. В основном они использовались на работах по благоустройству лагерей, иногда на строительстве и ремонте дорог и на лесозаготовках.

Среди пленных проводилась и культурно-просветительская работа, специально для них выпускались газеты «Милый друг» и «Друг Пленных», некоторые из пленников писали в эти газеты заметки и стихи. В подобной работе кроме администрации принимали участие различные эмигрантские организации, занимаясь в основном пропагандой невозвращения на родину. Но сами финны отмечали, что советские пленные к такой обработке оказались почти не восприимчивы. Распространявшаяся в лагерях религиозная литература интереса также почти не вызывала, за исключением литературы для мусульман. «Более того, в лагерях и тюрьмах, где

содержались советские пленные, существовали подпольные комсомольские и партийные ячейки. Проводились собрания, выпускались и распространялись рукописные листовки» (с. 382).

В начале апреля 1940 г. была создана межправительственная комиссия по обмену пленными, который начался уже в середине месяца. Эта же комиссия занималась розыском пропавших без вести военнослужащих и гражданских лиц. Тяжело раненных пленных, которых нельзя было перевозить, договорились передавать на родину по мере их выздоровления. 20 советских военнопленных захотели остаться в Финляндии и столько же финнов – в СССР. По возвращении в Советский Союз почти все бывшие военнопленные были осуждены решением Особого совещания при НКВД СССР к заключению в лагерях ГУЛАГа. Финские военнопленные тоже проходили на родине через фильтрацию, целью которой было выяснение причин попадания в плен и поведения в плену. 30 человек были осуждены судом к различным срокам заключения (вплоть до пожизненного).

Содержание финских пленных во время войны 1941–1944 гг. отличалось прежде всего тем, что теперь военнопленных в СССР было довольно много, разных национальностей, и специальные лагеря для финнов не строили, они содержались в лагерях НКВД по всей стране – от северных районов до Казахстана включительно. Причем смертность их в Казахстане была значительно выше, чем на севере (из 338 человек в Карлаге в живых осталось менее 30). Это объясняется прежде всего плохим питанием, непосильной работой и отсутствием витаминов. «Незнание местной флоры приводило к тому, что в Караганде финны от голода собирали сладкие корнеплоды, которые, как оказалось, были ядовитыми» (с. 130–131). Финны были дисциплинированы, нарушений режима, как и во время Зимней войны, почти не совершали, если не считать кражи продуктов, что для голодных людей простительно. Питание было значительно хуже, чем во время Зимней войны, особенно до весны 1943 г., но и тогда положение улучшилось несущественно из-за хищения продуктов обслуживающим персоналом.

Медицинская помощь раненым военнопленным в госпиталях и больницах оказывалась наравне с ранеными советскими бойцами. В лагерях было значительно хуже: не хватало медперсонала, медикаментов и перевязочных материалов, лагерные больницы были перегружены. Часто пленные прибывали в стационарный лагерь сильно ослабленными. Плохое питание, отсутствие витаминов и тяжелый труд привели к повышению смертности по сравнению с

Зимней войной. Всего в советских лагерях умерли 32% пленных финнов, большинство из них – от дистрофии и других болезней, связанных с недостатком питания. Кладбища военнопленных не регистрировались, а после окончания Отечественной войны и не сохранялись, поэтому установить места захоронений практически невозможно.

«В годы Великой Отечественной войны военнопленные в СССР были заняты практически во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Но особенно широко пленные использовались на лесо- и торфоразработках, добыче угля и асбеста» (с. 322). В 1942 г. вышел ряд документов, регулирующих труд военнопленных и его оплату. Отныне все трудоспособные должны были работать; только офицеров нельзя было использовать на работах вне лагеря. Оплата зависела от выполнения плана и могла достигать 100 рублей. Но главным, как считает автор, было увеличение выполняющим план хлебного пайка, так как купить что-либо все равно было затруднительно. Чтобы снизить заболеваемость и смертность среди пленных, в апреле 1943 г. были уменьшены нормы выработки, повышены нормы продовольственного снабжения, рабочий день сокращен с двенадцати часов до восьми, а также гарантировались четыре выходных дня в месяц. На работах по восстановлению экономики СССР после окончания войны финские военнопленные не использовались.

Финляндия начала готовиться к приему советских военнопленных с первых дней начавшейся «войны-продолжения». Но к такому их количеству страна оказалась все-таки не готова. Только за первые полгода с начала боевых действий в финский плен попало 56 334 человека, всего же за время войны – 64 188. На территории Финляндии существовало 30 различных лагерей, еще несколько лагерей для военнопленных и гражданских лиц было организовано финнами на оккупированной территории, но все же места катастрофически не хватало. Ещё хуже было с питанием пленных. Маленькая Суоми просто не могла прокормить столько народа в условиях войны и недостатка продуктов даже для своего гражданского населения. Пленные голодали. Это привело к большому проценту заболеваемости и смертности. Работа по размещению и содержанию пленных наладилась только к осени 1943 г. Тогда же была решена и проблема питания, но лишь отчасти: пленных стали отдавать на работу владельцам хуторов или ферм, которые и должны были их кормить. Не осталась в стороне и русская община Фин-

ляндии, по мере своих возможностей помогая соотечественникам продуктами.

Для охраны военнопленных были созданы специальные части военной полиции, в которых служили в основном не слишком молодые или не слишком здоровые люди; к пленным они в большинстве своем относились достаточно лояльно, нередко даже помогая им продуктами. Нарушение лагерного режима каралось карцером до 30 суток или поркой розгами (даже за побег), приговорить к расстрелу военнопленного мог только суд и только за очень серьезное преступление, например шпионаж. Помимо этого на территории страны находилось 27 немецких лагерей для советских военнопленных, которые были расположены в основном на севере страны. Охранялись эти лагеря исключительно немцами, и порядок содержания в них был гораздо жестче, чем в финских. В 1944 г., когда Финляндия вышла из войны, эти лагеря были эвакуированы в Норвегию и Германию.

Огромный приток пленных, захватить которых Финляндия совершенно не рассчитывала, породил еще одну большую проблему – их медицинское обслуживание, особенно в 1941–1942 гг. Дело было не только в отсутствии должного количества медперсонала (эта проблема частично была решена, когда советским врачам-военнопленным разрешили лечить своих соотечественников), медикаментов и перевязочных средств, но и в возникшей неразберихе, в результате которой раненые красноармейцы слишком поздно попадали в госпиталь, когда врачи уже не могли их спасти, хотя собственно лечение и уход на протяжении всей войны оставались качественными. За время войны 1941–1944 гг. в финских лагерях и госпиталях умерли более 29% от общего количества советских военнопленных. Автор видит причину этого не только и даже не столько в ранениях и болезнях, сколько в голоде и тяжелом труде. В отличие от Советского Союза, кладбища военнопленных в Финляндии поддерживаются в хорошем состоянии и по сей день.

Во время «войны-продолжения» в Финляндии, так же как и в СССР, остро чувствовался недостаток рабочих рук, поэтому труд советских военнопленных широко использовался в различных отраслях экономики: в сельском хозяйстве, при строительстве и ремонте дорог, в деревообрабатывающей промышленности, на погрузочно-разгрузочных работах в порту. Но более всего – на заготовках леса и лесосплаве (свыше 50%). Предполагалась и оплата труда, но автор отмечает (с. 332), что не нашел подтверждения тому, что пленные получали деньги на руки.

В нескольких лагерях, где содержались военнопленные «дружественных наций» (ингерманландцы, карелы, вепсы, морд-вины), интенсивно работали школы и курсы финского языка, культуры и истории, различные просветительские секции. Культурная работа с остальными пленными заключалась в основном в прослушивании радиопередач на русском языке. Для пленных также выпускалось несколько газет, одна из них — в оккупированном Петрозаводске. Но в большинстве своем свой досуг пленные организовывали сами; в отличие от Зимней войны, администрация в период войны 1941–1944 гг. в этом практически не участвовала. Иногда заведующие библиотеками помогали устраивать концерты и лекции. Лучше всего эта работа проводилась в госпиталях. В лагерях же у пленных часто не оставалось ни сил, ни времени после тяжелой работы. Но в отличие от финских пленных в Советском Союзе, советские пленные во время войны могли писать и отправлять письма, правда, только по оккупированной территории и территории Финляндии, но для некоторых людей это была возможность сообщить о себе своим близким.

Финляндия вышла из войны в сентябре 1944 г., а уже 15 октября первая партия советских военнопленных вернулась на родину. Большинство из них, пройдя фильтрационный лагерь, были или отпущены домой, или направлены на фронт. Часть пленных, но значительно меньшая, чем в Зимнюю войну, была осуждена органами НКВД за сотрудничество с администрацией финских лагерей (некоторые были расстреляны). Первая партия финских военнопленных и интернированных пересекла государственную границу только в ноябре 1944 г., а последняя — 30 мая 1946 г. В отличие от Советского Союза, в Финляндии «имена вернувшихся объявили по радио, в газетах, а родным были отправлены письма» (с. 472).

М.М. Минц

Хазенклевер Й.

**ВЕРМАХТ И ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: КОМАНДУЮЩИЕ ТЫЛОВЫМИ
РАЙОНАМИ ГРУПП АРМИЙ, 1941–1943
(Реферат)**

Ref. ad op.: Hasenclever J. Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion: Die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete, 1941–1943. – Paderborn u. a.: Ferdinand Schöning, 2010. – 613 S. – (Krieg in der Geschichte; Bd. 48).

Йорн Хазенклевер (род. в 1971 г.) – доктор философии, выпускник Мюнстерского университета, где он изучал новую и новейшую историю, восточноевропейскую историю, прикладное искусство и в 2007 г. защитил диссертацию, опубликованную в дальнейшем в виде реферируемой монографии.

Книга напечатана в серии «Война в истории». В предисловии редакторы серии приводят известное изречение Карла фон Клаузевица: «Война – это продолжение политики другими средствами... На основе этого главного принципа становится понятной вся история войн, без этого все выглядит полным абсурдом». В этих словах, сказанных в 1827 г., заключается его понимание войны как феномена истории, отмечается далее (с. 9). Война имеет собственную грамматику, но никогда не имеет собственной логики. Создатели серии стремятся показать, что это касается всех исторических эпох и всех континентов (с. 9–10).

Монография состоит из введения, описания источников и историографии, последующих крупных разделов «Подготовка “мировоззренческой” войны против Советского Союза», «Оккупационная политика в тыловых районах», «Командующие и партизанская война в тыловых районах», «Командующие и истребление еврейского

населения». Разделы разбиты на многочисленные главы. В конце книги даны список включенных в ее текст статистических таблиц, список источников и литературы, именной указатель (с. 577–611).

Автор ведет исследование по определенной методике, в центре его внимания – действия командующих тыловыми районами групп армий генералов Франца фон Рока (тыловой район «Север», 1941–1943), Макса фон Шенкендорфа (тыловой район «Центр», 1941–1943), Карла фон Рока (тыловой район «Юг», 1941–1942), Эриха Фридериси (тыловой район «Юг», 1942–1943). Историк знакомит читателя с биографиями этих военачальников, начавших военную карьеру еще до Первой мировой войны (с. 75–133). Все они характеризуются автором как не принадлежавшие к наиболее высокопоставленным представителям генералитета Вермахта, но все же как входившие во второй и третий эшелон германской офицерской элиты (с. 12). Наряду с ними в названных оккупационных областях кратковременно командовали также генерал фон Бот, заменивший в апреле 1943 г. Ф. фон Рока в тыловом районе группы армий «Север», и генерал Роткирх, сменивший в августе 1943 г. в тыловом районе группы армий «Центр» генерала М. фон Шенкендорфа, умершего во время отпуска в июле 1943 г.

Генерал Фридериси был взят в плен 8 мая 1945 г. американцами, которые в условиях начавшейся «холодной войны», по-видимому, использовали в своих интересах его знания, полученные во время оккупации Вермахтом западных советских областей (с. 132).

Генералы фон Шенкендорф, а также Ф. фон Рок и К. фон Рок уже 15 марта 1941 г. были назначены командующими тыловых районов 101 («Север»), 102 («Центр») и 103 («Юг»), но приступили к выполнению своих обязанностей лишь неделю спустя (с. 133). Ими были сформированы штабы, определена численность военнослужащих для выполнения поставленных задач. Хотя в первоначальных планах эти цифры составляли от 20 до 30 тыс., впоследствии они значительно выросли. Так, осенью 1941 г. оккупационные войска в тыловом районе группы армий «Юг» насчитывали от 155 до 233 тыс. человек. Особенно много было немецких военнослужащих в Полтаве и Смоленске, ставших главными городами в тыловых районах групп армий, где размещались многочисленные штабы. Вместе с германскими оккупационными частями действовали также контингенты венгерских и румынских войск. Командующие должны были заботиться о необходимом обеспечении всей этой массы солдат. Для них доставлялись газеты и журналы, работали мобильные библиотеки. Они имели возможность смотреть кино и посещать те-

атры (с. 141–142). Задачи по обеспечению безопасности выполняли охранные дивизии – 207-я, 213-я, 221-я, 281-я, 285-я, 286-я, 403-я, 444-я, 454-я. Они состояли по большей части из резервистов, считавшихся непригодными для службы на передовой (с. 144). Приказы, которыми они должны были руководствоваться, в том числе приказ о военных судах и «приказ о комиссарах», эти дивизии получили накануне начала операции «Барбаросса» (с. 146).

Автор освещает далее деятельность командующих тыловыми районами групп армий по обеспечению экономической деятельности на подчиненных территориях. В отдельные небольшие две главы вынесено описание деятельности войск СС и полиции (с. 156–165). Карательные операции выполнялись четырьмя айнзацгруппами, действовавшими на территории прибалтийских республик, Белоруссии и Украины, входивших соответственно в тыловые районы групп армий «Север», «Центр» и «Юг». Хазенклевер приводит примеры разногласий между тыловыми войсками, подчиненными своим командирам, и частями СС, эти конфликты были нередкими. В качестве подтверждения автором приводится письмо генерала Корземана своему начальнику Гиммлеру, в котором идет речь о том, что он нередко спорит с генералом фон Роком, доказывая тому, что войска СС и полиция имеют особые задания и для их выполнения у них должны быть развязаны руки. В письме говорится также, что замена фон Рока на более молодого командующего будет Корземаном приветствоваться (с. 180–181).

В следующем разделе книги автор анализирует разные стороны оккупационной политики на занятых территориях. Даны карты, на которых выделены области, находившиеся под военным управлением, и области под гражданским управлением, к последним относились территории прибалтийских республик (рейхскомиссариат Остланд), часть Украины (рейхскомиссариат Украина). Под контролем Румынии находились переданные ей в июле-августе 1941 г. Бессарабия и Приднестровье. В отдельные оккупационные территории под контролем немцев были выделены Галиция и Крым, затем некоторые территории Северного Кавказа. Территория вокруг Белостока, до 1939 г. бывшая польской, была включена в состав Восточной Пруссии (с. 184, 191).

Далее рассказывается о попытках проведения в занятых областях реформ, например, аграрной: «Отмена советского коллективного хозяйства и замена его частной экономической формой представляли собой одну из главных проблем, с которыми сталкивались командующие» (с. 258). Поначалу ожидание того, что кол-

хозы и совхозы будут распущены, было очень велико у сельского населения, пишет автор. Но до нападения на Советский Союз Геринг как ответственный за четырехлетний план и Герберт Баке как статс-секретарь рейхсминистерства продовольствия настояли на сохранении колхозов. По их мнению, так было бы надежнее получать от них необходимое для Рейха продовольствие. Только название *колхозы* по пропагандистским соображениям было заменено на *совместные хозяйства* (с. 258). Для командующих эта проблема приобретала всё бо́льшую актуальность. Тогда как в прибалтийских странах коллективизация не зашла далеко, в Белоруссии и на Украине она охватила большую часть аграрного хозяйства. Как раз на Украине во время принудительной коллективизации умерли миллионы людей, пишет автор, ссылаясь на труд Р. Конквеста 1986 г.¹ В одном из первых докладов генерал-квартирмейстера летом 1941 г. отмечалось: «Если в дальнейшем не будет введена частная собственность, то мы получим большевизм без большевиков» (цит. по: с. 259). Тем не менее в августе 1941 г. было подтверждено, что коллективную собственность необходимо сохранить. Насколько велики были ожидания роспуска колхозов, показывает тот факт, что во многих местах крестьяне поделили колхозную собственность между собой, отмечает автор (с. 259).

Другой проблемой, требовавшей решения, была проблема образования. Командующие пытались проводить здесь прагматическую политику. Еще в мае 1940 г. Гиммлер потребовал ввести в оккупированной Польше только четырехклассное образование. «Неарийская» молодежь на Востоке должна была, по его мнению, уметь считать до 500, писать свое имя, быть послушной немцам, честной и прилежной, умение читать для них было необязательно (с. 264). Розенберг ставил целью с помощью населения окраинных советских государств подавить «великорусскость». Он предлагал создать на Украине университеты и технические высшие школы, чтобы укрепить национальное самосознание. Во время блицкрига было не до решения этих проблем.

Религиозная политика была еще одним важным направлением деятельности оккупационного управления. Подавление церковной жизни в СССР предоставляло в этой сфере перспективу победы над коммунизмом. «В занятых Советским Союзом в 1940 г. странах, хотя преследование религии и началось, но больших достиже-

¹ Conquest R. The harvest of sorrow: Soviet collectivization and the terror-famine. – L.: Hutchinson, 1986. – VIII, 412 p.: ill.

ний тут не было. На занятых территориях с удивлением наблюдали, что даже в русских областях население устремилось во вновь открытые церкви» (с. 272). Известный своими антирелигиозными взглядами Розенберг делал ставку на раздробление церквей. Разработанный им эдикт о терпимости в отношении всех церквей был призван в пропагандистских целях дать понять, что немецкая оккупационная политика более дружелюбна к церквям, чем политика Сталина. Согласование эдикта, однако, затянулось до лета 1942 г. 8 мая 1942 г. Гитлер наконец решился обнародовать эдикт, но не как закон, а как правила урегулирования религиозных свобод, которые устанавливаются самими рейхскомиссариатами. Хотя Гитлер и одобрил проект Розенберга, после того как его шестнадцать раз переделывали, он опасался, что эдикт негативно подействует на всю политику Рейха. Таким образом, использование «церковного вопроса» в целях успешной пропаганды становилось не слишком пригодным (с. 273).

Далее автор пишет о том, как решались вопросы снабжения гражданского населения продовольствием, о голоде зимой 1941–1942 гг. Он анализирует также вопрос занятости, обеспечения населения работой.

Следующий большой раздел книги посвящен борьбе оккупационных властей с партизанским движением. 29 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) принял решение об организации партизанской борьбы в тылу врага. Но его практическое осуществление затянулось на многие месяцы. Согласно советским данным, зимой 1941 г. численность партизанских сил составляла от 80 до 90 тыс. бойцов. С весны 1942 г. их число росло, достигнув летом цифры в 150 тыс. Она не слишком изменялась на протяжении года вплоть до весны 1943 г. И только летом 1943 г. число партизан достигло наивысшей цифры 280 тыс. человек (с. 345).

Немецкая сторона готовилась к антипартизанским действиям позади линии фронта уже с подготовительной фазы войны. Планировалась идеологическая борьба в ходе блицкрига. То, что война против Советского Союза не будет «нормальной войной», было известно верхушке Вермахта еще с речи Гитлера 30 марта 1941 г. Лозунг «*Der Kommunist ist vorher kein Kamerad und nachher kein Kamerad*» – «Коммунист нам не был и не будет товарищем» – касался прежде всего обеспечения безопасности в тыловых областях. Были ли будущие командующие тыловыми районами на произнесении этой речи, остается неясным, но они наверняка были знакомы с ее содержанием.

Многих офицеров, начиная с Первой мировой, преследовала травма «неограниченной войны» в Бельгии, опыт сражений в Прибалтике в 1918 г. и вооруженных столкновений в самой Германии в начале 1920-х годов. Многие предполагали, что от славян, особенно от русских, следует ожидать герилью, которая будет предпочтительной для русских и «еврейского большевизма». Тут действовала и легенда о «кинжале в спину», который якобы был вонзен в тылу и тем самым свел на нет победы немцев на фронтах Первой мировой войны. Командующие тыловыми районами тоже черпали свои познания из данного опыта.

В Верховном командовании Вермахта рассчитывали, что после успешного завершения блицкрига немецкие войска столкнутся с партизанской войной (с. 347). Резервистов, из которых в основном состояли тыловые войска, заранее готовили к борьбе с партизанами. Считали, что русское население благодаря более длительной идеологизации в этом отношении более опасно, чем украинское и прибалтийское. В качестве потенциальной опасности рассматривались отставшие от своих частей красноармейцы, евреи и комиссары, а также «женщины в униформе» (с. 348). Войска СС и дивизии, имевшие задачи охраны безопасности в тылу, собирались вести беспощадную борьбу с партизанами.

Далее приводятся примеры борьбы с партизанами в тыловом районе группы армий «Центр» в 1941 г. Она шла под лозунгом «Борьба с партизанами – это борьба с большевизмом» (с. 364). Начало операции «Тайфун» по захвату Москвы привело к дальнейшему расширению зоны действия тыловых войск. Действия частей, находившихся в тыловом районе «Центр» под командованием Шенкендорфа, по истреблению тех, кто оказывал сопротивление, начиная с октября 1941 г. становились все более brutальными (с. 367). В зимние месяцы, когда, казалось бы, партизан было легче обнаружить в простирающихся на большие расстояния лесных и болотистых местностях, борьбу с ними можно было вести более успешно. Поэтому Шенкендорф и его заместитель генерал Кох-Эрпах требовали присылки все новых подкреплений. Однако провал наступления на Москву и успешное контрнаступление русских заставили перебрасывать все больше тыловых частей на передовую. Возникла патовая ситуация, когда группы партизан сумели реорганизоваться и получали обеспечение в отдаленных деревнях, тогда как у оккупационных войск не было достаточных сил для дальнейших действий. Шенкендорф получил отпуск по состоянию здоровья и конец 1941 – начало 1942 г. провел в кругу семьи. Ав-

тор анализирует далее положение в тыловых районах групп армий «Юг» и «Север», где уже летом 1941 г. начались столь же brutальные операции против партизан (с. 368–377). В последующих главах отражены конкретные эпизоды борьбы немецких оккупационных войск с партизанами в 1942–1943 гг.

Следующий крупный раздел монографии озаглавлен «Командующие и истребление еврейского населения». Согласно последней довоенной переписи населения Советского Союза евреев в нем насчитывалось 5 млн 200 тыс. Более 3 млн считались принадлежащими к иудаизму. Что касается оккупированных областей, то на Украине проживали 1 млн 533 тыс. евреев, в Белоруссии – 375 тыс. и в занятых немцами областях РСФСР, в том числе в Крыму и на Кавказе, – 200 тыс. (с. 457).

«Массовое убийство еврейского населения относится к самым страшным преступлениям времени немецкого господства на оккупированных землях Советского Союза», – пишет автор (с. 472). Оно тесно связано с подготовкой преступных планов войны с Советским Союзом. Определить точную цифру погибших не представляется возможным, замечает Хазенклевер. Историк Дитер Поль приводит цифру 500 тыс. убитых советских евреев только в прифронтовой зоне и в прилегающих тыловых областях. Всего же на оккупированной территории было убито 2 млн 500 тыс. евреев (с. 473). В этих убийствах замешаны полицейские подразделения, части СД, коллаборационисты из местного населения, действовавшие под контролем СС.

В заключительной части подводятся итоги работы. Командующие тыловыми районами не были готовы выполнять стоявшие перед ними непосредственные задачи, считает автор. В отсылавшихся ими донесениях и записках в качестве главного ставился вопрос, как можно добиться сотрудничества с местным населением. Недостаточность такого сотрудничества могла привести к тому, что население могло уйти в партизанские отряды. Борьба с партизанами была истинной военной задачей командующих. От нее зависели отношения с местным населением. Все концепции борьбы с партизанами оказались неэффективными. Отношение к еврейскому населению показывает, насколько командующие тыловыми областями были связаны с идеологией национал-социализма. «Если задаться вопросом, почему командующие себя так вели, беря на себя ответственность за осуществление преступной национал-социалистской оккупационной политики, то следует сказать, что биографические

факторы играли здесь столь же важную роль, как и различные ситуативные факторы» (с. 565).

Дальнейшая судьба командующих тыловыми районами групп армий складывалась по-разному. М. фон Шенкендорф умер от сердечного инфаркта, находясь на лечении, летом 1943 г. Тогда как Эрих Фридериси оставался на службе до конца войны, двоюродные братья Карл и Эрих фон Рок были отправлены в отставку весной 1943 г. в порядке «омоложения» Вермахта. Никто из командующих не попытался отказаться от выполнения преступных нацистских приказов на территории управлявшихся ими тыловых областей. Лишь Карл фон Рок был привлечен к судебной ответственности за свои действия во время войны. Франц фон Рок и Эрих Фридериси спокойно нашли себе место в западногерманском послевоенном обществе.

Если рассматривать все в совокупности, то эти командовавшие тыловыми районами генералы ни в коем случае не были нетипичными представителями генералитета. Они безоговорочно подчинились доктрине национал-социалистов по поводу оккупационной политики и войны на уничтожение на Восточном фронте (с. 568).

В.П. Любин

Ермолов И.Г.

**ТРИ ГОДА БЕЗ СТАЛИНА: ОККУПАЦИЯ:
СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ МЕЖДУ НАЦИСТАМИ
И БОЛЬШЕВИКАМИ, 1941–1944. –**

М.: Центрполиграф, 2010. – 383 с.

(Реферат)

Монография Игоря Ермолова посвящена такой почти не исследованной до сих пор теме, как гражданский коллаборационизм на оккупированной советской территории. В советское время эта проблематика находилась фактически под запретом, поскольку официальная пропаганда отрицала массовое сотрудничество населения с оккупантами, пытаясь представить коллаборационизм как дело преступников-одиночек. В зарубежной историографии, как и в российской литературе постсоветского периода, основное внимание уделяется истории Русской освободительной армии генерала А.А. Власова и других коллаборационистских вооруженных формирований, т.е. сотрудничеству с немцами в военной области, тогда как гражданский коллаборационизм, под которым автор понимает сотрудничество в государственном управлении, охране правопорядка, экономике, религиозной сфере, культуре и идеологии, по-прежнему привлекает лишь эпизодический интерес исследователей. Между тем значение этой проблемы не следует недооценивать, ведь «если в военных коллаборационистских процессах, т.е. вооруженной борьбе против своего правительства, приняло участие, по различным оценкам, от 1 до 1,5 млн советских граждан, то в гражданской сфере с оккупантами сотрудничало около 22 млн граждан СССР» (с. 8). Автор использует довольно обширный комплекс источников, опубликованных и неопубликованных, включая документы РОА, воспоминания бывших коллаборационистов, периодиче-

ские издания и другие пропагандистские материалы, выходившие на оккупированных территориях.

Монография состоит из введения, пяти тематических глав и заключения, снабжена документальным приложением. Во введении автор оговаривается, что избранная им проблематика – гражданский коллаборационизм – является исключительно обширной и его работа скорее намечает пути для дальнейшего изучения этой темы, нежели содержит ее исчерпывающее изложение. «Каждый из разделов настоящей книги, – подчеркивает Ермолов, – может в дальнейшем стать предметом самостоятельного глубокого исследования» (с. 17).

Работа выполнена главным образом на материале оккупированных областей РСФСР, особенностью которых было то, что они в основном находились в тыловой зоне германских войск и управлялись военной администрацией, в отличие от территорий Украины, Белоруссии и прибалтийских республик. Во вновь занятых Вермахтом местностях формировалась система органов самоуправления, подконтрольных соответствующим армейским комендатурам. Работники этих органов рекрутировались из местного населения, до трети от их общего числа составляли бывшие советские управленцы, в том числе бывшие коммунисты и комсомольцы. Из местного населения была сформирована также вспомогательная полиция; в основном она использовалась для поддержания правопорядка и охраны важных объектов, но могла привлекаться и к борьбе с партизанами. В областях, остававшихся под контролем немцев достаточно долго, удавалось сформировать даже судебную систему, тоже с активным привлечением бывших работников советской юстиции. На оккупированных территориях была воссоздана, хотя и в сокращенном виде, сеть образовательных учреждений, кроме высших учебных заведений. Попытки восстановить систему здравоохранения дали лишь ограниченные результаты из-за острой нехватки кадров. Была создана и система социального обеспечения.

Экономическая политика оккупантов была нацелена прежде всего на восстановление обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства для удовлетворения потребностей Вермахта и вывоза продовольствия в Германию. Возрождение частного предпринимательства стимулировало, кроме того, развитие сферы обслуживания, а также мелкой промышленности, удовлетворявшей потребности не только немецких солдат, но и местного населения. К работе на предприятиях привлекался и их прежний персонал,

если он не был эвакуирован. В целом, однако, уровень промышленного производства был довольно невысоким, как и уровень жизни на оккупированных территориях. Что касается сельского хозяйства, то российская деревня подвергалась существенно меньшей эксплуатации по сравнению с тем, что происходило, например, в Белоруссии и на Украине. Однако колхозы были ликвидированы довольно поздно, уже в последние месяцы оккупации. Это стало одной из причин того, что немцам так и не удалось завоевать симпатии советских крестьян. Хотя «именно сельское хозяйство стало и оставалось в течение всего периода оккупации основным поставщиком продукции для германской армии», следует учитывать, что «не представляется возможным провести четкую грань между коллаборационизмом в среде крестьянства и его вынужденной работой на оккупантов» (с. 178).

Отдельная глава монографии посвящена псевдогосударственным образованиям, созданным немцами на территории РСФСР, и другим примерам проведения мягкой оккупационной политики в отдельных местностях, в частности, по отношению к казакам. Там, где осуществлялась подобная политика, уровень жизни населения был значительно выше, чем на других оккупированных территориях; высоким был и уровень поддержки оккупантов местными жителями. Приведенные в главе примеры показывают, насколько широки были возможности по привлечению местного населения на свою сторону, упущенные немцами из-за их приверженности нацистским доктринам. Впрочем, автор отмечает, что описанная им смягченная оккупационная политика и не могла проводиться повсеместно, поскольку это лишило бы смысла саму агрессию против СССР. Значительное внимание в книге уделяется также коллаборационизму в таких областях, как идеология и пропаганда, религия, наука, культура, анализируются его мотивы и последствия.

Суммируя в заключении результаты своего исследования, Ермолов подчеркивает, что они «в корне опровергают устоявшееся мнение отечественных историков, упростивших коллаборационизм до банального предательства, услужения немцам, классовых отношений» (с. 307). В действительности сотрудничество с оккупантами в гражданской сфере приняло беспрецедентные масштабы, затронув в той или иной степени все слои населения и этнические группы. Автор далек от мысли о том, что преобладающим мотивом коллаборантов была ненависть к сталинскому режиму: этот фактор, безусловно, имел место, но для многих советских граждан, оказавшихся в тылу врага, работа на подконтрольных немцам

предприятиях и в органах местного самоуправления просто осталась единственным источником пропитания в условиях всеобщей разрухи. «Морально-политическое единство» советского общества на деле оказалось не более чем иллюзией; его неоднородность выявилась сразу же, как только огромные массы людей, проживавших на оккупированных территориях, освободились от контроля со стороны советской администрации и получили возможность выбора. К тому же в первые полтора года войны, после тяжелейших поражений Красной армии, определенная часть населения была уверена в том, что СССР неизбежно будет разгромлен. Массовый коллаборационизм, таким образом, в немалой степени был обусловлен довоенной политикой советского правительства. Нацистское военно-политическое руководство со своей стороны тщательно скрывало свои истинные планы в отношении населения оккупированных территорий. Война с Советским Союзом преподносилась германской пропагандой как освободительная борьба против «еврейского большевизма», что должно было, по замыслам нацистов, привлечь симпатии значительной части советских граждан на их сторону. Другим фактором, способствовавшим разрастанию масштабов гражданского коллаборационизма, были непростые отношения между мирным населением и партизанами; в анализируемых автором документах упоминаются случаи грабежей, мародерства, насильственного увода людей в лес и т.д. Ситуацию усугубляли действия созданных немцами ложных партизанских отрядов, специально предназначенных для дискредитации партизанского движения.

Затрагивая вопрос об ответственности коллаборационистов, сотрудничавших с немцами в гражданской сфере, автор призывает учитывать то обстоятельство, что их деятельность была весьма разнообразной и часто не оказывала практически никакого влияния на ход и результаты советско-германского противоборства. Были и случаи псевдоколлаборационизма, когда лица, сотрудничавшие с оккупантами, были связаны с партизанами и подпольем или просто пытались по возможности помочь своим согражданам, сохранить уцелевшие очаги культуры и т.д., что было бы невозможно без взаимодействия с германскими властными структурами. Советские карательные органы, впрочем, не склонны были впоследствии вникать в эти тонкости.

Значение гражданского коллаборационизма в истории Отечественной войны было огромным. Именно помощь со стороны коллаборантов позволила нацистам в кратчайшие сроки наладить управление оккупированными областями, организовать эксплуата-

цию их ресурсов. Коллаборационизм, таким образом, представлял собой исключительно опасное явление. В сложившихся условиях он стал своеобразным противовесом партизанскому движению и может рассматриваться как одна из важных причин того, что немцам удалось удерживать значительную часть территории Советского Союза на протяжении двух, а то и трех лет.

М.М. Минц

Мусял Б.
СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ, 1941–1944:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
(Реферат)

Ref. ad op.: Musial B. Sowjetische Partisanen, 1941–1944: Mythos und Wirklichkeit. – Paderborn u. a.: Ferdinand Schöningh, 2009. – 592 S.

Польский историк Богдан Мусял (в настоящее время работает в Университете имени кардинала Стефана Вышинского в Варшаве) в книге «Советские партизаны, 1941–1944: Мифы и реальность» дает развернутую и довольно детальную картину партизанской борьбы на оккупированных территориях Советского Союза, опираясь главным образом на советские архивные документы, открытые для исследователей после его распада. Работа выполнена на примере Белоруссии, где партизанская активность была самой высокой не только в СССР, но и в Европе в целом. По разным данным, на территории республики действовали не менее половины от общего числа советских партизан. Опыт Белоруссии примечателен и тем, что там существовали также польские, еврейские и украинские формирования, находившиеся в весьма непростых отношениях между собой. Целью советских партизан, подчинявшихся Центральному штабу партизанского движения (ЦШПД), было восстановление советской власти на всей территории Союза в границах 1941 г., тогда как польские партизаны боролись за возрождение некоммунистической Польши и по-прежнему рассматривали Западную Белоруссию и Западную Украину как ее составную часть; отсюда их конфликты, нередко весьма серьезные, с советскими партизанами. Еврейские партизаны действовали в составе советских формирований, но стремились по возможности создавать

свои автономные подразделения, а целью их борьбы было не только изгнание агрессора, но и выживание в условиях проводившегося нацистами геноцида. Украинские партизаны конфликтовали и с советскими, и с польскими. Автор пытается отойти от распространенного в советской и частично в западной историографии «героического» образа партизанского движения и реконструировать сложную и драматичную историю партизанской борьбы на Восточном фронте в той мере, в какой это возможно для современного исследователя.

Советский миф о партизанах «скорее в закамуфлированной форме, чем в открытой, служил легитимации советского режима. Этот миф содержал среди прочего тезисы о том, что партизанское движение имело всенародный характер, что коммунистическая партия возглавляла его с самого начала, что советские партизаны пользовались широкой поддержкой местного населения» (с. 12–13). В современной российской и белорусской историографии эта точка зрения, за редким исключением, остается доминирующей до сих пор. На Западе история партизанского движения в Советском Союзе изучается довольно активно еще с 1950-х годов, однако западные исследователи вплоть до недавнего времени вынуждены были обходиться главным образом немецкими источниками, что обусловило известную однобокость их взгляда на изучаемый предмет. Первые работы, основанные на рассекреченных советских документах, появились лишь в 1990-е годы. Кроме того, в США и Израиле существует богатая историография еврейского сопротивления, а в Польше после падения коммунистического режима началось активное изучение деятельности польских партизан, в том числе на территории так называемой Восточной Польши, т.е. Западной Белоруссии и Западной Украины. Тем не менее освоение корпуса советских документов, по заключению автора, находится пока лишь на начальной стадии. Своей книгой он надеется сделать еще один шаг в этом направлении.

Исследование выполнено на обширной источниковой базе, включающей документы из российских, белорусских и западных архивов, а также многочисленные воспоминания и интервью. Основной массив документов белорусских партизанских формирований и подпольных организаций хранится в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ); автор использовал также областные архивы в Гродно и в Гомеле. Документы ЦК ВКП (б) и Политбюро хранятся в РГАСПИ, там же доступны документы ЦШПД, ГКО и личные фонды Сталина, К.Е. Ворошилова, Г.М. Маленкова, В.М. Мо-

лотова, А.А. Жданова и первого секретаря ЦК компартии Белоруссии в 1938–1947 гг. П.К. Пономаренко, возглавлявшего ЦШПД в 1942–1944 гг. В книге используются также документы из ГАРФ, РГВА, ЦАМО, Центрального государственного архива общественных объединений Украины (ЦДАГОУ). Немецкие документы, посвященные борьбе с партизанами, хранятся как в германских архивах (Федеральный архив Германии, в том числе Военный архив во Фрайбурге; Институт современной истории в Мюнхене), так и в бывших советских (НАРБ, РГВА). Документы польской Армии крайовой, подразделения которой действовали и в Западной Белоруссии, доступны в Архиве новых актов и в архиве Института национальной памяти в Варшаве. В архивах института «Яд ва-Шем» в Иерусалиме и Еврейского исторического института в Варшаве имеются многочисленные материалы по еврейским партизанским отрядам и подпольным группам, а также обширный корпус воспоминаний и интервью. Ретроспективные источники и материалы устной истории автор использует довольно активно, хотя и отмечает, что в плане фактологии они требуют осторожного к себе отношения. Значительное количество интервью взято им самим.

Во введении к книге обосновывается постановка проблемы, дается ее краткий историографический очерк и описываются использованные источники. В последующих разделах введения кратко рассматриваются исторические предпосылки изучаемых событий: история советской Белоруссии в 1920–1930-е годы, политика советской администрации во вновь присоединенной Западной Белоруссии в 1939–1941 гг., основные черты германской оккупационной политики в Белоруссии в 1941–1944 гг. и советские мероприятия по подготовке к партизанской войне, проводившиеся в 1920–1930-е годы. Основной текст монографии состоит из девяти глав, из которых первые семь описывают в хронологическом порядке важнейшие этапы истории партизанского движения в Белоруссии в 1941–1944 гг., а главы VIII и IX посвящены соответственно социальным и этническим аспектам партизанского движения. В завершающем книгу эпилоге излагаются общие результаты исследования.

Исторически советская Белоруссия в границах 1941 г. состояла из двух частей. Восточная Белоруссия входила в состав СССР с самого начала его существования, ее территория в 1920-е годы несколько раз расширялась за счет соседних российских и украинских областей, население к 1939 г. насчитывало около 5 млн 600 тыс. человек. Белорусы составляли более 80% населения, также в респуб-

лике проживали евреи, русские, поляки, украинцы и небольшое количество представителей других этносов. К началу Второй мировой войны Белорусская ССР пережила коллективизацию, раскулачивание и несколько волн репрессий, в том числе и по национальному признаку («польская операция» НКВД). Советской администрации удавалось удерживать ситуацию под контролем, но латентное недовольство режимом сохранялось.

Население Западной Белоруссии, входившей до 1939 г. в состав Польши, насчитывало 4 млн 150 тыс. человек, из них 48% белорусов и 36% поляков, 388 тыс. евреев. Административные должности занимали в основном поляки, к тому же правительство II Речи Посполитой проводило в Восточной Польше целенаправленную политику полонизации; белорусы и евреи в этих условиях ощущали себя ущемленными в правах. Ситуация резко поменялась после присоединения Западной Белоруссии к Советскому Союзу. Первыми и в наибольших масштабах советскую репрессивную политику испытали на себе поляки, которые не только утратили свое прежнее привилегированное положение, но и подверглись арестам и депортациям. Белорусское и еврейское население на первых порах встретило советизацию с энтузиазмом, но начавшаяся вскоре принудительная коллективизация вкупе с репрессиями против «антисоветских элементов» вызвала быстро растущее недовольство. В наиболее сложном положении оказались евреи: новая власть уравнивала их в правах с другими группами населения, но еврейская элита также подверглась репрессиям, в то время как у местных поляков и белорусов сформировался стереотип о якобы массовом сотрудничестве евреев с советскими поработителями.

В период нацистской оккупации бо́льшая часть Западной Белоруссии вошла в состав генерального комиссариата Белорутения с центром в Минске, входившего, в свою очередь, в состав рейхскомиссариата Остланд. Восточные области республики, находившиеся в тылу группы армий «Центр», управлялись военной администрацией. Ближайшими целями оккупационной политики немцев были защита коммуникаций и использование ресурсов оккупированных территорий для снабжения воюющих соединений Вермахта. В перспективе задумывалась также «очистка» этих территорий от местного славянского населения, часть которого предполагалось уничтожить, часть – депортировать, а часть – оставить в качестве рабов. Евреев предполагалось уничтожить еще раньше.

В первые недели после германского вторжения значительное число белорусов отнеслись к немцам благожелательно – сказалось недовольство довоенной политикой Москвы. Но в дальнейшем проводившиеся оккупационными властями операции по борьбе с партизанами, сопровождавшиеся массовыми убийствами мирного населения (их жертвами, по данным автора, стали 200–250 тыс. человек), привели к стремительному нарастанию недовольства и таким образом, вопреки расчетам захватчиков, способствовали дальнейшему развертыванию партизанской войны. Еврейское население Белоруссии (на оккупированной территории остались примерно 500–550 тыс. евреев) за годы оккупации было почти полностью уничтожено. Репрессиям подверглись также поляки. Общее число жертв среди гражданского населения Белоруссии автор оценивает в 800 тыс. человек.

Во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов в СССР, несмотря на «наступательную» военную доктрину, проводилась довольно активная подготовка к партизанской войне на территории Ленинградского, Белорусского и Украинского военных округов, главным образом на случай конфликта с Польшей, поскольку по расчетам советских военных специалистов советской стороне для мобилизации и стратегического развертывания на польской границе требовалось 30 дней, тогда как полякам – только 14 дней. Подготовку к партизанским действиям традиционно связывают с именем М.В. Фрунзе, хотя в действительности эта идея принадлежала Ф.Э. Дзержинскому, по инициативе которого в 1925 г. началось тайное формирование партизанских и диверсионных групп и оборудование баз, были созданы партизанские школы и т.д. «К началу 1930-х годов, – пишет автор, – Советский Союз был подготовлен к ведению партизанской войны на собственной территории так хорошо, как ни одна другая страна в мире» (с. 36). В 1937–1938 гг., однако, эти работы были свернуты, партизанские отряды расформированы, базы ликвидированы, сама идея заблаговременной подготовки к партизанской войне признана пораженческой, многие лица, принимавшие участие в этой работе, подверглись репрессиям. Как результат, в 1941 г. СССР к развертыванию партизанской войны в условиях стремительного германского наступления на восток оказался не готов.

Формирование партизанских отрядов началось уже в последних числах июня 1941 г. Наиболее активно этим занимались местные партийные органы и органы госбезопасности. Важную роль сыграл также Оперативно-учебный центр Западного фронта

под руководством И.Г. Старина, созданный 13 июля в Гомеле. Личный состав таких отрядов набирался в основном из сотрудников милиции, а также коммунистов, комсомольцев, местных активистов и т.д. В ряде случаев партизанские отряды формировались на основе созданных ранее истребительных батальонов. Кроме того, большое количество отрядов образовалось спонтанно, в них входили в основном окруженцы или бывшие военнопленные, сумевшие бежать либо отпущенные немцами. Такие отряды, впрочем, партизанскими можно считать лишь с оговоркой, поскольку в 1941 г. они почти не предпринимали никаких диверсий против немцев, их усилия были сосредоточены в основном на том, чтобы выжить.

Единое руководство партизанским движением в 1941 г. отсутствовало, а практические его успехи оказались довольно скромными. Более того, подавляющая часть сформированных в этом году отрядов и групп уже к концу года распалась или была разгромлена противником. Главными причинами этого автор считает низкий уровень подготовки партизан (сами немцы называли их действия «дилетантскими») и враждебное отношение местного населения, которое в первые месяцы оккупации еще не было расположено защищать сталинский режим.

Переломным пунктом в истории партизанского движения стало начало 1942 г. Контрнаступление Красной армии вынудило немцев перебросить часть оккупационных войск на фронт, что на какое-то время сделало невозможными сколько-нибудь серьезные операции против партизан. Тогда же к партизанам присоединилось довольно большое количество бывших окруженцев и военнопленных, которые до этого предпочитали скрываться по деревням: в начале 1942 г. оккупационные власти начали активно разыскивать ранее отпущенных пленников для отправки обратно в концлагеря или на принудительные работы в Германию. К августу в Белоруссии действовали уже свыше 20 тыс. партизан, половина из которых были сосредоточены в Витебской области и снабжались штабом 4-й ударной армии через разрыв в оборонительных позициях Вермахта (так называемые «Суражские ворота»). Витебские партизанские бригады комплектовались не только добровольцами из числа бывших красноармейцев, но и местными жителями в принудительном порядке. Нападения на германские части, впрочем, и в этот период были редкостью, несмотря на возросшую численность партизанских отрядов, что вызывало заметное недовольство советского командования. Осенью партизанам удалось добиться опреде-

ленных успехов в нанесении ударов по коммуникациям противника, но немцы довольно быстро перестроили свою тактику борьбы с ними, и партизанские операции снова пошли на спад. Карательные акции оккупантов все чаще сопровождались массовыми убийствами мирных жителей.

Идею о создании центрального органа для руководства партизанским движением еще летом 1941 г. высказывал первый секретарь КП (б) Б.П.К. Пономаренко, основной идеолог партизанской войны как всенародного движения. На этом этапе его план, однако, поддержки не получил. В числе его противников оказался среди прочих нарком внутренних дел Л.П. Берия, настаивавший на том, что по-настоящему эффективную борьбу в тылу противника могут вести только профессиональные диверсанты. В 1942 г. ситуация изменилась, и 30 мая решением ГКО был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с самим Пономаренко, подчиненный Ставке верховного главнокомандования. То, что начальником ЦШПД стал человек невоенный, к тому же занимавший не самое высокое место в партийной иерархии, свидетельствует, по мнению автора, о том, что создание Центрального штаба преследовало не только военные, но и идеологические цели. Впрочем, 6 сентября 1942 г. был учрежден также пост главнокомандующего партизанским движением; его занял К.Е. Ворошилов. ЦШПД работал до марта 1943 г., был вновь образован в апреле того же года и окончательно расформирован 13 января 1944 г.

Своего пика партизанское движение достигло в 1943 г. Если 15 августа 1942 г. ЦШПД поддерживал связь с 813 партизанскими отрядами общей численностью 93 497 человек, из которых 252 отряда (27 444 человека) действовали в Белоруссии и 14 отрядов (7500 человек) – на Украине, то к 10 декабря 1943 г. число отрядов выросло до 1106, а их общая численность – до 175 510 человек. В Белоруссии насчитывалось 720 отрядов численностью 123 420 человек – 70,3% всех советских партизан. На Украине в это же время действовали 147 отрядов (25 444 человека). Поскольку наладить регулярную радиосвязь между отрядами и вышестоящими штабами по-прежнему не удавалось, координация их действий была весьма относительной.

Отличительным признаком партизанской войны в Белоруссии в этот период стало появление многочисленных партизанских краев – территорий, полностью контролировавшихся партизанами; в некоторых из них воссоздавались советские органы власти. Немалые проблемы порождало существование большого количества

«диких» отрядов, участники которых также называли себя партизанами, но не подчинялись ЦШПД и занимались зачастую банальным грабежом; среди местного населения они оставили недобрую память, о чем свидетельствуют собранные автором интервью. Оккупационные власти в ответ на возросшую активность партизан предприняли целую серию операций по их подавлению, сопровождавшихся созданием так называемых мёртвых зон, на территории которых были уничтожены тысячи деревень, часто вместе с жителями. Жертвы среди мирного населения приняли такие масштабы, что даже генеральный комиссар Белорутении В. Р. П. Кубе, известный своей жестокостью, предупреждал вышестоящее руководство 6 июня 1943 г., что такие действия могут привести к тому, что «следующей зимой у нас будут уже не партизаны, а всеобщее восстание» (цит. по: с. 207). Подавить партизанское движение в Белоруссии немцам так и не удалось, их преступления лишь провоцировали дальнейший его рост.

Осенью 1943 г. войска Красной армии подошли к границам Белоруссии и освободили часть ее территории. В начале 1944 г. фронт стабилизировался, позиционные бои продолжались вплоть до июня. К этому моменту под контролем партизан находилось уже около двух третей оккупированной территории республики. Помимо собственно партизан в лесах скрывались тысячи мирных жителей, спасавшихся от немецкого террора (к прежним операциям по борьбе с партизанами теперь добавилась эвакуация населения прифронтовой полосы, которое вывозилось либо в концлагеря, либо на принудительные работы в Германию). Советское командование даже рассчитывало широко использовать партизан в будущей операции по освобождению Белоруссии.

Планам этим, однако, не суждено было воплотиться в жизнь. Партизаны по-прежнему испытывали острую нехватку оружия и особенно боеприпасов, а территория Белоруссии из глубокого тыла, охраняемого относительно слабыми оккупационными частями, превратилась теперь в прифронтовой регион и перешла в ведение 800-тысячной группы армий «Центр», командование которой само опасалось, что с началом нового советского наступления позади его оборонительных позиций может возникнуть своеобразный второй фронт. Чтобы ликвидировать эту угрозу, группа армий «Центр» в январе–марте 1944 г. сосредоточила максимум своих сил на борьбе с партизанами и в результате целой серии операций сумела ликвидировать партизанские края в непосредственном тылу германских войск, вытеснив оборонявшие их отряды дальше на

запад. В дальнейшем, с апреля, немцы приступили к операциям по окончательному уничтожению партизанских соединений в западной части Белоруссии. Осуществлению этих планов помешало советское наступление (операция «Багратион»), начавшееся 23 июня. Тем не менее потери партизан за первую половину 1944 г. были огромными, и в освобождении Белоруссии их роль оказалась весьма ограниченной, хотя они и приняли участие в ликвидации окруженных германских частей.

К 20 июля 1944 г. территория Белоруссии была полностью очищена от оккупантов, группа армий «Центр» разгромлена. 141 тыс. партизан соединились с частями Красной армии, лишь около 2600 человек еще продолжали вести борьбу в тылу врага. После завершения операции «Багратион» партизанские отряды были расформированы, а их бойцы либо направлены в армию, либо приняли участие в восстановлении советской администрации. Участвовали они и в репрессиях против польского населения западных областей Белоруссии; многолетняя борьба за обладание этими территориями приняла, таким образом, новый оборот.

Бытующие в советской и постсоветской историографии оценки численности советских партизан (свыше 1 млн человек) являются, таким образом, многократно завышенными. В действительности их количество не превышало 200 тыс. Согласно сохранившимся статистическим материалам, наибольшую часть из них составляли белорусы (67,79%), русских насчитывалось 21,31%, украинцев – 4,63, евреев – 2,6%. Женщины-партизаны составляли лишь 7,83% от общей численности; борьба в тылу врага являлась по преимуществу мужским делом. В то же время женщины часто использовались в разведке и в качестве связных, здесь их процент был довольно большим. Что касается образовательного уровня, то 78,93% партизан имели лишь начальное образование, 16,82% – среднее. В социальном отношении наиболее многочисленной группой были крестьяне (39,25%), рабочих насчитывалось 15,89%, 14,16% составляли солдаты и офицеры Красной армии, 12,24% – студенты и школьники. Больше всего людей присоединилось к партизанам в 1943 г. (60,98%), еще 15,08% воевали с 1944 г., 13,69% – со второй половины 1942 г. Доля партизан, действовавших с первых месяцев войны, была гораздо ниже: лишь 2,01% участников партизанского движения присоединились к нему в 1941 г., 7,64% – в первой половине 1942 г. Потери советских партизан (включая погибших в бою, казненных нацистами и пропавших без вести) составляют не менее 35 тыс. человек.

Подводя в эпилоге итоги своей работы, автор приходит к выводу, что целый ряд сложившихся еще в советское время стереотипов о партизанской войне в Белоруссии нуждается в существенном пересмотре. Так, не соответствует действительности тезис о том, что партизанское движение с самого начала приняло всенародный характер. На протяжении 1941 г. партизанские отряды формировались главным образом из милиционеров, сотрудников госбезопасности, партийных и государственных функционеров, комсомольцев, местных активистов и т.д., т.е. из людей, непосредственно связанных с советским режимом. Местные жители, крестьяне и рабочие, на этом этапе не только не принимали сколько-нибудь активного участия в партизанском движении, но и оказали значительную помощь немцам в противодействии ему. Ситуация изменилась в 1942 г., когда к партизанам стали присоединяться беглые и освобожденные военнопленные, а также красноармейцы, не сумевшие выбраться из окружения.

Представление о централизованном характере партизанского движения также требует уточнения. Формально в конце 1942 – начале 1943 г. оно получило довольно стройную организационную структуру во главе с созданным 30 мая 1942 г. ЦШПД, но на деле контроль этого органа над конкретными партизанскими формированиями был весьма относительным из-за проблем со связью.

Успехи партизан в борьбе с германскими войсками и в подрыве их коммуникаций, как показывает исследование, были невелики, во многом из-за постоянных перебоев в снабжении вооружением, боеприпасами, взрывчаткой и т.д. Знаменитая «рельсовая война», развернутая ЦШПД в августе 1943 г. (всего было выведено из строя около 300 км железнодорожных путей), действительно дезорганизовала вражеский тыл, но лишь на время; со второй половины сентября немцы, усилив охрану путей, сумели довольно быстро снова вернуть ситуацию под контроль. Столь же безуспешными были и попытки использовать партизан для военной разведки, хотя Сталин и рассматривал это в качестве одной из главных их задач. Наибольшей эффективности партизаны добились в борьбе с оккупационной администрацией, включая расправы над коллаборационистами, нападения на местные предприятия и созданные немцами органы власти, полицию и т.д., особенно начиная с 1942 г. Последствия этих операций сами немцы расценивали как катастрофические, поскольку они препятствовали нормальному управлению оккупированными землями. Немалых успехов партизаны добились и в разложении местной полиции и других коллаборационистских

формирований, многие бойцы которых, особенно с 1943 г., уходили в леса и присоединялись к борьбе с захватчиками.

Мирное население оккупированных областей оказалось по существу между двух огней. Для партизан оно было основным поставщиком продовольствия, а также одежды; кроме того, партизанские командиры прибегали и к принудительным мобилизациям местных жителей в свои отряды. Немцы на первых порах рассчитывали привлечь белорусов на свою сторону, но создававшиеся ими местные коллаборационистские формирования, как правило, плохо вооруженные и необученные, были не в силах защитить мирных граждан от партизан. На продолжающиеся нападения из леса оккупационные власти отвечали все более жестокими карательными операциями, жертвами которых в первую очередь становились, вопреки официальным заявлениям, не партизаны, а опять-таки местное население.

В особенно сложном положении оказались еврейские партизанские отряды, формировавшиеся главным образом из многочисленных евреев, которым удавалось вырваться из гетто. В отличие от остальных советских партизан, они сосредотачивали основные усилия не на операциях против оккупантов, а на выживании, частым явлением было создание семейных формирований. Высокий уровень антисемитизма приводил к тому, что евреям далеко не всегда удавалось получить поддержку нееврейских партизан; более того, для евреев, бежавших из гетто, партизаны зачастую представляли не меньшую опасность, чем немцы или коллаборационисты. Еврейские партизанские отряды часто были хуже вооружены, чем нееврейские, несли больший урон от немецких карательных операций и испытывали серьезные проблемы со снабжением, а попытки, часто насильственные, получить необходимые запасы от местных жителей лишь усиливали антисемитские настроения. «Возникал порочный круг насилия и контрнасилия, вылившийся в убийства евреев» (с. 442).

Автор отмечает, однако, что «всё это ни в коей мере не умаляет заслуг партизан, которые, несмотря на в высшей степени неблагоприятные условия, храбро и решительно сражались против нацистских оккупантов [...] Они ни в коем случае не были исключением и достаточно часто платили высшую цену за свое решение подняться на вооруженную борьбу против немецких захватчиков. Многие из них вступили в эту борьбу не потому, что они принципиально поддерживали советский режим и советскую политику, их просто вынуждала к этому бесчеловечная оккупационная политика

нацистов. В особенности это относилось к тысячам солдат и офицеров Красной армии, оставших от своих частей или бежавших из плена, к евреям, бежавшим из гетто, равно как и к белорусам, русским и полякам, пережившим беспощадные немецкие операции против партизан, приводившие к сотням тысяч жертв среди гражданского населения» (с. 443).

М.М. Минц

ЭВАКУАЦИЯ И ТЫЛ **(Сводный реферат)**

1. Мэнли Р. На станцию Ташкент: Эвакуация и выживание в Советском Союзе в годы войны.

Manley R. To the Tashkent station: Evacuation and survival in the Soviet Union at war. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2009. – XVIII, 282 p.: ill.

2. Холмс Л. Война, эвакуация и осуществление власти: Центр, периферия и Кировский педагогический институт, 1941–1952.

Holmes L.E. War, evacuation, and the exercise of power: The center, periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952. – Lanham etc.: Lexington Books, 2012. – XXXIV, 239 p.: ill.

Исследование Ребекки Мэнли (Университет Куинс, Кингстон, Канада) посвящено судьбе советских беженцев в годы Второй мировой войны. Всего к осени 1942 г. в восточные регионы страны было эвакуировано около 16 млн 500 тыс. советских граждан с территорий восьми республик. В известном смысле это было продолжение процессов, охвативших в то время всю Европу, где число перемещенных лиц, по разным оценкам, достигало 60 млн человек. В то же время опыт беженцев в СССР во многом является специфически советским. Причиной тому был не только беспрецедентный масштаб эвакуации на восток, но и ее организованный характер: значительная часть беженцев была вывезена из прифронтовых районов в результате целенаправленных усилий советского правительства, стремившегося таким образом не только защитить жизни своих граждан, но и сохранить в своем распоряжении, хотя бы частично, людские ресурсы тех областей, которым угрожала неприятельская оккупация. Кроме того, описываемые миграции

населения происходили внутри страны, и это также отличает советских беженцев от их европейских собратьев по несчастью; характерно, что в советских документах чаще всего употреблялся термин *эвакуированные*, а не «беженцы» или «перемещенные лица».

Описываемые процессы, заключает автор, являются, таким образом, «одновременно историей Второй мировой войны, на самом жестоком из ее фронтов, и историей советского общества и государства в момент кризиса» (1, с. 2). Мэнли рассматривает эту историю на нескольких уровнях, в ее книге не только анализируются решения центральных органов в Москве, но и описывается повседневный опыт эвакуированных. Автор отмечает также, что ее книга посвящена истории городского общества, а не сельского, поскольку эвакуации подлежали прежде всего городские жители, которые на востоке страны размещались в основном также в городах. Их положение Мэнли исследует на материалах Ташкента, давшего приют почти 100 тыс. беженцев, среди которых были и такие известные личности, как А. Ахматова, А. Толстой, К. Чуковский. Ташкент стал своеобразным символом жизни в эвакуации.

В определенном смысле эвакуация была продолжением советской политики предвоенных лет, в рамках которой централизованное управление перемещениями населения (как принудительными, так и добровольными) рассматривалось не только как необходимое условие для того, чтобы заложить основы дальнейшего экономического роста, но и как способ улучшить само советское общество. Составной частью этой же политики были и насильственные депортации немцев, а затем и других «провинившихся» народов, осуществлявшиеся в годы войны. Опыт беженцев отчасти перекликается с опытом депортированных, в том числе и потому, что эвакуация на восток также не была по-настоящему добровольной.

Несмотря на разного рода эксцессы, хаос в тылу, ошибки в организации перевозок и т.д., перемещение предприятий и населения в глубь страны прошло в целом довольно успешно и, таким образом, может рассматриваться как подлинный триумф советской системы. В то же время военный опыт яснее обозначил и пределы ее возможностей, а также различные побочные эффекты тотального контроля и всеобъемлющей секретности. Этот опыт во многом изменил советское общество, повлияв как на взаимоотношения между отдельными социальными стратами и этническими группами, так и на отношения между гражданами и государством.

Замена понятия «беженцы» понятием «эвакуированные» произошла в 1930-е годы. До этого советское планирование строи-

лось на опыте Первой мировой войны и было нацелено на оказание максимально эффективной помощи беженцам, которые в случае нового конфликта вынуждены будут покинуть свои дома по собственной воле. В конце 30-х годов, напротив, было решено сделать планомерным и организованным сам процесс эвакуации населения и предприятий. Переселение в глубь страны, таким образом, перестало быть добровольным, эвакуация отныне рассматривалась как составная часть экономической мобилизации. Самовольная эвакуация запрещалась; термин «беженцы» в этих условиях утратил свою актуальность. Подобная политика стала логичным продолжением сталинской «революции сверху»; ей соответствовали и многочисленные указы 1940 г., резко ужесточившие трудовое законодательство. При подготовке планов эвакуации учитывалась также возросшая дальность действия боевой авиации: под угрозой вражеских ударов теперь оказывались не только собственно прифронтовые районы, но и территории, расположенные за сотни километров от линии фронта.

Тем не менее к 22 июня 1941 г. разработка законодательства об эвакуации населения и ценностей в случае войны так и не была завершена, детальные планы также отсутствовали. Сильно недооценивался и вероятный масштаб эвакуации, поскольку в довоенный период просто не предполагалось, что войска противника могут так далеко продвинуться в глубь советской территории. В результате созданный 24 июня Совет по эвакуации вынужден был импровизировать. Как показывает автор, принятые в то время решения об объектах и методах эвакуации хорошо иллюстрируют не только шкалу приоритетов советского руководства, но и сложившуюся к тому моменту социальную иерархию и систему привилегий.

Основными целями эвакуации были скорее сохранение ресурсов и поддержание порядка, чем защита мирных жителей. Это повлияло и на выбор категорий населения, подлежащих переселению на восток: в первую очередь сюда относились руководящие работники и члены их семей, семьи командного состава армии и сотрудников НКВД, рабочие эвакуируемых предприятий, интеллигенция. Женщин, детей и стариков, не относившихся к какой-либо из этих категорий, в лучшем случае вывозили из городов; тем самым обеспечивалась защита от воздушных налетов, как в Великобритании, но не от оккупантов. Сельское население эвакуации не подлежало и не имело возможности приобрести билет на поезд. Систематическая эвакуация евреев не проводилась, хотя число фактически эвакуированных евреев было тем не менее довольно

значительным. Симптоматичны также многочисленные черты сходства между эвакуацией и проводившимися в годы войны депортациями населения по этническому признаку, затронувшими около полутора миллионов человек (транспортировка эшелонами, лимиты на количество багажа, одинаковая или сходная терминология в руководящих документах и т.д.).

Несмотря на то что центральными и местными органами власти, судя по сохранившимся документам, была проделана довольно значительная организационная работа по подготовке и проведению эвакуации, на практике нередко были случаи, когда спонтанное бегство чиновников и населения из прифронтовых городов начиналось еще до ее официального объявления. Столь же часто организованная поначалу эвакуация перерастала затем в панику и беспорядочное массовое бегство. Наиболее широко известным примером является паника в Москве в октябре 1941 г., однако аналогичные ситуации возникали и во многих других городах. Границы между «организованной» эвакуацией и «самовольной» были, таким образом, достаточно размытыми.

Основными причинами паники автор называет недостаток правдивой информации о положении на фронте, от которого страдали не только рядовые граждане, но и местные власти, и порочные идеологические установки советского руководства, в соответствии с которыми эвакуация приравнивалась к отступлению перед противником, а преждевременная эвакуация рассматривалась как источник пораженческих настроений. Решения об эвакуации тех или иных населенных пунктов сплошь и рядом принимались с опозданием, и появление германских войск в непосредственной близости от города заставляло местных руководителей врасплох, когда организованная эвакуация была уже невозможна. Наиболее вопиющим примером была ситуация в Сталинграде, где гражданскому населению прямо запрещалось покидать город. Вывезти женщин и детей на левый берег Волги было решено лишь 24 августа 1942 г., когда город уже бомбила нацистская авиация.

Отношение населения к эвакуации было сложным. Сама возможность эвакуироваться нередко ставила людей перед непростым моральным выбором, чувство долга перед страной и чувство долга перед собственной семьей побуждали к прямо противоположным решениям. Кто-то предпочитал уехать из страха перед немцами, кто-то, напротив, оставался, будучи уверенным, что в эвакуации будет только хуже. Начало эвакуации часто воспринималось окружающими с осуждением, как проявление трусости и

даже предательство; во многих случаях это приводило к спонтанным массовым протестам, самым масштабным со времен коллективизации. Эти протесты, безусловно, подрывали легитимность советского руководства, но лишь до известного предела. В подавляющем большинстве случаев бунты были неорганизованными; кроме того, претензии протестующих чаще всего сводились к утверждению, что «советская власть нас бросила», т.е. возмущение вызывала не природа этой власти, а лишь ее предполагаемая неспособность (или нежелание) выполнять свои функции. Когда работа государственного аппарата снова налаживалась, протест довольно быстро выдыхался, как это произошло, к примеру, в Москве в конце октября 1941 г. Лояльность населения по отношению к сталинскому режиму за годы войны не только не ослабела, но и еще больше укрепилась.

При подготовке планов эвакуации – как предварительных довоенных, так и детальных, разрабатывавшихся после начала боевых действий, – их авторы стремились направить потоки эвакуированных с таким расчетом, чтобы более или менее равномерно распределить их между тыловыми регионами. Предполагалось, что это позволит не допустить повторения ситуации, сложившейся в годы Первой мировой войны, когда в отдельных городах могло скапливаться огромное количество беженцев, которым местные власти были просто не в силах оказать необходимую помощь. Кроме того, в процессе эвакуации предполагалось восполнить дефицит рабочей силы в тылу, вызванный мобилизацией, а затем и депортациями. На практике, однако, быстрое продвижение германских войск в глубь советской территории заставило советское руководство расширять географию регионов, принимающих беженцев (эвакуация в Среднюю Азию, к примеру, в первоначальные планы не входила), а хаос и неразбериха на транспорте вкупе с огромным числом людей, эвакуированных «самовольно», привели к тому, что распределение эвакуированных по регионам приняло по преимуществу стихийный характер.

Среди наиболее популярных пунктов назначения оказался Ташкент. Тому было несколько причин, включая воспоминания о Первой мировой войне (большой популярностью пользовалась, в частности, повесть А.С. Неверова «Ташкент – город хлебный»), а также то, что в городе имелось русское население; это облегчало адаптацию на новом месте. Ученых, эвакуированных в Ташкент, привлекало также наличие необходимой инфраструктуры, позволявшей продолжать заниматься научной деятельностью. Круг лиц,

имевших возможность официально проживать там, был строго ограничен, однако многим удавалось получить жилье и прописку по блату. Кроме того, довольно много людей проживали в городе нелегально; это обстоятельство сильно затрудняет подсчет общего количества беженцев, нашедших приют в Ташкенте. Условия жизни большинства эвакуированных были крайне тяжелыми, городские власти оказались не в состоянии обеспечить их жильем, пищей, предметами первой необходимости (вплоть до мыла). Многое зависело от социального статуса и связей, строго иерархический характер советского общества в эвакуации проявлялся особенно отчетливо; это было заметно как в дороге, так и на новом месте проживания.

Первые случаи возвращения из эвакуации относятся к 1942 г., однако наиболее интенсивным этот процесс стал в 1944 г. Так же, как в первые месяцы войны власти пытались регулировать ход эвакуации, теперь они попытались упорядочить и реэвакуацию, чтобы избежать хаотических перемещений населения и предотвратить преждевременный отток рабочей силы с эвакуированных предприятий. В результате круг лиц, имевших право вернуться домой, оказался довольно строго ограниченным, однако на практике многие беженцы возвращались из эвакуации самовольно. Дома их ожидали многочисленные трудности не только с получением обратно прежнего жилья, но и с восстановлением социального статуса: пребывание в эвакуации быстро стало клеймом, особенно для евреев и мужчин, годных по возрасту для военной службы. Не оправдались и надежды на смягчение политического режима после окончания войны.

Что касается исторической памяти, то в послевоенный период опыт эвакуированных остался по преимуществу частью семейной истории, тогда как в публичном дискурсе был почти полностью забыт. Во многом это было обусловлено тем, что история эвакуации тесно связана с весьма нелицеприятными для советского режима реалиями 1941–1942 гг. (поражения на фронтах, хаос и паника в тылу, бегство чиновников из населенных пунктов и с предприятий, оказавшихся под угрозой захвата немцами, тысячи семей, брошенных на произвол судьбы, и т.д.) и плохо вписывается в официозную историю Отечественной войны. В рамках научной историографии тема эвакуации только начинает активно изучаться.

Мэнли отмечает также крайне противоречивый характер дошедших до нас описаний жизни в эвакуации. В произведениях многих авторов подчеркиваются ее планомерный характер и ус-

пешные результаты, показано благожелательное отношение местного населения к эвакуированным, в то время как опыт многих других беженцев был прямо противоположным. По мнению Мэнли, в этих описаниях отразился противоречивый характер самой эвакуации.

Тему эвакуации и тыла продолжает работа Ларри Холмса (Университет Южной Алабамы), выполненная как микроисторическое исследование. В книге описывается судьба Кировского педагогического института (нынешний Вятский государственный гуманитарный университет) во время войны и в первые послевоенные годы (2). С началом войны в Киров среди прочих были эвакуированы наркоматы лесной промышленности СССР и РСФСР и Наркомпрос РСФСР, а также завод № 32 Наркомата авиационной промышленности, производивший детали для военных самолетов. Этот завод и Наркомлес СССР заняли здания Педагогического института, который был вынужден переехать в г. Яранск в 232 км от Кирова, где он находился вплоть до начала 1945 г. После возвращения в Киров институт получил свои здания обратно, но фактически в разоренном состоянии, что спровоцировало длительный конфликт с участием целого ряда союзных, республиканских и местных органов власти; коллектив института считал себя жертвой произвола. Как отмечает автор в предисловии, эта история расходится с официальной, «триумфалистской» картиной участия СССР во Второй мировой войне (2, с. XIII–XIV). В своей книге он рассматривает не только отношения Кировского пединститута с государственными органами и ведомствами разного уровня, но и сложные взаимоотношения между различными группами интересов в самом институте.

В противостоянии с Наркомлесом и Наркоматом авиапромышленности Кировский педагогический институт пользовался поддержкой Наркомпроса, а также городских и областных партийных и государственных органов. Холмс, таким образом, анализирует проблему, которая практически не затрагивается в книге Р. Мэнли (критика ее работы: 2, с. XXIII. – *Реф.*), – позицию местных органов власти в вопросах эвакуации и их взаимоотношения с центральным руководством. Автор определяет эти отношения как «diffusion, although not a confusion» (с. XXIII): не вступая с Центром в прямой конфликт, местные власти тем не менее твердо и временами довольно жестко отстаивали свои интересы. Этому не мешала даже память о недавних годах террора. В результате вместо стройной системы вертикальных и горизонтальных связей мы можем наблюдать возникновение сложных альянсов, состоявших из орга-

нов власти и ведомств разного уровня, объединенных общими интересами.

Исследование Холмса базируется на документах девяти архивов, включая федеральные (ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ), Центральный архив общественно-политической истории Москвы, местные архивы в Кирове и Яранске и архив самого Вятского государственного гуманитарного университета. Автор отмечает, что в местных архивах можно ознакомиться в том числе с постановлениями и директивами, поступавшими из Центра, которые до сих пор труднодоступны в Москве. В то же время часть переписки с Наркомлесом и Наркоматом авиапромышленности сохранилась только в их фондах в РГАЭ; в Кирове копии этих документов отсутствуют. Помимо официальной документации в книге используются неопубликованные статьи В.М. Дьяконова, декана факультета иностранных языков в 1923–1957 гг., об истории Педагогического института и сохранившийся в частной коллекции дневник Б.В. Талантова, преподавателя математики и астрономии в 1934–1954 гг., арестованного в 1969 г. за выступления в защиту верующих и погибшего в заключении в 1971 г. Автору удалось также взять интервью у нескольких бывших студентов Педагогического института.

Кратко описывая в первой главе его довоенную историю с момента создания в 1914 г., автор показывает, что многие из проблем, с которыми он столкнулся в годы Отечественной войны, существовали и в предшествующий период, хотя и в меньшем масштабе. Институту остро не хватало помещений под классы и общежития, имеющиеся здания требовали ремонта, новые строились слишком медленно, не хватало дров, еды, мебели, учебных принадлежностей, книг, часть имущества разворовывалась. Постоянные трудности провоцировали поиск виноватых и политические обвинения. Даже переезд в Яранск в 1941 г. не был для института чем-то новым: аналогичная эвакуация части преподавателей и студентов в этот город уже проводилась в 1919 г., правда, только на три месяца.

К началу войны население Кирова составляло около 144 тыс. человек. Во второй половине 1941 г. к ним прибавились 56 тыс. эвакуированных. Кроме того, в городе со временем были размещены несколько госпиталей с примерно 10 тыс. раненых. Начало войны горожане встретили с энтузиазмом; даже ранней осенью многим еще казалось, что война продлится недолго. В октябре пединститут был переведен в Яранск – как предполагалось, на время, как оказалось – на несколько лет. Большинство имущества (книг и инвентаря) пришлось оставить в Кирове, в здании, пере-

данном Наркомлесе. Часть студентов переезжать в Яранск отказались, в дальнейшем набор пришлось сократить из-за нехватки помещений на новом месте. В отношениях с предприятиями, эвакуированными в Киров, в этих условиях стала расти напряженность.

Население Яранска в начале 1940 г. насчитывало около 10 тыс. человек. К январю 1942 г., с учетом эвакуированных, включая преподавателей и студентов Кировского пединститута, оно выросло до 12 тыс. Как и во множестве других районных центров, экономика Яранска не справлялась с таким наплывом людей. Не выдерживая тяжелейших условий жизни в городе, студенты продолжали покидать институт. Оставались те, кто рассматривал продолжение учебы как свой долг, и те, кого привлекала сама возможность учиться.

Отношения с местными властями и населением складывались непросто, причем в данном случае претензии, предъявлявшиеся к институту, были во многом аналогичны тем претензиям, которые он сам предъявлял вышестоящим органам в связи с деятельностью эвакуированных наркоматов в Кирове. Содержание института легло тяжелым бременем на город, администрация которого была просто не в силах обеспечить его всем необходимым. Институт, со своей стороны, пользуясь своим областным статусом, настаивал, порою весьма агрессивно, на улучшенном снабжении. К чести его руководства, после своего возвращения в Киров он вернул здания, которые занимал в Яранске, в удовлетворительном состоянии.

Нехватка всего самого необходимого, включая еду, привела к нарастающим конфликтам внутри коллектива. В первые месяцы войны профессорско-преподавательский состав вузов снабжался по единой норме – как у рабочих, занятых на предприятиях 2-й категории (студенты – по норме служащих на таких же предприятиях), но в дальнейшем для разных категорий преподавателей стали вводиться различные нормы снабжения. В Кировском пединституте это привело к тому, что на привилегированном положении оказались эвакуированные профессора, поступившие туда на работу вместо преподавателей, призванных в армию или отказавшихся перебираться в Яранск. Причина была в том, что эти профессора до войны работали в наиболее престижных московских и ленинградских вузах и по своей квалификации превосходили прежних работников Кировского пединститута. При этом они не были членами партии, так что институтские коммунисты, в большинстве своем не являвшиеся даже доцентами, почувствовали себя ущем-

ленными. Их нападки на администрацию, при поддержке Яранского горкома ВКП(б), продолжались вплоть до 1944 г., когда в дело вмешался Кировский областной комитет партии, подтвердивший общий курс на дифференцированное снабжение.

Продолжением этих стычек между коммунистами и беспартийными, эвакуированными и старыми работниками института, профессорами, доцентами и преподавателями низших рангов, молодежью и старшими коллегами стала травля профессора Б. А. Ларина, одного из известнейших советских лингвистов. В декабре 1941 г. он был эвакуирован из Ленинграда в Ташкент, а оттуда несколько месяцев спустя переведен в Яранск, где возглавил кафедру лингвистики в Кировском пединституте. В мае 1943 г. несколько преподавателей обвинили его в политической неблагонадежности, выразившейся, по их мнению, в «переоценке» значения финно-угорских заимствований в русском языке и ссылках на труды немецких ученых. Нападкам подвергся и поддерживавший профессора директор института Ф. С. Орешков. В августе московские друзья Ларина добились его перевода в Москву.

Союзный и российский наркоматы лесной промышленности в 1942 – весной 1943 г. постепенно переехали обратно в столицу, но члены семей их работников вынуждены были остаться в Кирове, поскольку их московское жилье было занято новыми квартирантами. Кроме них помещения пединститута продолжал использовать завод № 32 Наркомата авиапромышленности, к которому со временем добавились эвакуированная из Ленинграда Военно-морская медицинская академия и еще несколько учебных заведений. Как вскоре выяснилось, Наркомлес оставил помещения института в неудовлетворительном состоянии, институт недосчитался значительной части хранившегося там имущества. Завод № 32 также оказался не слишком добросовестным «постояльцем». Институт, еще находясь в Яранске, начал добиваться компенсаций и наказания виновных, в особенности после того, как новым директором в октябре 1944 г. стал А.И. Заручевский. В Киров институт вернулся только в марте 1945 г. Долгожданное возвращение, однако, принесло с собой новые проблемы, поскольку часть его помещений по-прежнему использовали Военно-морская медицинская академия и завод № 32, продолжался конфликт с Наркомлесом. Завод № 32 освободил занимаемые им помещения лишь в 1947 г. Институтское руководство, впрочем, также не отличалось щепетильностью, отказываясь вернуть законным владельцам имущество, реквизируемое организациями, занимавшими его помещения в 1941–1945 гг.,

у других кировских предприятий. В конфликт с Наркомлесом вынужден был вмешаться А.Н. Косыгин, в то время заместитель председателя СНК СССР, но наркомат был просто не в состоянии возместить причиненный ущерб и по-прежнему отказывался вернуть похищенное имущество, в то время как кировские предприятия не справлялись с заказами на изготовление новой мебели для института, а местный строительный трест – Кировгражстрой – с ремонтом его зданий.

В условиях непрекращающихся трудностей Кировский обком партии и работники самого института сделали козлом отпущения Заручевского. Этому способствовал и тяжелый характер директора. В вину ему поставили также неурядицы на историческом факультете, трое преподавателей которого подверглись гонениям в рамках кампании по борьбе с «космополитизмом» (одна преподавательница-еврейка была арестована), и даже частое и долгое отсутствие на рабочем месте по болезни (ее причиной, по-видимому, были пытки в НКВД, которым Заручевский подвергался после ареста в 1930-е годы). В 1952 г. он был снят с должности директора.

Подводя в Заключении итоги своего исследования, автор отмечает, что описанные им драматические события во многом были обусловлены тотальным дефицитом всего необходимого, дополнительно усиленным войной. На первых порах, летом 1941 г., местные власти в Кирове относились к эвакуированным вполне благожелательно, поскольку никто не предполагал, что боевые действия на советской территории, а значит, и эвакуация, затянутся на несколько лет. По мере того как война затягивалась, между многочисленными хозяйствующими субъектами в Кирове, Яранске, а затем и между отдельными работниками самого пединститута развернулась ожесточенная борьба за ресурсы. В положении жертвы в этой борьбе мог оказаться каждый. Тот же Наркомлес, к примеру, после возвращения из эвакуации долго не мог получить обратно свои московские здания, а руководство Кировского пединститута в своих претензиях постоянно преувеличивало ущерб, нанесенный его имуществу, хотя его здания и до войны нуждались в ремонте.

Автор отмечает, что все вышесказанное не отрицает полностью той гражданской солидарности, которая действительно имела место в СССР в годы войны. Тот же Педагогический институт, находившийся в напряженных отношениях с администрацией и жителями Яранска, собирал деньги и вещи в помощь фронту, организовал «воскресный университет», концерты и открытые лекции для широкой публики. В сложившихся условиях солидарность и

конфликты сосуществовали и переплетались друг с другом; большинство людей, вовлеченных в часто весьма неприглядную борьбу за выживание, рассматривали свои действия как вынужденные. «Стоит, наконец, повторить, – заключает Холмс, – что многие люди, кому выпало жить в это худшее из времен, вели себя благородно и самоотверженно. Более того, администраторы, преподаватели и студенты Педагогического института, какие бы ошибки они ни совершали, сумели в тяжелейших условиях сохранить свой институт. Тем самым они сделали возможными многочисленные достижения преподавателей и тысяч студентов, которые пришли им на смену в институте, переименованном в 2002 г. в Вятский государственный гуманитарный университет» (с. 221).

М.М. Минц

Краснов В.Н., Краснов И.В.
ЛЕНД-ЛИЗ ДЛЯ СССР, 1941–1945. –
М.: Наука, 2008. – 246 с.: ил.
(Реферат)

Монография капитана 1-го ранга в отставке, кандидата военных наук В.Н. Краснова и кандидата экономических наук И.В. Краснова посвящена истории союзнической помощи СССР, поступавшей в годы Великой Отечественной войны из США, Великобритании и Канады на условиях ленд-лиза; показаны объем и ассортимент поставок вооружений, военной техники, промышленного оборудования, сырья и продовольствия; описаны маршруты перевозки грузов. Книга состоит из четырех тематических глав, снабжена приложениями, списком литературы, иллюстрирована многочисленными фотографиями.

В первой главе авторами дается краткий исторический очерк об истории ленд-лиза как формы межгосударственных экономических отношений, возникшей в конце XIX в. в США, а также о начале и развитии подобных отношений с нашей страной на протяжении всей войны; во второй главе описываются полученные от союзников вооружение и техника, приводятся тактико-технические данные самолетов, танков, кораблей и пушек; в третьей главе говорится о маршрутах, по которым товары поступали в СССР; четвертая, заключительная, глава посвящена урегулированию расчетов за ленд-лиз и его значению для Победы.

Уже вечером 22 июня 1941 г. У. Черчилль и 23 июня Ф.Д. Рузвельт в своих выступлениях по радио заявили о готовности своих государств помогать Советскому Союзу в борьбе с нацизмом. 12 июля между правительствами СССР и Великобритании было подписано соглашение о совместных действиях в войне против Германии.

Самой первой союзнической помощью были 16 английских истребителей «Харрикейн», доставленные в Архангельск первым северным конвоем «Дервиш» (PQ-0) уже в конце августа 1941 г. С этим же конвоем прибыла группа английских летчиков, две эскадрильи которых участвовали в боях над Кольским полуостровом вместе с североморскими пилотами. Они совершили 365 боевых вылетов, сбили 12 самолетов противника. Двое англичан были награждены орденами Ленина.

На условиях ленд-лиза помощь начала прибывать с 6 сентября. Однако авторы полагают, что официальным стартом крупномасштабных поставок следует считать подписание 1 октября 1941 г. трехстороннего (СССР, США, Великобритания) Московского протокола о поставках Советскому Союзу до июня 1942 г. За годы войны было подписано еще три подобных протокола: в Вашингтоне 6 октября 1942 г., в Лондоне 19 октября 1943 г. (его впервые подписала Канада) и в Оттаве 17 апреля 1944 г., – определяющих объем и состав ленд-лизовских поставок, которые продолжались даже после победы над Германией «по специальному не всеми сторонами подписанному Оттавскому протоколу. Для СССР предстояла война с Японией, и поэтому акцент поставок был сделан на военную технику» (с. 80).

Самой многочисленной ленд-лизовской техникой были автомобили, с появлением которых в наших войсках была решена проблема буксировки средних и тяжелых орудий. Особое место занимали «студебекеры», они использовались и в качестве базы для улучшенного варианта знаменитых «катюш». Всего за годы войны от союзников (в основном из США) было получено чуть менее полу-миллиона автомобилей различных моделей и более 35 тыс. мотоциклов, что в два раза превышает объем производства подобной техники за это время в СССР. Американцам пришлось налаживать производство специальных шин для студебекеров, поскольку обычные шины не выдерживали российских морозов и российских дорог.

Английские и американские самолеты в небе над Москвой появились уже в октябре, а над Ленинградом – в ноябре 1941 г. Доля ленд-лизовских поставок самолетов «в боевом составе советской только фронтовой авиации в течение войны возрастала от 1,4% в 1941 г. до 11,2% в 1945 г.» (с. 95). Вообще же удельный вес ленд-лизовских самолетов составил 20–25% от отечественного производства. Из 62 летчиков, получивших дважды звание Героя Советского Союза, 19 воевали на американских и трое – на английских самолетах. Из 59 сбитых трижды Героем Советского Союза

А. Покрышкиным самолетов противника 48 сбиты им на американской «Аэрокобре».

Союзники поставляли также авиационный бензин и алюминий (поставки которого за годы войны превысили отечественный объем выпуска в 1,25 раза), танки (7% от производства в СССР), артиллерийское вооружение, взрывчатые вещества (около 55% от советского производства), различные средства связи и наблюдения, радиоаппаратуру, радиолокационные станции, различное сырье и медикаменты, «ежемесячно в СССР поступало около половины броневой стали среднемесячного советского производства» (с. 107). Было получено 71 торговое судно, три ледокола и 500 боевых кораблей и катеров (в приемке от американцев одного из них участвовал один из авторов книги). Почти 25% приходящих по ленд-лизу грузов составляло продовольствие, особенно большие поставки которого начались с октября 1942 г. Кроме того, союзниками было передано СССР четыре нефтеперегонных завода и завод по производству автомобильных шин.

Почти четверть грузов была перевезена торговыми судами и танкерами в составе северных конвоев самым коротким, но и самым опасным маршрутом по Северной Атлантике, Норвежскому и Баренцеву морям в Мурманск и Архангельск. Для приема грузов срочно были переоборудованы порты Архангельска и Северодвинска; проложена железная дорога, соединяющая Кировскую и Северную железные дороги, так как южная часть Кировской дороги была перерезана противником; практически заново оборудован незамерзающий порт Мурманска (ранее оборудование было демонтировано и вывезено, так как фронт проходил в 40 км от города). Во всех северных портах грузы перегружались с судов непосредственно в железнодорожные вагоны.

Из всех конвоев только первые шесть не подверглись нападению гитлеровцев. Как только германское командование осознало, что они значат для Советского Союза, на них была организована настоящая охота. Общеизвестна судьба конвоя PQ-17, из 37 судов которого было уничтожено 24. В 1942 г. за три весенних месяца погибла четверть кораблей, отправленных из Англии в Россию. Тем не менее Черчилль считал, что конвои себя оправдают, даже если до пункта назначения дойдет лишь половина их состава. «По данным некоторых российских историков, – отмечают авторы, – на морских дорогах ленд-лиза погибло более 14 тыс. английских, американских и канадских моряков. В зарубежных публикациях эта цифра вдвое больше» (с. 205).

В ноябре 1941 г. начал работать «персидский коридор», который по железным и шоссейным дорогам вел из портов Ирана и Ирака в Персидском заливе к иранским портам на Каспийском море и к началу советской железной дороги в Джульфе. Американцами и англичанами были построены новые шоссе и железная дорога в Иране для доставки грузов к границам СССР, а также крупные сборочные авиационные и автомобильные заводы, склады, аэродромы и городки для специалистов. Прибывающие на кораблях в разобранном виде самолеты и автомобили собирались на заводах, затем самолеты испытывались и через Тегеран перелетали в азербайджанский Кировабад (для этого были созданы два перегонных авиаполка, в которых служили опытные летчики-фронтовики), а автомобили своим ходом перегонялись к советской границе. Этим маршрутом прибыло в СССР большинство автомобилей. Когда осенью 1944 г. эта трасса потеряла свое значение, «два автомобильных завода в Иране после демонтирования были переданы Советскому Союзу для сборки ленд-лизовских автомобилей, продолжавших поступать по другим маршрутам» (с. 209–210). Всего по «персидскому коридору» нашей страной было получено 23,6% от общего количества союзнической помощи.

Чуть меньше половины от общего объема грузов доставлялось через Тихий океан из Северной Америки в дальневосточные порты. Этот маршрут был более безопасен, но долог и неудобен, так как железная дорога подходила только к Владивостоку. Из грузов здесь преобладали продовольствие, нефтепродукты, станки и технологическое оборудование. В летнюю навигацию часть судов шла Северным морским путем до Архангельска и Мурманска. Конвоев на этом маршруте не организовывали, советские суда ходили поодиночке так называемыми «капельными рейсами». Помимо судов Наркомата морского флота перевозки грузов осуществлялись также судами Дальстроя НКВД, который наряду с Норильскстроем имел даже своих представителей в США. Из-за войны с Японией американцы в этих перевозках не участвовали.

Самолеты перегонялись также труднейшим маршрутом Фербенкс (Аляска)–Чукотка–Якутия–Красноярск. По этой трассе (АЛКСИБ), созданной в октябре 1941 г. по решению ГКО СССР, летчиками 1-й Краснознамённой перегоночной авиадивизии было доставлено 8000 самолетов. На трассе «был сформирован ряд авиабаз в Уэлькале, Маркове, Сеймчане, Оймяконе, Якутске, Олёкминске, Киренске, а также и на Камчатке. Многие из них построены заключенными ГУЛАГа» (с. 92). Надежными средствами

связи и навигации трасса была оснащена только к концу войны, а до этого приходилось летать часто вслепую на высоте 5–6 км без кислородных приборов в сорокаградусный сибирский мороз, который американская техника не всегда выдерживала. Для повышения жизнестойкости самолетов, пишут авторы, «в порядке обмена технологиями советские специалисты дали рецепт морозостойкого каучука, американские – морозостойкой гидравлики» (с. 91). Известны имена 115 пилотов и техников, погибших при перегоне самолетов, однако авторы монографии полагают, что это далеко не полный список. С американских авиационных заводов самолеты перегонялись до Фербенкса через Канаду пилотами ВВС США. На участке пути от Канады до Аляски американцы потеряли 133 машины и почти столько же летчиков.

Меньше всего действовал маршрут по Чёрному морю, открытый в 1944 г. после освобождения Черноморского побережья от противника. До весны 1945 г. по нему удалось перевезти только 3,9% от всех поставок.

Авторы монографии отмечают, что наиболее исследован и описан историками северный маршрут и судьба морских конвоев, видимо, из-за своей драматичности; остальные же маршруты еще ждут своих исследователей.

Официально поставки по ленд-лизу были прекращены 12 мая 1945 г., однако фактически они прекратились спустя две недели после капитуляции Японии.

Соглашения по ленд-лизу устанавливали основные принципы урегулирования расчетов. По условиям ленд-лиза вооружение, военная техника, различные материалы военного и гражданского назначения, использованные во время войны или утраченные в ходе боевых действий (а это – подавляющая часть полученного от союзников), оплате не подлежали. За оставшееся неистраченным имущество, пригодное для гражданского использования, надо было платить частично или полностью в порядке погашения долгосрочного кредита. Часть уцелевшей техники военного назначения возвращалась Соединённым Штатам и Великобритании. Расплачиваться с союзниками СССР начал уже в первые месяцы войны, до октября 1941 г. золотом, затем также и другими товарами (драгоценными металлами, пушниной, икрой, марганцем, хромовой рудой, даже вологодскими кружевами). К настоящему времени основная часть кредитов Канады и Великобритании погашена; Соединённым Штатам Россия, как преемница СССР, взявшая на себя его долги, должна выплатить долг до 2030 г.

Негативно относясь к мнению некоторых зарубежных исследователей о том, что СССР выиграл войну только благодаря помощи союзников, авторы тем не менее считают, что оценка отечественными историками союзнических поставок в 7% от всей продукции, произведенной за годы войны в нашей стране, несколько занижена, что приуменьшать помощь союзников неэтично. Они уверены, что Советский Союз победил бы Германию и без помощи ленд-лиза, но не в мае 1945 г., а гораздо позже и ценой большей крови.

М.М. Минц

Быстрова И.В.

**ПОЦЕЛУЙ ЧЕРЕЗ ОКЕАН: «БОЛЬШАЯ ТРОЙКА»
В СВЕТЕ ЛИЧНЫХ КОНТАКТОВ, (1941–1945). –**

М.: РОССПЭН, 2011. – 438 с.

(Реферат)

В книге д-ра ист. наук И.В. Быстровой анализируются личные взаимоотношения политических лидеров, дипломатов, военных, гражданских лиц в годы Второй мировой войны. Автор поставила целью раскрыть проблему «личного взаимодействия (контакта) между представителями СССР, США и Великобритании, его форм, особенностей, влияния личных контактов на взаимное восприятие друг друга союзниками» (с. 10). Подобное исследование стало возможно после так называемой «архивной революции», когда ученые получили доступ к закрытым ранее источникам. И.В. Быстрова использует документы из личного архива И.В. Сталина (РГАСПИ), фондов В.М. Молотова, М.М. Литвинова, ЦК КПСС; привлекаются материалы АВП РФ, ГАРФ; используются записи бесед между политическими лидерами стран, дипломатами, различные документы личного характера (письма, воспоминания, дневники и т.п.). Книга состоит из шести глав.

И.В. Быстрова отмечает, что личные контакты между союзниками проходили на разных уровнях, от встреч, переписки и телефонных разговоров лидеров стран до повседневного общения советских людей и иностранных граждан. Особое внимание автор уделяет отношениям И.В. Сталина, Ф. Рузвельта, У. Черчилля. Использование архивных документов, которые раньше были недоступны, позволило показать, как складывались личные отношения И.В. Сталина и посла Великобритании в СССР А. Керра, который, по словам автора, в силу своего характера сумел установить тесные отношения с советском руководством.

Нападение Германии на СССР вызвало разную реакцию у правительств и народов США и Великобритании. Последняя уже летом 1941 г. предоставила СССР первый кредит в размере 1 млрд фунтов стерлингов, был подписан англо-советский договор. В беседе с В.М. Молотовым посол А. Керр сказал: «В Англии 44 миллиона населения едины в своих симпатиях к СССР... Когда Германия напала на СССР, то народ в Великобритании поднялся одновременно с Черчиллем за оказание помощи СССР» (цит. по: с. 14).

В США, пишет И.В. Быстрова, ситуация складывалась иначе. Влиятельные политические силы в обществе выступали против союза с СССР. Поэтому США стали оказывать помощь по ленд-лизу с октября 1941 г., а соглашение об американских поставках СССР было заключено только после визита в США В.М. Молотова летом 1942 г.

Перед политическими лидерами стран-союзниц стояла важная задача – преодолеть стереотипы враждебности народов друг к другу. Для этого потребовалось внести коррективы в идеологическую политику. Например, И. Сталин в речи от 6 ноября 1941 г. обозначил две группы «капиталистов», одна группа – это фашисты, другая – англосаксонские демократии, которые «оказались в одном лагере с СССР против фашистской Германии» (цит. по: с. 15).

«В процессе “перевоспитания” своих народов Сталин и Рузвельт ссылались на то, что Россия и Америка имели глубокие исторические традиции дружбы, основанные на том, что у русского и американского народов было много общих черт <...> Сталин риторически повторял, что общность двух стран заключалась в их “демократичности” в противовес “аристократической” Англии» (с. 425–426). Политические лидеры СССР и США, желая сделать комплимент, называли друг друга реалистом и бизнесменом.

Хотя англичане раньше американцев начали оказывать помощь Советской России, отношения с ними складывались не просто. В дневнике советского дипломата И.М. Майского приводится запись об одной из встреч и бесед с А. Керром (апрель 1945 г.): «В англо-советских отношениях все время наблюдаются какие-то резкие скачки настроений. Вот, кажется, все идет хорошо, все налажено, все текущие вопросы урегулированы, – и вдруг крутой провал: выскакивает какой-то неожиданный конфликт по какому-нибудь неожиданному поводу. <...> Атмосфера англо-советских отношений внезапно меняется, становится колючей, напряженной. Так продолжается некоторое время. Затем происходит что-нибудь

важное, встреча трех лидеров или открытие второго фронта, или еще что-нибудь, – и англо-советские отношения выравниваются, становятся дружественными, даже теплыми» (цит. по: с. 27–28). В том, что отношения между двумя странами складывались так неровно, сыграли роль и исторические традиции, и специфические личные отношения между У. Черчиллем и И. Сталиным, полагает И.В. Быстрова.

В книге приводятся обширные цитаты из разных материалов, рассказывающие о личных впечатлениях во время визитов В.М. Молотова в Англию и США в мае-июне 1942 г., когда были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве. «Его первое впечатление о Черчилле и Рузвельте было довольно благоприятным» (с. 46). А.Ф. Рузвельт так написал У. Черчиллю о переговорах с советским министром: «Я полагаю, что визит Молотова – это настоящий успех, так как нам удалось создать обстановку такой личной искренности и такого дружелюбия, какие только могут быть достигнуты с помощью переводчика» (цит. по: с. 49).

Не менее приятные впечатления остались у У. Черчилля после его визита в Москву в августе 1942 г. Британский премьер живо описывает «тоталитарную расточительность», с которой его принимали, это касается обстановки комнат, ванной комнаты (британского премьера удивил кран, из которого текла вода, уже смешанная до комфортной температуры, и возможность мыть руки не в раковине, заткнутой затычкой, а под струей воды), великолепной еды и разнообразных напитков, национальных и европейских. Позже, в мемуарах У. Черчилль описал свои впечатления от личной встречи с И. Сталиным, с «великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения» (цит. по: с. 50).

И.В. Быстрова подробно описывает, как складывался процесс организации поставок по ленд-лизу, какие возникали сложности и проблемы. Автор описывает особенности арктических конвоев, которые называли «холодными коридорами ада» (цит. по: с. 105), уделяет внимание тихоокеанскому и южному (через Южную Атлантику и Персидский залив) маршрутам ленд-лиза. В целом, пишет автор, в военный период мотив солидарности и сотрудничества преобладал над недовольством и противоречиями, все стороны осознавали огромное значение этой программы помощи, в которой были заинтересованы так или иначе все союзники. «Сотрудничество

продолжалось несмотря на взаимные обвинения, несмотря на трагедии войны, например, гибель летом 1942 г. союзного конвоя PQ-17, в которой было повинно, прежде всего, командование английских ВМС, или налет немцев на авиабазу в Полтаве, когда было уничтожено около 60 американских самолетов, в чем была повинна уже советская сторона, или другие трагические случайности» (с. 428–429).

Личные контакты между советскими людьми и иностранными специалистами, военными и гражданскими, в основном проходили в Москве, Куйбышеве, Владивостоке, где были дипломатические миссии союзников, а также в Мурманске, Архангельске, Молотовске (Северодвинск), где проходили и останавливались конвои северного маршрута ленд-лиза. Советские и иностранные летчики контактировали в Полтаве, где была авиабаза американских ВВС, на Аляске (в Номе и Фербенксе) работали советские летчики и представители Правительственной закупочной комиссии. Делегации союзников посещали с ознакомительными поездками советские города и крупные промышленные центры (Ленинград, Сталинград, Киев и др.).

Через Аляску пролегал один из важнейших маршрутов ленд-лиза Аляска–Сибирь. Эта трасса «использовалась и с другой целью, также связанной с советско-американским сотрудничеством: доставки из Вашингтона в Москву и обратно политических и общественных деятелей, дипломатов, представителей деловых кругов США» (с. 184).

Самолеты пилотировались американскими летчиками от заводов США до Фербенкса, откуда уже советские летчики перегоняли их в Красноярск и далее на фронт. На авиабазе в Фербенксе была создана Советская военная миссия по приемке самолетов. Было организовано русско-американское Бюро информации с большим штатом переводчиков, в основном потомков русских эмигрантов. Как показывают воспоминания участников этого предприятия, и советские, и американские летчики восхищались мужеством и мастерством друг друга.

Иностранные специалисты, военные, моряки, располагавшиеся на базах на территории СССР, в основном испытывали интерес и симпатию к советскому народу и Красной армии. Иностранцы мало знали о жизни в Советском Союзе и интересовались ею, для этого в так называемых интерклубах велась пропагандистская работа, организовывались выставки, читались лекции, проводились беседы, встречи. Например, посмотрев выставку «Разрушение памятников русской культуры немцами», «англичане были

страшно взволнованы. Фото разрушенных русских церквей оказались более сильной пропагандой, чем любой доклад» (с. 245). Конечно, были и проблемы, недоверие, стереотипы, с той и другой стороны воздвигались барьеры, препятствующие общению. Так, в Архангельске командование британского ВМФ специальным приказом запретило морякам слушать политические лекции и доклады. Аналогичные запреты и ограничения контактов с иностранцами, конечно, были и с советской стороны.

Естественно, что в портовых городах существовала проблема общения местных женщин и моряков. Местные жители свободно посещали клубы для иностранцев, и женщины пользовались этим. Как показывают процитированные автором документы, женщины вступали в отношения с иностранцами потому, что были голодны, иногда ради заработка, но случались и любовные истории.

И.В. Быстрова уделяет внимание и криминальной составляющей общения советских граждан и иностранцев. Причем она подчеркивает, что преступления совершались и той, и другой стороной. Иностранные моряки жаловались на то, что на улицах городов их осаждают дети и подростки, иногда они покупали у моряков какие-то товары, обменивали их на советскую символику, иногда попрошайничали или пытались обворовать. В свою очередь некоторые иностранные моряки, работники английской и американских миссий не гнушались заниматься спекуляцией, продавать дефицитные продукты и товары или обменивать их на водку и т.п. Конечно, совершались и более тяжкие преступления, драки и убийства. Дрались не только русские с иностранцами, но и американцы с англичанами. Дипломатический агент в Мурманске А. Тимошенко рассказывает, как «спор между англичанами и американцами о том, кто первый высадился в Сицилии, превратился в обоюдную драку моряков с участием команд многих пароходов (16 декабря 1943 г.)» (цит. по: с. 266). Споры о том, кто больше помогает Советскому Союзу, кто больше воюет против Германии и Японии, тоже могли перейти в массовую драку.

Тем не менее, несмотря на все сложности и проблемы, даже криминальные аспекты, отношения американцев, англичан и советских людей были по преимуществу отношениями союзников. Это был уникальный опыт их повседневного общения.

В заключение И.В. Быстрова пишет: «Исследованные нами документы и материалы показывают, что в годы военного сотрудничества “лед недоверия” между союзниками не растаял до конца,

противоречия тлели под оболочкой дружбы и сотрудничества. Однако по мере углубления общения между союзниками на уровне контактов между простыми, рядовыми представителями привычные стереотипы слабели, отношения становились более человечными и дружескими. То же самое происходило и в отношениях высших лиц, дипломатов, военных» (с. 427–428).

Ю.В. Дунаева

Крылова А.

**СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В БОЮ:
ИСТОРИЯ НАСИЛИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ
(Реферат)**

Ref. ad op.: Krylova A. Soviet women in combat: A history of violence on the Eastern front. – Cambridge; N. Y.: Cambridge univ. press, 2010. – XVI, 336 p.

В монографии Анны Крыловой (Дюкский университет, США), посвященной участию советских женщин в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны, выдвигается новая концепция гендерной идентичности, основанная на исследовании архивной документации, мемуаров, дневников и интервью, с широким привлечением материалов прессы, беллетристики и кино. В центре внимания находится относительно небольшая группа молодых женщин, которые в ходе мобилизаций 1942–1944 гг. получили военные специальности и были отправлены на фронт. Они стали снайперами и пулеметчицами, пилотами и артиллеристами, служили в танковых войсках и на флоте, были младшими командирами воинских подразделений. Уровень квалификации не только давал больше шансов на выживание, но и предоставлял им более высокий статус по сравнению с простыми пехотинцами. Это была, по словам автора, профессиональная и техническая военная элита, 120 тыс. человек из полумиллиона женщин, участвовавших в боях (всего же, с учетом медиков, связисток, административного и технического персонала, в войне участвовало приблизительно 900 тыс. женщин). Для того чтобы оценить цифру в 120 тыс., пишет Крылова, следует помнить, что американские вооруженные силы, непосредственно участвовавшие в сражениях Второй мировой войны, составляли 800 тыс. человек (с. 10).

Большинство из женщин – участниц Великой Отечественной войны были молоды, они принадлежали к первому послереволюционному поколению, выросшему в новых условиях. Образованные, решительные, самостоятельные, они начали готовить себя к предстоящей войне еще с середины 1930-х годов. Как и всему поколению, им было свойственно сильное чувство собственной исторической миссии, ощущение своего отличия от поколения родителей. Но для девушек-комсомолок это самоощущение приобретало особую силу, поскольку несло в себе идею равенства полов, неотделимую от борьбы с «буржуазными предрассудками» об исконно «домашнем» предназначении женщины (с. 10, 12).

В книге достаточно подробно рассматривается предвоенное десятилетие с точки зрения того историко-культурного контекста, в котором происходило формирование советской молодежи, и демонстрируется, что довоенная официальная культура и институты имели дело с разнообразными, двойственными и часто противоречащими друг другу понятиями о гендере. Анализируя дискуссии по таким опорным вопросам, как равенство женщин, отношения полов и буржуазные предрассудки, Крылова приходит к выводу, что общество остро осознавало гендерные различия и оперировало фактически категориями гендера. Употреблявшийся тогда термин «пол» понимался как культурно-биологический конструкт, и участники дискуссий часто не могли сказать, где кончается культура и начинается биология (с. 20–21).

По мнению автора, в 1930-е годы отсутствовали как однозначная и последовательная официальная идеология, так и социальная политика в отношении «новой советской женщины». Фундаментальным фактом культуры и институций сталинизма Крылова признает то обстоятельство, что гражданам не предлагалось однозначных инструкций в отношении того, как следует себя вести, т.е. на самом деле не существовало единой модели идеального советского человека, что в результате предоставляло большой простор для вариаций (с. 25).

К 1941 г. у многих советских комсомолок сложилось исключительно широкое представление о том, что такое женщина. Наряду с традиционными материнскими функциями оно включало в себя и исполнение воинского долга, что вовсе не подразумевало вторжение на «мужскую территорию» и выполнение девушкой «мужской роли». Право участвовать в боях, пишет Крылова, приобрести специальность и военную квалификацию, необходимую для совре-

менного солдата, рассматривалось этими девушками как выражение новой освобожденной советской женственности (с. 14).

Автор утверждает, что конструирование ментальности женщины-бойца целенаправленно осуществлялось сталинской официальной культурой, в которой одной из центральных тем была предстоящая жестокая война с капиталистическим окружением. Большое внимание в книге уделяется тем институтам и культурным практикам, которые играли ключевую роль в формировании «нового советского человека», чьим первейшим долгом являлась подготовка к будущей войне. Система совместного обучения в школе, комсомол, многочисленные военные клубы и полувойсковые организации, в частности ОСОАВИАХИМ, служили лабораториями для выковывания новых гендерных и социальных идентичностей. Анализируя речи вождей, кинофильмы и популярные романы, автор формулирует категорический императив, обращенный к поколению, «обреченному на войну»: следует подготовиться к новой, технически сложной современной войне и в случае необходимости отдать свою жизнь за Родину. Разделительную черту между полами, которые должны были бы осуществлять разные функции в предстоящей жестокой схватке, официальная сталинская культура, как правило, не проводила. Комсомол также поощрял девушек осваивать технику и получать военные навыки наравне с юношами.

Советская молодежь, рожденная в первое послереволюционное десятилетие, «вносила предстоящую войну в свои жизненные планы и платила за это соответствующую психологическую цену», пишет Крылова. Готовность к самопожертвованию, убежденность, что многие из них погибнут в смертельной борьбе, являлись характерными чертами самосознания первого советского поколения (с. 43).

Большинство участниц Великой Отечественной войны принадлежали к этому «поколению не от мира сего», как некоторые из них характеризовали себя. Они не видели перед собой никаких преград, над ними не довлели традиционные понятия об «исконном» предназначении женщины. Девятнадцатилетняя студентка мехмата МГУ Женя Руднева (будущая летчица и Герой Советского Союза) собиралась стать ученым-астрономом и одновременно училась стрельбе из пулемета. В своем дневнике она писала, что готова пожертвовать своей мечтой и, если понадобится, идти «бить врага с оружием в руках». Через два года, когда началась война, она окончила штурманскую школу, воевала и погибла в 1944 г. — сгорела в самолете, совершив 645 боевых вылетов (с. 35–36).

Только в сентябре 1939 г., пишет А. Крылова, государство дало ясный ответ на вопрос о том, какова должна быть роль женщин в предстоящей войне. В новом Законе о всеобщей воинской обязанности фигурировал термин «юноша» вместо неопределенного «гражданин», а женщинам предписывалось выполнение в армии лишь вспомогательных функций в качестве медиков, ветеринаров, технического персонала (с. 83).

В этом ключе и действовало государство в июне 1941 г., когда сотни девушек начали осаждать призывные пункты. «Не поощрять, но и не запрещать» – так характеризует Крылова официальную позицию по отношению к комсомолкам, рвавшимся на фронт. Только в начале октября 1941 г. правительство как-то отреагировало на военный кризис и на сигналы, поступавшие с мест. В частности, было принято решение о мобилизации девушек для подготовки их в качестве военных летчиц. В книге подробно рассматривается история летной школы, которой руководила вплоть до своей гибели в январе 1943 г. Марина Раскова. Кажущееся экстравагантным решение правительства подавалось как «эксперимент», что позволяло не освещать этот вопрос в прессе и в то же время допускать возможность существования женских воинских подразделений, пишет автор (с. 143).

Радикальные изменения в позиции правительства относительно участия женщин в боевых действиях произошли весной 1942 г., когда было принято решение о необходимости их мобилизации. Приказы готовились в военных и бюрократических инстанциях при участии партии и комсомола в условиях секретности, они так и не были обнародованы и в прессе не упоминались, пишет Крылова. Они отражали разные представления о роли женщин в войне и совмещали в себе два типа женской идентичности. Первый из них вполне соответствовал общепринятым гендерным стереотипам и подразумевал традиционную роль помощницы, когда женщины замещали ушедших на фронт мужчин. Второй тип – «девушка-боец» – был совершенно нов для армии и предполагал иной подход к мобилизации и подготовке (с. 150).

В книге рассматриваются разные варианты мобилизационных практик государства, которые проводились как Наркоматом обороны, так и комсомолом начиная с весны 1942 г. Кампании по набору добровольцев в качестве вольнонаемного административного персонала (что позволяло направить на фронт занимавших эти посты мужчин) представляли собой вполне традиционную практику, принятую и на Западе. Промежуточный тип составляли

мобилизации женщин в бронетанковые войска, противовоздушную оборону, связь, военно-воздушные силы и на флот, подразумевавшие определенную военную подготовку и получение небоевых специальностей. В отличие от управленческого и обслуживающего персонала, эти женщины получали статус военнослужащего и исполняли свои профессиональные обязанности наравне с мужчинами. Таким образом, пишет автор, в армии происходило сужение традиционно мужских территорий и создавались области совместной деятельности, свободные от общепринятых гендерных оппозиций, согласно которым война ассоциировалась с мужским началом, а тыл – с женским (с. 153).

Следующим шагом на пути к новому «гендерному ландшафту» вооруженных сил стало создание смешанных воинских подразделений. В частности, в ходе мартовской мобилизации 1942 г. в войска ПВО более половины из 100 тыс. девушек были включены в боевые расчеты зенитных батарей наравне с мужчинами. Причем несмотря на более низкий статус, который придавался войскам ПВО в государственных инстанциях, воевать там, по мнению кадровых офицеров, было гораздо опаснее и психологически труднее, чем в окопах – традиционно «мужской» сфере. А поскольку в официальной документации девушек также называли бойцами, советское правительство, по словам автора, «дискурсивно и практически» разрушало общепринятое представление о войне как исключительно мужском деле (с. 154).

По иному сценарию проводились мобилизации женщин для участия в боевых действиях: отбор осуществлялся в специальных комиссиях, которые направляли комсомолок, имевших за плечами как минимум семь классов средней школы и курсы Всевобуча, в снайперские и командирские школы, артиллерийские, летные и танковые училища. По сравнению с 1941 г., когда женщины-добровольцы попадали в войска главным образом полулегально, благодаря решениям на низовом уровне (на январь 1942 г. таких было 8681 человек), вторая волна прибывших на фронт женщин была иной и по количеству, и по качеству. Согласно имеющейся неполной статистике, в ходе мобилизаций 1942–1945 гг. на фронт ушло приблизительно 520 тыс. комсомолок, из них около 120 тыс. стали настоящими солдатами, выполнявшими задачи по физическому уничтожению противника (с. 168–169).

Прибывшие на фронт официальным путем, хорошо подготовленные и образованные комсомолки были вооружены еще и уверенностью в поддержке государства, доверие которого они

должны были оправдать. Особое внимание автор уделяет тому, как во фронтовых условиях выковывалась новая идентичность «женщины-бойца». Подчеркивая, что первая фаза войны характеризовалась «демеханизацией» и только после 1942 г. начался новый ее этап, в котором «механизированное насилие» стало играть ведущую роль, А. Крылова показывает, что в этих условиях обладающие техническими навыками девушки, более слабые физически по сравнению с мужчинами, оказались особенно эффективными. Они сумели реализовать свои «скрытые женские таланты» в новых, непривычных условиях и стали прежде всего товарищами по оружию, что не исключало их роли женщины, матери, сестры, возлюбленной.

Анализируя мемуары участников войны, А. Крылова приходит к заключению, что построение социальной и гендерной идентичности «женщины-бойца» основывалось на концепции гендера, в которой отсутствовали привычные для нас противопоставления. Материнская роль, в частности, в данном случае совсем не противоречила роли солдата. Процесс переосмысления и перестройки гендерных идентичностей начался до войны, разворачивался в конкретных боевых ситуациях и нашел свое наиболее полное воплощение в мемуарах женщин-ветеранов. Однако писались эти воспоминания уже в новом историко-культурном контексте 1960–1980-х годов, в котором гендерные роли были жестко распределены в традиционном ключе. Не отрицая героизма женщин в Великой Отечественной войне, советская литература отводила им по большей части общепринятую роль помощниц. Центральное место в произведениях литературы и публицистике занял образ медсестры, выносящей раненых из-под огня, а не солдата, вместе с мужчинами (а часто, в силу полученной подготовки и высокой степени мотивации, и лучше их) выполнявшего свой воинский долг перед страной (с. 294).

О.В. Большакова

СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ В ГОДЫ ВОЙНЫ И ХОЛОКОСТА (Сводный реферат)

1. Холокост на Восточном фронте: Местные преступники и реакция советского руководства.

The Holocaust in the East: Local perpetrators and Soviet responses / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A.M. Martin. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2014. – XIV, 265 p.

2. Арад И. Они сражались за Родину: Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне / Пер. с иврита. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2011. – 453 с.: ил.

3. Эпштейн Б. Минское гетто, 1941–1943: Еврейское сопротивление и советский интернационализм.

Epstein B. The Minsk ghetto, 1941–1943: Jewish resistance and Soviet internationalism. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California press, 2008. – XVIII, 351 p.: ill.

Сборник «Холокост на Восточном фронте» (1) под редакцией Майкла Дэвид-Фокса (Джорджтаунский университет, Вашингтон), Питера Холквиста (Университет Пенсильвании) и Александра Мартина (Университет Нотр-Дам, Индиана, США) содержит главным образом дополненные версии статей, публиковавшихся ранее в американском журнале «Критика» и посвященных участию местного населения в убийствах евреев в Польше, Бессарабии, Северной Буковине и на Украине, а также реакции советского руководства на эти события. Всего на территории Советского Союза нацистами было убито примерно 2 млн 600 тыс. евреев, из них 1 млн 600 тыс. погибли в западных областях, присоединенных к СССР в соответствии с пактом Молотова – Риббентропа. Авторы сборника рассматривают причины, побудившие часть местных жителей принять участие в уничтожении собственных соседей-

евреев, взаимодействие нацистских оккупационных войск и администрации с местным населением, особенности освещения нацистских преступлений в советской прессе и т.д.

Как отмечает М. Дэвид-Фокс в предисловии (1, с. VII–XII), по-настоящему глубокое осмысление истории геноцида евреев на оккупированной территории Советского Союза началось лишь в 2000-е годы; в предшествующий период данная проблематика в западной историографии почти не рассматривалась, как из-за дефицита источников (он был восполнен лишь в 1990-е годы, после «архивной революции»), так и из-за того, что внимание исследователей долгое время концентрировалось прежде всего на межвоенном периоде как эпохе становления сталинского режима. Исследования последних лет не только позволили историкам получить более детальную картину событий, происходивших в Восточной Европе в 1939–1945 гг., но и привели к значительному переосмыслению истории Катастрофы европейского еврейства в целом.

Эту мысль продолжает во введении Джон-Пол Химка, канадский историк и переводчик украинского происхождения, работающий в настоящее время в Университете провинции Альберта. «Несколько событий произошло в новой историографии, – пишет он. – Одно из наиболее выдающихся состоит в том, что исследования Холокоста и исследования Восточной Европы наконец-то встретились в интеллектуальном отношении» (1, с. 1). В предшествующие годы уничтожение восточноевропейских евреев (прежде всего польских и советских) если и изучалось, то в основном специалистами по истории Холокоста (в западной литературе употребляется и еврейский термин *Шоа* – «Катастрофа»), незнакомыми с восточноевропейскими языками и, соответственно, источниками и социокультурной историей региона, хотя из примерно 5 млн 400 тыс. евреев, погибших в годы Катастрофы, 4 млн были родом из Восточной Европы. Этот недостаток характерен даже для таких фундаментальных работ, как книги Р. Хилберга «Уничтожение европейских евреев» и К. Браунинга «Простые люди: 101-й резервный полицейский батальон и “окончательное решение” в Польше»¹.

Участие местного населения в массовых убийствах также систематически не изучалось, несмотря на многочисленные упо-

¹ Hilberg R. The destruction of the European Jews. – Chicago: Quadrangle Books, 1961. – X, 788 p.: ill.; Browning Ch. R. Ordinary men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. – N. Y.: HarperCollins, 1992. – XXII, 231 p.: ill.

минания о подобных эпизодах в мемуарах выживших евреев. Как отмечает Цви Гительман в заключительной статье, это во многом было связано с тем, что значительная часть таких мемуаров написана на идише или иврите и в результате оказалась недоступной для исследователей, поскольку феномен Шоа традиционно рассматривается как раздел всемирной истории, а не иудаики. Такой подход имеет свои основания, но у него есть и обратная сторона: специалистов, владеющих еврейскими языками, среди историков Катастрофы не так уж много (1, с. 186–187).

Особенность нынешнего этапа состоит в том, что историей антисемитизма и антиеврейского насилия в польско-советском приграничье заинтересовались специалисты по Восточной Европе. Началом этого поворота стала вызвавшая широкий резонанс книга Я.Т. Гросса «Соседи»¹, посвященная участию местных поляков в расправе над еврейским населением деревни Едвабне (теперь город, после войны вновь перешел в состав Польши) в июле 1941 г. За этой работой последовали и другие исследования, также выполненные специалистами по Восточной Европе; некоторые из них представлены в реферируемом сборнике.

Дискуссии вокруг книги Гросса анализируются в статье М. Шор (Йельский университет) «Беседы с призраками» (1, с. 5–28). Автор показывает, что «Соседи» стали продолжением предшествующих исследований Гросса по истории Польши в период нацистской оккупации, в которых тема Холокоста не затрагивалась. С выводами Гросса в той или иной степени согласилась значительная часть польских историков. Расследование, проведенное впоследствии польским Институтом народной памяти, дало иные результаты в том, что касалось количества убитых и масштабов немецкого участия, но подтвердило основной тезис «Соседей» о ключевой роли местных поляков в истреблении евреев в Едвабне. Более того, расследование показало, что аналогичные события имели место и в других городах. В ходе споров о погроме в Едвабне выявилась также его тесная взаимосвязь с политикой советской, а затем немецкой администрации на оккупированных польских территориях. Трагедия восточноевропейских евреев была таким образом вписана не только в региональный контекст, но и в историю тоталитаризма в целом.

¹ Русский перевод: *Гросс Я.Т. Соседи: История уничтожения еврейского местечка.* – М.: Текст: Журн. «Дружба народов», 2002. – 155 с.

Вопрос о том, почему антисемитский характер политики нацистов замалчивался в СССР, рассматривает Х. Эшер в статье «Советский Союз, Холокост и Аушвиц» (1, с. 29–50). Наиболее подробно он разбирает аргументы таких авторов, как И. Арад (Израиль), И. Альтман (Россия) и К. Ингерфлом (Франция). Кроме того, в статье анализируются воспоминания генерала В.Я. Петренко, чья дивизия 27 января 1945 г. освободила Освенцим; описывается история подготовки Еврейским антифашистским комитетом «Чёрной книги» о преступлениях нацистов, запрещенной советским руководством к публикации. Особенности советской политики памяти анализирует также Тарик Сирил Амар (Колумбийский университет, Нью-Йорк) в статье «Дискурс о Холокосте в западных областях СССР как антиместе памяти» на примере материалов, посвященных немецкой оккупации Львова. Говорить о «замалчивании» истории Шoa в нашей стране, по его мнению, не совсем корректно: «В советском дискурсе, представлявшем собой сложную, динамичную, эффективную комбинацию высказанного и не высказанного, умалчивающих заявлений и заявляющих умолчаний, немецкий геноцид евреев не был белым пятном, отсутствием памяти. Напротив, он был антиместом, где память не подавлялась, а трансформировалась непрерывным чередованием сказанного и не сказанного» (1, с. 184).

Тему продолжает статья Карела Беркхоффа (Нидерландский институт военной документации – Институт исследований войны, Холокоста и геноцида, Амстердам) «Тотальное уничтожение еврейского населения», посвященная отражению Холокоста в советской пропаганде времен войны. Вопреки распространенному (в том числе и среди профессиональных историков) представлению, тема геноцида евреев в СССР полностью не замалчивалась. В изданиях на идише публикации о судьбе евреев на оккупированных нацистами территориях появлялись довольно часто, в русскоязычной прессе в 1941–1942 гг. такие материалы публиковались гораздо реже и обычно на последней полосе, но также достаточно регулярно. Сообщения о массовых убийствах евреев передавались и по радио, хотя, опять-таки, чаще в конце новостных выпусков. Советские евреи из публикаций на русском языке почти исчезли в 1943–1945 гг., но в этот же период довольно часто публиковались материалы о судьбе евреев в оккупированных странах Европы. Таким образом, «если советские читатели и радиослушатели *хотели* узнать, у них была возможность найти сведения о кампании массовых убийств, целенаправленно осуществлявшейся в отношении

евреев» (1, с. 113; выделено в тексте. – *Ред.*). То, что эта тема в то же время не афишировалась, можно объяснить несколькими факторами, среди которых особенности большевистской идеологии, фактически нацеленной на постепенную ассимиляцию советских евреев; широкое распространение антисемитизма в самом Советском Союзе, в том числе и на высших этажах партийной иерархии; стремление пропагандистов представить гитлеровский режим источником угрозы для всего человечества, а не только для отдельных народов; наконец, опасения, что чрезмерный акцент на антисемитизме нацистов может сыграть на руку их собственной пропаганде, которая как раз и настаивала на том, что Германия борется с коммунистами и евреями, а ее противники ведут войну в интересах евреев. Последние два фактора присутствовали и в политике британского и американского правительств, которые так же были заинтересованы в максимальной демонизации нацизма как несущего угрозу всему миру и так же опасались роста антисемитских настроений в своих собственных странах.

Владимир Солонарь (Университет Центральной Флориды) в статье «Модели насилия» (1, с. 51–82) продолжает работу, начатую Я. Гроссом: он исследует роль и формы участия местного населения в массовых убийствах евреев в Бессарабии и Северной Буковине в первые недели румынской оккупации. В отличие от занятых немцами польских, белорусских и украинских земель, эти территории ранее были частью исторической Румынии, их захват рассматривался румынским правительством не как оккупация, а как освобождение, здесь формировалась румынская администрация (даже там, где стояли немецкие части), которая в своей деятельности стремилась опереться на местное молдавское население. Как следствие, геноцид евреев на этих территориях был возможен только с санкции румынских властей, которые, в свою очередь, вряд ли пошли бы на подобные меры, если бы не были уверены в лояльности местных жителей.

На практике, как показывает изучение довольно обширного массива источников (главным образом советских судебных дел второй половины 1940-х – первой половины 1950-х годов, а также материалов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР), собственно геноцид, т.е. систематические и целенаправленные убийства евреев, оказывался возможным только

в том случае, если он осуществлялся под прямым руководством румынской администрации (хотя и с участием местных жителей), либо если в конкретной деревне еще до войны существовало сильное националистическое подполье (румынское в Бессарабии или украинское – в Северной Буковине), разделявшее идеологию «очищения» своей земли от евреев и пользовавшееся поддержкой значительной части односельчан. В последнем случае массовые убийства начинались обычно еще до прихода румынских войск, которые, в свою очередь, нередко пытались их остановить. В тех местах, где описанные предпосылки отсутствовали, вспышки насилия против евреев обычно принимали традиционную форму погрома, включавшего грабежи, избиения и в отдельных случаях – убийства, но не нацеленного на систематическое истребление еврейского населения. Это подтверждает критикуемую Я. Гроссом точку зрения, согласно которой Холокост следует рассматривать как феномен Нового времени, с характерными для данной эпохи представлениями о нации, роли государства и т.д.

История Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников – тема, до сих пор почти совсем не изученная, – рассматривается в статье М.Ю. Сорокиной (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына) «Люди и процедуры: К истории расследования нацистских преступлений в СССР» (1, с. 118–141). Подробно описывая историю создания Комиссии и механизм ее работы, автор приходит к выводу, что результаты ее деятельности были весьма неоднозначными. По существу, Комиссия была создана прежде всего с пропагандистскими целями и задумывалась как орган, внешне похожий на общественные комиссии по расследованию военных преступлений, функционировавшие на Западе и во время Первой мировой войны в России. Исходя из этих же соображений подбирался и персональный состав Комиссии: в нее вошли десять человек, большинство из которых обладали определенным авторитетом в обществе и формально не были связаны с партийно-государственным руководством, но фактически полностью зависели от него (председатель – первый секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник, члены Комиссии: член Политбюро, первый секретарь Ленинградской парторганизации А.А. Жданов, митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич), летчица В.С. Гризодубова и шесть академиков – историк Е.В. Тарле, инженер Б.Е. Веденеев, хирург Н.Н. Бурденко, агроном и биолог Т.Д. Лысенко, писатель А.Н. Толстой, юрист И.П. Трайнин).

Структура местных комиссий была выстроена таким образом, что фактическим сбором информации занимались в основном местные органы госбезопасности. Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии готовились к публикации в расчете на массового (прежде всего иностранного) читателя, отсюда эмоциональный, публицистический стиль, нередко в ущерб объективности и точности. Известны и случаи прямых фальсификаций; наибольшую известность получило сообщение специальной комиссии под председательством Бурденко по расследованию массового расстрела польских офицеров в Катыни, где вина за это преступление возлагалась на нацистов. Автор подчеркивает, что данные обстоятельства не отрицают сам факт нацистских военных преступлений на Восточном фронте, однако в том, что касается подробностей, материалы Чрезвычайной государственной комиссии следует признать крайне ненадежными.

Источниковедческая проблематика обсуждается и в статье Дианы Думитру (Государственный педагогический университет имени Иона Крянгэ, Кишинёв), посвященной документам советских судебных процессов над бывшими коллаборационистами как источнику по истории Холокоста (1, с. 142–157). Статья написана на материале 61 судебного дела, копии которых несколько лет назад были переданы правительством Молдовы Мемориальному музею Холокоста в Вашингтоне. Сравнивая эти документы с другими доступными источниками – прежде всего с материалами устной истории, – автор оценивает их репрезентативность достаточно высоко. В отличие от широко известных открытых политических процессов, довоенных и послевоенных, и «массовых операций» НКВД эпохи Большого террора, преследование коллаборационистов в Молдавской ССР было нацелено скорее на поиск настоящих преступников, чем на фабрикацию дел. Анализ документов показывает, что следствие, а затем и рассмотрение дела в суде осуществлялись, как правило, вполне профессионально, обвинение строилось не только и не столько на признаниях подсудимого, сколько на показаниях свидетелей, следователи и судьи были настроены на то, чтобы всерьез разобраться в ситуации. В тех редких случаях, когда в материалах устной истории содержится информация по тем же селам, что и в следственных делах, данные этих источников не противоречат друг другу. В то же время следственные дела содержат ценные дополнительные сведения о местах массовых убийств, количестве жертв, участии румынских войск и местного населения в геноциде, мотивациях преступников.

Ицхак Арад (Израиль) в книге «Они сражались за Родину» (2) дает целостную картину участия советских евреев в Отечественной войне, описывает судьбы и опыт евреев, воевавших в рядах Красной армии и работавших в военной промышленности, историю еврейского подполья и партизанских отрядов и т.д. Отдельная, последняя, глава книги посвящена популярным советским военным песням, созданным поэтами и композиторами – евреями. Генерал-майор запаса И. Арад родился в 1926 г. в Литве, подростком участвовал в партизанском движении, после окончания войны репатриировался в Палестину, сражался в Войне за независимость Израиля, до 1972 г. служил в израильских танковых войсках, в 1972–1993 гг. был директором института «Яд ва-Шем» в Иерусалиме, преподавал в Тель-Авивском университете, автор многочисленных публикаций по истории Шоа. В своей книге он попытался показать вклад евреев в победу Советского Союза над Германией, «вывести из тени историческую правду», которая долгие годы замалчивалась в СССР (2, с. 11). Монография основана на многочисленных документальных свидетельствах, автор использует также газетные публикации времен войны, литературные источники. Следует отметить, что ряд архивов в России и бывших советских республиках, на которые ссылается Арад, к настоящему времени прекратили свое существование, их документы переданы в другие архивы. Ссылки на материалы таких архивов в книге даются по состоянию на время работы с ними автора.

Евреи призывались в русскую армию с 1827 г., но подвергались дискриминации, которая прекратилась лишь после революции. Этим объяснялась их высокая лояльность по отношению к советскому режиму. В 1929 г. евреи составляли 2,1% военнослужащих Красной армии, 4,4% командиров и 10,3% политработников; их доля в населении СССР в это время не превышала 1,7%. В годы Отечественной войны в армию были мобилизованы 34 млн 467 тыс. человек, в том числе, по подсчетам автора, примерно 490–520 тыс. евреев. Они служили во всех видах вооруженных сил и родах войск, на всех фронтах, на всех уровнях армейской иерархии. Евреями были 305 советских генералов. Еврейский антифашистский комитет выступал с инициативой о создании национальных еврейских частей, но в Кремле эта идея поддержки не встретила. Тем не менее доля

евреев была довольно высокой в 201-й и 308-й Латышских и 16-й Литовской стрелковых дивизиях (в отдельные периоды до трети личного состава в латышских дивизиях и до половины в литовской), которые формировались уже во время войны в значительной степени из беженцев. Есть свидетельства того, что евреи, служившие в этих соединениях, общались между собой на идише и соблюдали традиции, хотя в масштабах Красной армии в целом «это было скорее исключением» (2, с. 39). Около 150 евреев стали героями Советского Союза.

История не обходится без иронии. Генералу С.М. Кривошеину выпало в сентябре 1939 г. принимать город Брест и Брестскую крепость от немцев и организовать совместный парад с немецкими частями генерала Г. Гудериана. «Пожалуй, – пишет автор, – в истории Второй мировой войны этот случай, когда генерал-немец пожимал руку генералу-еврею и они вели дружественную беседу на общем военном параде, был уникальным» (2, с. 59). В 1941 г. Кривошеин командовал 25-м механизированным корпусом и вел тяжелые бои с войсками Гудериана под Москвой. Подполковник Л. Винокур 31 января 1943 г. принимал капитуляцию фельдмаршала фон Паулюса и его штаба в Сталинграде. Паулюс по привычке приветствовал его словом «Хайль!»...

В боях на фронте, по подсчетам автора, было убито около 120 тыс. евреев. Еще 80–85 тыс. человек попали в плен, из них 75–80 тыс. погибли; выжили примерно 4500 военнопленных-евреев, главным образом те, кто попал в плен к финнам, а не к немцам. Распространенный в годы войны стереотип о том, что евреев якобы «не видно на передовой», не имел, таким образом, ничего общего с действительностью. Автор отмечает, однако, что его возникновению могло способствовать значительное число ассимилированных евреев, а также тех, кто скрывал свое еврейское происхождение на случай, если не удастся избежать плена.

Проявления антисемитизма в Красной армии не были редкостью, особенно в наступательный период войны, – вплоть до преступлений на почве неприязни к евреям. Автор связывает это с призывом в армию в 1944 г. большого числа людей с недавно освобожденных территорий, а также с тем, что антисемитами были Сталин и А.С. Щербаков – один из ближайших сподвижников диктатора, возглавлявший с 1941 г. Совинформбюро и с 1942 г. Главное политическое управление Красной армии. Тем не менее на практике результаты дискриминации были весьма ограниченными: так, процент генералов-евреев (2,2%) превышал долю евреев в со-

ставе населения СССР (1,78% к началу войны). «Вероятно, – заключает И. Арад, – это объясняется высоким процентом евреев среди командного состава еще в довоенный период и тем, что обстановка “солдатского братства” на фронте не давала антисемитизму проникнуть на все уровни командования» (2, с. 165). Замалчивание боевых заслуг военнослужащих-евреев было обусловлено не только, а возможно, и не столько антисемитизмом, сколько опасениями сыграть на руку германской пропаганде.

Важный вклад евреи внесли также в работу оборонной промышленности. Этому способствовал их высокий уровень образования, тем более что после революции были сняты действовавшие ранее ограничения для евреев при поступлении в высшие учебные заведения. В начале 1930-х годов доля евреев от общего числа советских студентов колебалась в диапазоне 12–15%. В годы войны евреи работали на заводах, руководили предприятиями и отраслями, участвовали в разработке новых систем вооружения и военной техники. Евреями были: нарком путей сообщения Л.М. Каганович; нарком военной промышленности (позже нарком боеприпасов) Б.Л. Ванников (под его руководством производство боеприпасов увеличилось в два раза в 1942 г. и еще в три раза – в 1943-м); «танковый король» генерал-майор И.М. Зальцман (в 1942–1943 гг. нарком танковой промышленности, в дальнейшем с 1943 по 1949 г. возглавлявший челябинский «Танкоград»); авиаконструкторы С.А. Лавочкин и М.И. Гуревич и многие другие. Немало евреев было и среди рабочих. В послевоенные годы многих евреев, занимавших высокие посты в годы войны, исключили из партии и понизили в должности или уволили на пенсию; в советской историографии вклад евреев в развертывание военного производства замалчивался вплоть до начала перестройки.

К началу Второй мировой войны на территории СССР в границах 1939 г. проживало около 3 млн евреев, в том числе 2 млн 100 тыс. – в областях, которые в годы войны были оккупированы немцами и их союзниками. Примерно 1 млн 150 тыс. из них были мобилизованы в Красную армию, эвакуированы или успели бежать до прихода оккупантов. Остались в основном женщины, дети и старики. Национальные еврейские организации за два десятилетия советской власти были практически полностью уничтожены. Как следствие, никакого еврейского подполья к востоку от старой границы не возникло.

Иная ситуация сложилась в западных областях, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1941 гг. Здесь проживали до

2 млн 150 тыс. евреев, уровень их национального самосознания был выше, чем в других частях СССР, еврейские организации продолжали действовать. Мобилизация в РККА почти не затронула еврейское население этих областей, но часть евреев были высланы в восточные регионы Союза еще до начала войны (в основном беженцы из Польши и лица, заподозренные в неблагонадежности) или сумели бежать на восток до прихода германских войск. Под властью оккупантов остались 1 млн 700 тыс. евреев, их половозрастной состав был более или менее однородным. Городское подполье на советской территории, по оценкам автора, было слабее, чем в Западной Европе, но особенностью Восточного фронта стало сильное партизанское движение. Это способствовало возникновению еврейского подполья в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике и повлияло на характер его деятельности, основными целями которой стали уход в леса и участие в партизанской борьбе.

Подпольные группы имелись во многих гетто, однако скольконибудь подробная информация сохранилась лишь по тем гетто, которые просуществовали достаточно долго. В Минском гетто подпольем руководили коммунисты, в других крупных гетто (Вильнюсском, Каунасском и др.) подпольные группы формировались совместно коммунистами и представителями различных молодежных сионистских движений. Поскольку массовое уничтожение евреев началось именно на оккупированной советской территории, еврейское подполье возникло здесь раньше, чем в Польше. Тем не менее подпольщикам редко удавалось получить поддержку значительной части населения гетто, поскольку большинство узников зависели от своих семей, подпольную деятельность считали бесперспективной и рассчитывали, что лояльность по отношению к оккупантам дает более надежные шансы дожить до конца войны. Аналогичной позиции часто придерживались и юденраты (органы еврейского самоуправления в гетто, создававшиеся немцами), хотя в Минске и Каунасе, а также во многих малых гетто юденраты, напротив, тесно сотрудничали с подпольем. Стратегия подпольщиков в таких условиях была направлена либо на переправку как можно большего числа евреев в леса, как в Минском или Каунасском гетто, либо на подготовку восстания в день ликвидации гетто, когда такое восстание окажется последней возможностью выжить. Во многих местах, например в Вильнюсе, неверная информация о сроках ликвидации гетто привела к тому, что поднять восстание вовремя так и не удалось. В малых гетто подпольные организации строились не

на идеологических началах, а на личном знакомстве между участниками; их тактика сводилась обычно к поджогу гетто (строения в большинстве малых гетто были деревянными) и массовому побегу в создавшейся неразберихе.

Особую страницу истории еврейского сопротивления составляет история подпольных групп в рабочих бригадах (главным образом из узников гетто и военнопленных, не только евреев), использовавшихся нацистами при проведении в 1943–1944 гг. секретной «Операции 1005» по уничтожению следов массовых убийств на советской территории. Рабочие таких бригад содержались под особенно бдительным надзором, но и мотивация к побегу была достаточно высокой, поскольку по окончании работ всех их ожидала неминуемая смерть. До нас дошли сведения о нескольких побегах, хотя из их участников уцелеть удалось лишь единицам.

Евреи участвовали и в деятельности нееврейского подполья на оккупированной территории, а также в концлагерях и лагерях смерти. Так, инженер И.П. Казинец, сумевший скрыть свое еврейское происхождение, стал первым руководителем «резервного горкома ВКП (б)» в Минске – главной подпольной организации города. Пленный лейтенант Красной армии А.А. Печерский возглавил восстание 14 октября 1943 г. в Собиборе – самое знаменитое из лагерных восстаний; спастись удалось более чем сотне узников, некоторые из них впоследствии присоединились к партизанам. Автор приводит и другие примеры.

Наиболее сильное партизанское движение во время войны сформировалось в Белоруссии, где имелись обширные лесные массивы, а население в большинстве своем достаточно лояльно относилось к советскому режиму. Партизанское движение на Украине было гораздо слабее: здесь были сильны позиции националистов и действовали формирования ОУН-УПА, лесов было меньше, чем в Белоруссии, плотность населения – выше, дорожная сеть также была более густой. В Прибалтике советских партизан почти не было. Это повлияло и на масштабы участия евреев в партизанском движении: основная часть евреев-партизан действовала в Белоруссии, хотя небольшое количество имелось и на Украине. В отдельных партизанских отрядах создавались даже национальные еврейские подразделения, хотя эта практика и не поощрялась советским руководством. Причиной тому, по мнению автора, был не антисемитизм, а общая установка на то, что все народы Советского Союза должны сражаться вместе, а структура партизанских отрядов

должна строиться по территориально-административному, а не по национальному принципу.

Проявления антисемитизма, впрочем, не были редкостью даже в Белоруссии, не говоря уже об Украине. В сохранившихся источниках упоминаются отказы партизанских командиров принимать евреев в свои отряды, грабежи и убийства евреев партизанами, дискриминация еврейских бойцов в партизанских отрядах и т.д. Наиболее часто этим грешили так называемые «дикие» партизанские формирования, существовавшие до того, как был создан Центральный штаб партизанского движения, но и организованные партизанские соединения не были свободны от антисемитизма.

Характерной чертой еврейского партизанского движения стали многочисленные семейные лагеря, предназначенные для укрытия небоеспособных евреев – женщин, детей и стариков. Наиболее крупные из них были созданы Т.Д. Бельским (командир знаменитого партизанского отряда братьев Бельских) и Ш.Н. Зориным в Налибокской пуще. К моменту освобождения Белоруссии советскими войсками в них укрывалось 1000–1200 и 558 человек соответственно. Лагерь Бельского представлял собой настоящее партизанское местечко с собственной школой и даже кладбищем. Семейные лагеря несли особенно тяжелые потери от немецких облав. Ситуацию усугубляло то, что многие партизанские командиры относились к их обитателям как к «дармоедам», пока Бельский и Зорин не превратили свои лагеря в тыловые базы для других партизанских отрядов.

В Восточной Белоруссии и на территории РСФСР партизан-евреев было меньше, поскольку основная часть боеспособных мужчин была мобилизована в армию. Евреи, воевавшие в партизанских отрядах в этих местах, в большинстве своем разделяли идеологию советского интернационализма и не стремились создавать национальные еврейские подразделения.

Общее количество партизан-евреев автор оценивает в 19 050–22 400 человек (6,7–8% от суммарной численности всех советских партизан); до конца войны дожили около 13 000. В семейных лагерях нашли укрытие 10 650–13 500 человек. Остальная часть еврейского населения оккупированных территорий была почти полностью уничтожена нацистами. Наступающим частям Красной армии удалось спасти всего 50–57 тыс. евреев в Транснистрии (территория между Днестром и Бугом) и 16 тыс. человек в Черновцах: эти земли были оккупированы румынами, и немцы просто не успели завершить уничтожение проживавших там евреев.

Всего, таким образом, заключает автор, в боях с немцами и их союзниками принимали участие примерно 510–540 тыс. советских евреев. Их потери (на фронте, в плену и в партизанских отрядах) составили, по его подсчетам, 204–209 тыс. человек, или около 40%. И. Арад отмечает, что «это был самый высокий процент погибших среди всех народов СССР и других народов, участвовавших во Второй мировой войне» (2, с. 427).

* * *

Теме еврейского сопротивления посвящена также книга Барбары Эпштейн (Калифорнийский университет в Санта-Крузе) «Минское гетто, 1941–1943: Еврейское сопротивление и советский интернационализм» (3). Изданная в 2008 г., она стала результатом исследовательского проекта, начатого еще в конце 1990-х годов, после того как Эпштейн случайно получила возможность пообщаться с бывшими узниками Минского гетто, по-прежнему проживавшими в белорусской столице. Работа основана главным образом на воспоминаниях и материалах устной истории: автору удалось лично опросить несколько десятков бывших узников Минского гетто в Белоруссии и Израиле (включая нескольких бывших партизан и подпольщиков) и изучить хранящиеся в Израиле расшифровки более ранних интервью, а также обширный массив воспоминаний в израильских и белорусских архивах. Используемые в книге тексты написаны в основном на русском, иврите или идише. Опрошенные автором бывшие узники гетто чаще отвечали по-русски (особенно в Белоруссии), но также на идише; в Израиле несколько интервью были взяты на иврите. Эпштейн привлекает и немецкие документы, но в них содержится довольно мало информации о Минском гетто.

Затрагивая во введении вопрос о достоверности и надежности используемой источниковой базы, автор отмечает, что, как показало сравнение сведений из разных источников, относящихся к одним и тем же событиям, информация, сообщаемая непосредственными участниками этих событий, практически всегда была вполне достоверной. Проверку сведений значительно облегчило то обстоятельство, что бывшие узники гетто, проживавшие в Минске, продолжали общаться друг с другом; те из них, кто уехал в Израиль, жили более обособленно. Единственная полностью фальшивая история, с которой Эпштейн пришлось столкнуться (интервью

женщины, которая на самом деле не была в гетто), является исключением, подтверждающим правило.

Минск был занят немцами 27 июня 1941 г., приказ о создании гетто вышел 19 июля, переселение минских евреев на его территорию завершилось к августу. Их численность, вместе с евреями, прибывшими из других населенных пунктов, составляла, по разным оценкам, от 80 до 100 тыс. человек. Политика немцев по отношению к евреям в Белоруссии была, таким образом, заметно мягче, чем на Украине и во многих других оккупированных регионах, где практически сразу после прибытия германских войск начинались массовые расстрелы евреев, а гетто, даже если они и создавались, существовали относительно недолго. Причиной тому, по мнению автора, была потребность захватчиков в квалифицированных работниках, которая не могла быть удовлетворена за счет одних лишь белорусов. Минское гетто просуществовало вплоть до 21 октября 1943 г., когда последние 2 тыс. его обитателей были вывезены в трудовые лагеря и лагеря смерти.

Положение в Минском гетто и вокруг него во многом отличалось от того, что мы знаем о ситуации в Польше и Литве. Массовые убийства минских евреев начались очень скоро после создания гетто, так что его узники довольно быстро осознали, что оставаться в нем означает неминуемую гибель (в польских и литовских гетто немцам дольше удавалось поддерживать иллюзию, что людей оттуда забирают не на смерть, а на работу). При этом Минское гетто относительно плохо охранялось (проволочный забор и патрули вместо предусмотренной приказом кирпичной стены). Кроме того, в Минске довольно быстро сформировалось сильное подполье, руководители которого сразу сумели наладить взаимодействие с еврейским подпольем в гетто. Лидером минского подполья стал инженер И.П. Казинец, еврей по происхождению; он возглавлял подпольный «резервный горком ВКП (б)» вплоть до ареста 26 марта 1942 г. Подполье в гетто стало одним из подразделений минской подпольной организации. Главной его задачей была переправка евреев из гетто в окружающие город леса; помимо этого, гетто участвовало в снабжении местных партизан оружием, медикаментами, одеждой и др. Особенностью еврейского подполья, нехарактерной для многих других гетто, стала тесная связь с Юденратом. Их сотрудничество продолжалось вплоть до конца июля 1942 г., когда в ходе очередного погрома в гетто все члены Юденрата, за исключением коллаборационистов, были убиты. После того как немцам со второй попытки удалось окончательно разгромить

подпольный горком в сентябре 1942 г., отдельные подпольные группы продолжали свои операции самостоятельно, во взаимодействии друг с другом.

Точное количество евреев, которым удалось бежать из гетто, не известно; имеющиеся оценки колеблются от нескольких тысяч до 10 тыс. человек, из которых предположительно около половины дожили до конца войны. В пересчете на общее количество узников гетто это означает, что в Минске местное нееврейское население помогало евреям заметно активнее, чем в Варшаве: в польской столице нашли убежище около 28 тыс. евреев, хотя население Варшавского гетто на пике его численности в пять раз превышало население Минского. Причинами столь тесного сотрудничества между евреями и неевреями в Белоруссии автор считает несколько факторов, которые, по крайней мере в Минске, сработали одновременно: слабые позиции национализма и особенно шовинизма в белорусском обществе; влияние советской идеологии, поощрявшей «дружбу народов», более того, рассматривавшей ее как неотъемлемую часть советского патриотизма; руководящую роль коммунистов в минском подполье; наконец, общую направленность усилий как еврейского, так и белорусского подполья на борьбу с оккупантами, которые воспринимались как общие враги. Проявления антисемитизма имели место и в Белоруссии, в том числе среди партизан, но преобладающим и в лесу, и в городском подполье было отношение к нему как к предательству.

Формы сотрудничества между еврейским и белорусским подпольем были самыми разными. Вплоть до сентября 1942 г. действовала конспиративная типография, шрифт для которой добывали евреи из гетто, работавшие в минских издательствах. Лишь после окончательного разгрома немцами подпольного горкома подпольщики вынуждены были ограничиться доставкой в Минск листовок, напечатанных в лесу. Диверсии на заводах, производивших продукцию для нужд Вермахта, организовывали как белорусские, так и еврейские подпольщики, но отдельно, поскольку евреи и белорусы работали на разных предприятиях. Зимой 1941–1942 гг. была налажена переправка детей из гетто в минские детские дома и в белорусские семьи, готовые их принять, а также в деревни на партизанской территории. Точное количество спасенных таким образом детей установить уже невозможно (советская послевоенная администрация не собирала такие сведения, к тому же не все дети помнили свое прошлое), но речь, видимо, идет о сотнях. Все эти операции осуществлялись несколькими подпольными группами, в

том числе не входившими в структуру подпольного горкома, возглавлявшегося И.П. Казинцем, при участии многочисленных жителей Минска, не являвшихся бойцами подполья. Известны случаи, когда еврейские подпольщики, работавшие за пределами гетто, устраивали побеги содержащихся в Минске военнопленных.

По оценкам автора, к партизанам за годы существования Минского гетто сумели присоединиться примерно 10 тыс. его узников, из которых 2 тыс. были переправлены в лес силами подполья и 8 тыс. бежали самостоятельно, главным образом весной 1943 г., когда стало ясно, что советские войска наступают и немцы, скорее всего, скоро окончательно уничтожат гетто, а партизаны, со своей стороны, стали охотнее принимать добровольцев без оружия, поскольку уже была налажена доставка оружия с Большой земли. Число евреев, пытавшихся убежать в лес, было гораздо больше, но из тех, кто бежал без помощи подполья, выжить и добраться до партизан удавалось, по оценкам информантов Эпштейн, лишь каждому третьему или каждому четвертому. Больше всего евреев бежали в Старосельский лес к западу от Минска, где с апреля 1942 г. действовал отряд (позже бригада) имени Будённого, командиром которого в мае того же года стал С. Ганзенко, спасенный еврейскими подпольщиками из лагеря военнопленных. В составе этой же бригады по инициативе Ш.Н. Зорина весной 1943 г. был организован семейный лагерь, позднее перемещенный для безопасности в болота Налибокской пущи. По разным оценкам, в этом лагере нашли приют не менее 500 беженцев из гетто.

Советскими властями минское подполье еще во время войны было объявлено ложной организацией, созданной Гестапо; наиболее активную роль в этом сыграли первый секретарь ЦК компартии Белоруссии П.К. Пономаренко, а также В.И. Козлов, который с июля 1941 г. возглавлял Минский обком ВКП(б), базировавшийся в лесах. Приказ о запрете сотрудничества с минским подпольем Пономаренко, бывший в то время начальником Центрального штаба партизанского движения, издал 20 ноября 1942 г. После окончания войны многие выжившие участники минского подполья были арестованы по обвинению в сотрудничестве с оккупантами; звание города-героя Минску присвоено не было также во многом усилиями Пономаренко. Эта его подозрительность по отношению к минским подпольщикам могла быть обусловлена известиями о провале сначала первого подпольного горкома в апреле 1942 г., а затем и второго в октябре. Но главная причина, по мнению Эпштейн, состояла в том, что руководство белорусской компартии во главе с

Пономаренко попросту бежало из Минска в ночь с 24 на 25 июня 1941 г., бросив его жителей на произвол судьбы. Впоследствии Пономаренко пытался представить это бегство как организованную эвакуацию; получалось, что в городе остались лишь те, кто не хотел уезжать. Кроме того, минский подпольный горком (как первый, так и второй) был создан самовольно, без санкции вышестоящего партийного руководства, а в сталинскую эпоху любые инициативы такого рода автоматически вызывали подозрение. Что касается Козлова, то он был тесно связан с Пономаренко и к тому же пытался преувеличить свою собственную роль в организации сопротивления в оккупированной Белоруссии. Реабилитация минского подполья состоялась лишь в 1960 г.; Козлов и Пономаренко сопротивлялись ей до последнего. К 1962 г. были освобождены из заключения бывшие подпольщики, осужденные по обвинениям в коллаборационизме. В 1974 г. Минск стал городом-героем.

Завершающая глава книги посвящена сравнению истории Минского и Каунасского гетто. Из пяти крупнейших восточноевропейских гетто (Варшавское, Белостокское, Вильнюсское, Каунасское и Минское) в первых трех еврейское подполье выбрало курс на подготовку восстания в самом гетто, поскольку шансы пробраться к партизанам были практически нулевыми. В Вильнюсском гетто восстание так и не состоялось, а в Белостокском в восстании участвовали только бойцы самого подполья: жители обоих гетто в большинстве своем всё ещё надеялись так или иначе пережить войну, идея погибнуть в бою их не привлекала. Только в Варшавском гетто участие в восстании приняли практически все его жители, поскольку сомнений в истинных намерениях нацистов уже не оставалось. Особый опыт Минского гетто был обусловлен спецификой обстановки, в которой оно функционировало: партизанские леса находились в дне пути от города, евреям активно помогали белорусские подпольщики и просто местные жители, Юденрат был фактически частью подполья (в Варшаве, Белостоке и Вильнюсе руководители еврейского самоуправления, как правило, пытались сотрудничать с немцами, надеясь спасти как можно больше узников от гибели), связь с другими гетто отсутствовала, поскольку Минск входил в состав СССР с самого начала его существования. Связь Каунасского гетто с Вильнюсом, Белостоком и Варшавой тоже была довольно слабой, местное еврейское подполье, как и в Минске, тесно сотрудничало с еврейским самоуправлением (Элтенрат) и тоже предпочитало не готовить восстание, а переправлять евреев из гетто в леса. В обоих гетто подобная стратегия

обеспечила подпольщикам поддержку остальной части узников. Каунас, однако, располагался дальше от крупных лесных массивов, чем Минск, да и связь с партизанами удалось наладить лишь осенью 1943 г. Как следствие, из Каунасского гетто до партизан добрались лишь 300 человек (гетто было уничтожено 8 июля 1944 г., последние его узники, за крайне редким исключением, погибли или были отправлены в концлагеря).

Опыт оккупированного Минска, таким образом, во многом противоположен истории Варшавского гетто и, по мнению автора, представляет собой наиболее яркий пример альтернативной стратегии еврейского сопротивления, которая до сих пор по большей части ускользала из поля зрения исследователей. В рамках этой стратегии приоритетной задачей еврейского подполья являлась не подготовка восстания внутри самого гетто, а переправка как можно большего числа евреев за его пределы, продолжение вооруженной борьбы с оккупантами вне гетто, организация убежищ для небоеспособных. Реализация подобной стратегии была возможна только в сотрудничестве с местным нееврейским подпольем; таким образом, в случае бегства в лес еврейское сопротивление становилось частью антифашистского сопротивления в целом – в плане как целей, так и методов. Сохранившиеся источники показывают, что лидерами подполья во всех гетто обсуждались обе эти стратегии. Попытки восстания внутри гетто предпринимались в тех случаях, когда кооперация с местным населением оказывалась невозможной; именно такая ситуация сложилась в 1943 г. в Варшаве. Там, где евреям удавалось наладить контакты с неевреями, возобладала стратегия ухода в лес как более продуктивная для дальнейшей борьбы с врагом и к тому же позволявшая спасти большее число людей от гибели.

То, что опыт Минска, в отличие от Варшавы, в послевоенные годы был практически забыт, Эпштейн объясняет несколькими причинами, прежде всего политическими. Большинство уцелевших узников Минского гетто после войны продолжали жить в Советском Союзе, где особое отношение нацистов к евреям замалчивалось, как и особый опыт еврейского сопротивления, а сам факт пребывания в гетто мог вызвать подозрения со стороны карательных органов; таким образом, бывшие участники еврейского подполья и еврейских партизанских отрядов по существу были лишены возможности сделать свой опыт достоянием широкой общественности. В США в эпоху маккартизма неприятности, напротив, грозили тем, кто имел связи с коммунистами или подозревался в

наличии таковых. Поскольку подполье в Минском гетто, как и в других гетто на советской территории, выбравших стратегию ухода в лес, было как раз довольно тесно связано с коммунистами, те из бывших его участников, кто эмигрировал в Америку, также долгое время вынуждены были соблюдать осторожность. В Израиле столь жестких антикоммунистических настроений не было, но среди идеологов сионизма был слишком популярен стереотипный образ диаспоры как жизни в вечно враждебном (или, в лучшем случае, равнодушном) окружении, оправдывающий необходимость репатриации. История Варшавского и других гетто, где предпринимались попытки вооруженного восстания, вписывалась в этот образ гораздо лучше, чем история Минска, где евреям удавалось сотрудничать с местным населением и уходить в партизаны. Как следствие, восстание в гетто долгое время рассматривалось как наивысшая и наиболее «правильная» форма еврейского сопротивления. Между тем, отмечает автор, «с высоты начала двадцать первого столетия вооруженная борьба кажется уже не столь вдохновляющей, как когда-то. То, что для Минского гетто спасение жизней было более важной целью, хотя и подчиненной по отношению к тому, чтобы взяться за оружие, делает его участникам честь» (3, с. 292).

М.М. Минц

Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.

**ГОРЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. –**

М.: Центрполиграф, 2012. – 479 с.: ил.

(Реферат)

В монографии канд. ист. наук А.Ю. Безугольного, д-ра ист. наук Е.Ф. Кринко и д-ра ист. наук Н.Ф. Бугая рассматривается одна из самых сложных проблем истории Отечественной войны 1941–1945 гг. – судьба горских народов Северного Кавказа. Авторы попытались восстановить целостную, исторически достоверную картину взаимоотношений между горцами, советским государством и нацистской Германией, включая особенности службы горцев в Красной армии, их участие в боевых действиях, жизнь оккупированных районов, коллаборационизм и партизанское движение, наконец, депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей в 1943–1944 гг. За рамками исследования остались такие темы, как «перестройка народного хозяйства автономных областей и республик Северного Кавказа на военный лад, социально-экономическое развитие региона, различные формы помощи населению фронту, ратные и трудовые достижения горцев» (с. 6–7), поскольку эти вопросы, не отягощенные памятью о сталинских репрессиях и не связанные с современными политическими баталиями, изучены уже достаточно подробно. Структура монографии выстроена по проблемно-тематическому принципу и включает предисловие, шесть частей (глав) и заключение. Поскольку изучение выбранной авторами проблематики до сих пор находится лишь на начальной стадии, в отдельной – второй – части книги детально анализируется

комплекс доступных источников по истории горцев в годы войны. В первой части так же детально разбирается историография вопроса.

Авторы отмечают, что к настоящему времени наиболее глубоко исследованы не только социально-экономическая история северокавказских республик в рассматриваемый период, но и история национальных частей и соединений Красной армии, вклад горских народов в победу над Германией (включая число награжденных за героизм, погибших на фронте и т.д.). В постсоветский период, с отменой цензурных запретов, началось также активное изучение истории оккупации, коллаборационизма и сталинских депортаций. Продуктивному научному поиску способствуют расширение источниковой базы в результате «архивной революции», активизация международного научного диалога, применение новых методологических подходов (антропологическая история, социальная история, культурная история, история повседневности и др.). Как положительное явление авторы отмечают и эволюцию научной терминологии, отказ от пропагандистской стилистики советского времени в пользу более нейтрального академического языка.

Вместе с тем многие вопросы изучены еще далеко не полностью. Работы современных исследователей по истории Северного Кавказа в годы войны остаются чрезвычайно политизированными, слабо развито сотрудничество между историками, принадлежащими к разным этническим группам, корректный научный поиск нередко подменяется взаимными обвинениями: «Как признают современные чеченские исследователи, “когда чеченцу или калмыку говорят о том, что его деды сотрудничали с немецкими фашистами, он начинает искать данные об армии генерала Власова, о казачьих военных формированиях, воевавших на стороне немцев, т.е. начинаются поиски компромата и негатива”» (цит. по: с. 25). Ситуацию дополнительно усугубляют попытки таких авторов, как И.В. Пыхалов, оправдать сталинскую политику, представив депортации как якобы «справедливое» и даже «гуманное возмездие» (с. 63–64). По-прежнему ощущается дефицит источников (до сих пор, к примеру, почти не используются материалы устной истории), а недостаточное внимание к источниковедческим и методологическим вопросам не позволяет в полной мере использовать потенциал тех материалов, которые уже стали доступными. К числу малоизученных принадлежат и такие темы, как повседневность кавказских народов в годы войны, их духовная жизнь и др.

Источниковую базу исследования составили документы целого ряда центральных (ГАРФ, РГАСПИ, ЦАМО и др.) и местных

архивов, а также германские документы, периодическая печать изучаемого периода (советская и оккупационной администрации), листовки, источники личного происхождения и т.д. Это позволило авторам проследить не только процесс выработки и принятия решений в Москве, но и ход их реализации на местах, реакцию населения. Как показано в книге, массив источников по истории горцев в годы войны имеет серьезные лакуны: до сих пор не завершено рассекречивание документов того времени, затруднен доступ историков в ведомственные архивы, под разными предлогами (включая расширительное толкование законодательства о персональных данных и неприкосновенности частной жизни) не выдаются исследователям целые категории документов, отражающих различные нелицеприятные стороны истории советского государства и Красной армии; утрачены или уничтожены многие документы 1941–1942 гг., погибли во время боевых действий в 1994–1996 гг. архивы на территории Чечни, неясно, сохранились ли вообще какие-либо документы, возникшие при подготовке и обсуждении важнейших политических решений на уровне ближайшего окружения Сталина. Тем не менее авторы настаивают, что доступные на данный момент материалы довольно обширны и позволяют восстановить подробную и многостороннюю картину событий на Кавказе в рассматриваемый период, «при условии их более полного вовлечения в научный оборот, а также соответствующего источниковедческого анализа» (с. 106).

В межвоенное двадцатилетие представители народов Северного Кавказа в армию почти не призывались, поскольку военный бюджет был крайне ограниченным. Горскую молодежь начали направлять в войска лишь после принятия нового Закона о всеобщей воинской обязанности 1 сентября 1939 г. Летом 1941 г. в северокавказских автономиях, как и в других регионах СССР, была проведена всеобщая мобилизация, однако уже с осени призыв горцев в армию был постепенно свернут. Согласно целому ряду нормативных актов, изданных в конце 1941 и в 1942 г., призыву подлежали лишь представители «европейских национальностей» (в некоторых документах присутствует даже такая категория населения, как «европейские евреи», в противоположность горским евреям, также освобожденным от воинской повинности). Отчасти подобная практика стала продолжением довоенного курса, в рамках которого «неблагонадежными» признавались этнические группы, связанные с иностранными государствами – потенциальными противниками СССР. Кроме того, в определенной степени это была реакция на неспокойную обстановку в регионе, где в 1942 г. усилился банди-

тизм, широко распространилось уклонение от призыва и т.д. Авторы отмечают, однако, что и в 1943 г., когда указанные проблемы были в основном преодолены, призыв горцев в армию так и не возобновился. Вместо этого началась тщательно засекреченная подготовка к массовым депортациям.

«В то же время нельзя не отметить, — пишут авторы, — что кавказские национальные регионы внесли свой весомый исторический вклад в дело Великой Победы над фашизмом. В общей сложности они дали действующей армии почти 2 млн человек, включая лиц славянских и прочих национальностей» (с. 165). Несколько сотен чеченцев и ингушей приняли участие в обороне Брестской крепости. Отказ от призыва частично компенсировался вербовкой добровольцев (на практике она нередко принимала принудительный характер). Анализ национального состава отдельных соединений и объединений советских войск показывает также, что командование армий, воевавших в 1942 г. на территории северокавказских автономий, по-видимому, мобилизовало некоторое количество местных жителей в обход существовавших запретов.

Отдельно авторы останавливаются на таком болезненном вопросе, как уровень дезертирства в немногочисленных национальных формированиях, укомплектованных представителями горских народов. Он действительно был довольно высоким, выше средних показателей по Красной армии, и это, несомненно, провоцировало предвзятое отношение в целом к соответствующим этническим группам, хотя на самом деле ситуация в национальных частях была обусловлена общими факторами, прежде всего длительным пребыванием в тылу при недостаточном снабжении и к тому же вблизи тех мест, где постоянно проживало большинство бойцов. В подобных условиях число дезертиров возрастало во всех соединениях, независимо от их национального состава.

Планы оккупации Кавказа и Закавказья разрабатывались в Германии с самого начала подготовки операции «Барбаросса», однако различные группировки внутри нацистского руководства придерживались неодинаковых взглядов по этому вопросу. Фактически немцами в 1942 г. была занята лишь часть территории Северного Кавказа, продолжительность оккупации различалась от района к району, но не превышала пяти-шести месяцев. Предполагалось, что в целом оккупационный режим в регионе будет мягче, чем в европейской части СССР. Тем не менее население оккупированных территорий в полной мере испытало все ужасы нацистского вторжения, включая грабежи, изнасилования, произвол оккупаци-

онной администрации, угон местных жителей в Германию в качестве «восточных рабочих», карательные операции и т.д. Все эти обстоятельства, а также непоследовательность и несогласованность действий германского руководства привели к тому, что в полной мере задействовать имевшиеся возможности по привлечению местного населения на сторону Рейха нацисты так и не смогли. Не удалось сформировать и по-настоящему сильное коллаборационистское движение. В общей сложности на стороне Германии воевали около 28 000 выходцев с Северного Кавказа, коллаборационистские части комплектовались главным образом бывшими военнопленными и эмигрантами.

Развертывание партизанского движения на Северном Кавказе происходило с трудом, проводившиеся операции принесли лишь ограниченный результат. Сказались не только ошибки местной советской администрации, но и то, что театр военных действий, покрытый в основном степями, вообще довольно плохо подходил для партизанской войны. Успешным действиям в предгорьях мешало отсутствие у значительной части партизан необходимой подготовки и снаряжения.

Обстановка в прифронтовых районах, а также на вновь освобожденных территориях оставалась довольно напряженной, особенно в Чечено-Ингушетии, где в годы войны произошла определенная консолидация антисоветского подполья. Рост недовольства подогревался не только тяготами военного времени и просчетами местной администрации, но и воспоминаниями о событиях конца 1920-х – 1930-х годов, когда регион пережил коллективизацию (в горных районах она воспринималась особенно болезненно) и несколько волн репрессий. Советское руководство в этой ситуации прибегло к поголовному выселению «провинившихся» народов с мест их компактного проживания как к самому «простому» с бюрократической точки зрения решению. Уже в ноябре 1943 г. из Ставропольского края были депортированы около 70 тыс. карачаевцев, с упразднением Карачаевской автономной области. 23 февраля 1944 г., после многомесячной подготовки, началась операция «Чечевица» по переселению примерно 400 тыс. чеченцев и 90 тыс. ингушей; депортация продолжалась до конца марта, Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована. В ходе выселения имели место жестокие расправы над населением ряда аулов. Параллельно из Кабардино-Балкарии были депортированы 37–38 тыс. балкарцев, республика переименована в Кабардинскую, часть ее территории передана Грузии. Репрессиям подверглись и некоторые другие эт-

нические группы. Представители этих народностей, служившие в Красной армии, были демобилизованы и также переселены на восток. Розыску и переселению подлежали их соплеменники, проживавшие в других регионах Союза; исключение делалось лишь для лиц, состоявших в браке с представителями других национальностей. Из-за нечеловеческих условий переезда и проживания на новом месте смертность среди депортированных приняла катастрофические масштабы: только с 1944 по 1948 г. умерли свыше 144 704 человек, 23,7% всех выселенных с Северного Кавказа. Рождаемость в те же годы была на порядок ниже. Конфликты, основу для которых заложила эта варварская акция, продолжают по сей день.

М.М. Минц

**ЗЕМЛИ, ОХВАЧЕННЫЕ ВОЙНОЙ: ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА ГРАНИЦАХ СССР С ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИМИ
СТРАНАМИ, 1945–1950
(Реферат)**

Ref. ad op.: Warlands: Population resettlement and state reconstruction in the Soviet – East European borderlands, 1945–50 / Ed. by P. Gatrell and N. Baron. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – XVI, 276 p.: ill.

Коллективная монография ученых из вузов Великобритании, США, Нидерландов и Польши, а также Украины, посвящена проблемам восстановления государственности народов Восточной Европы после Второй мировой войны и политике переселений различных наций региона. Книга состоит из введения и четырех частей.

Во введении, написанном профессором экономической истории П. Гэтреллом (Университет Манчестера), раскрывается актуальность темы сборника и определяется цель исследования. Автор пишет, что переселения после Второй мировой войны были масштабными и являлись частью исторического этапа, который характеризовался насилием и переделом территорий. Цель книги – исследование части этого процесса, а именно политических, социальных и экономических событий в СССР и Восточной Европе по окончании Второй мировой войны. Изучаемые территории были свидетелями масштабных перемещений населения в результате коллективизации 1929–1932 гг. и сталинских депортаций национальных меньшинств между 1936 и 1944 гг., нацистских переселений и истребления еврейского населения. В годы Второй мировой войны этнические немцы из балтийских государств и восточных районов

Польши были приглашены на родину, а жители Польши, Украины и Прибалтики вывозились в качестве рабочей силы в Германию, где трудились вплоть до капитуляции Рейха. В 1945 г. ситуация усложнилась в связи с решениями стран-победительниц по территориальным вопросам. В частности, границы Польши были отодвинуты на запад за счет немецких земель как компенсация за уступку Польшей своего восточного пограничья Советскому Союзу. Союзники санкционировали также изгнание этнических немцев из их фермерских хозяйств в Польше, Чехословакии и Венгрии, одобрили обмен населением между Украиной и Польшей и «обсудили, что делать с выжившим еврейским населением и с несколькими миллионами переселенных людей» (с. 1).

Озвученные в год Победы территориальные изменения и переселения не ограничивались СССР и Восточной Европой, так как война велась на нескольких континентах. В ходе войны были переселены 20 млн китайцев, а 2 млн корейцев вынуждены были поселиться в Японии. Многие европейские евреи, а также еврейское население арабских стран, попытались начать новую жизнь в Израиле.

Однако в данном труде в центре исследования находятся СССР и Восточная Европа – территории, на которых Россия, Германия и Австро-Венгрия сражались по 1918 год. Здесь после Первой мировой войны были созданы независимые государства: Эстония, Латвия, Литва, Польша. Короткие периоды независимого государственного существования пережили Украина, Белоруссия, Армения, Грузия и Азербайджан. Во время Второй мировой войны весь исследуемый регион подвергся нацистской эксплуатации и колонизации. Одной из главных целей нацистов было уничтожение евреев путем массовых убийств и помещения еврейского населения в городские гетто и лагеря смерти. Депортации, заключения и убийства приняли более масштабный характер, чем в годы Первой мировой войны и в межвоенный период.

В конце Второй мировой войны в связи с Ялтинской и Потсдамской конференциями стало очевидным, что карта мира будет вновь перекраиваться. Союзники позволили СССР аннексировать балтийские государства. На советско-финской границе случились передвижения карел, которые пожелали жить в Финляндии. Болгары «настаивали на выселении 160 000 этнических турок в Турцию» (с. 3). Победа коммунистов в Югославии заставила сотни беженцев переместиться в западном направлении.

Массовые миграции имели место в конце войны. В декабре 1944 г. У. Черчилль в своей речи в Палате общин заявил о необходимости «очистить» Польшу от этнических немцев. Данное предложение было представлено как средство по налаживанию «дружбы» между народами, а в качестве примера приводились результаты греко-турецкого обмена населением в 1923 г. Летом 1945 г. поляки и чехи взяли в свои руки проблему «очистки» Польши и Чехословакии от германского населения и стали выживать немцев из их домов (с. 3–4).

Решение союзников передвинуть восточную границу Польши сопровождалось переселениями поляков и украинцев. «Национальные коммунисты» Литвы вынудили поляков покинуть Виленский регион, чтобы создать мононациональное государство. А красноармейцы забрали из Верхней Силезии 100 тыс. здоровых мужчин для работы в советских трудовых лагерях. Некоторые офицеры из союзнических армий полагали, что бывшие солдаты и рабочие по принуждению вернутся домой, а перемещенные лица думали, что «западные державы заставят Советы отступить» (с. 4).

Однако эти ожидания не оправдались. До 1950-х годов в советских лагерях оставались сотни тысяч немецких военнопленных. Многие жители Восточной Европы не хотели быть репатрированными из-за того, что в балтийских государствах и бывшей Восточной Польше была установлена советская власть. Организация обмена населения между Украиной и Польшей «стала хаотичным, поспешным и жестоким делом...» (с. 4).

Авторы монографии проливают свет на организацию жизни в лагерях для переселенцев и управление ими. П. Гэтрелл подчеркивает, что в лагерях «изолировали и содержали беженцев, как в тюрьме» (с. 15). В то же время переселенцы, не имея политически разрешенных связей с родиной, старались держаться за свои диаспоры.

Первая часть книги, написанная Т. Бэлкелисом (Школа искусств, истории и культуры Университета Манчестера), Э. Парсом (Вашингтонский университет) и Дж. Кэрсоном (Школа искусств, истории и культуры Университета Манчестера), посвящена ситуации в лагерях послевоенного времени. В конце Второй мировой войны беженцы были везде: на дорогах и улицах, в бомбоубежищах, на железнодорожных станциях и в армейских бараках. Т. Бэлкелис касается в связи с этим литовского вопроса. В ходе войны 250 тыс. литовцев покинули свою родину. По предложению союзников, более 60 тыс. из них могли поселиться в трех западных зонах оккупации в Германии, Австрии и Италии. Большая часть литовских

беженцев оказалась в годы войны в 113 лагерях для переселенцев. Что представляли собой такие лагеря? Изначально это были места для получения временной помощи, но они существовали также «для изоляции беженцев от внешнего мира» (с. 26). Решение об отделении переселенцев не германского происхождения от немцев и размещении их в специальных лагерях было принято союзниками в июне 1944 г. В лагерях беженцы регистрировались, им оказывалась разносторонняя помощь, в том числе медицинская. Западные официальные лица выразили пожелание составлять личные биографии переселенцев и выяснять их политические взгляды. Численность беженцев значительно превышала количество персонала в лагерях, который желал ощущать свое превосходство над переселенцами и осуществлять полный контроль над ними. Так появилась «социальная дистанция между двумя группами» (с. 26).

Как пишет Т. Бэлкелис, попадание в лагерь для переселенцев не только лишало человека личной свободы, но и создавало опасность для жизни. По словам одного из современников, переселенец «должен был подвергнуться коллективизации, превратиться в материальный объект и быть помещенным в лагерь» (цит. по: с. 32). Условия жизни в лагере были весьма стесненными. Ветхие кровати переселенцев были размещены так, что между ними трудно было протиснуться, а под ними и на них находились картофель, капуста, морковь, обувь и т.п. Кроме того, в лагерях для беженцев были толстые, холодные стены, маленькие окна и узкие, плохо освещенные коридоры. Как заметил один из переселенцев, «мы живем жизнью, в которой никто не заинтересован» (с. 32).

Лагеря были также местами, где велась политическая пропаганда. По идеологическим причинам в октябре 1946 г. прибалтийские переселенцы, которые до 1 сентября 1939 г. не являлись советскими гражданами, были исключены из советских списков репатриантов. Литовцы, в частности, проходили так называемые «просеивания» путем заполнения идентификационных карт. Они испытывали советское давление и в виде физического насилия в ответ на петиции и голодовки.

Э. Парс пишет о перемещениях латышей. В связи с этим он отмечает, что латвийская проблема была частью европейского феномена массовых переселений (с. 48). Латвийские переселенцы, так же как и представители других национальностей, в годы Второй мировой войны находились в лагерях для беженцев. В их среде преобладали националистические настроения, но после 1945 г. у них не было такого государства, в которое они хотели бы вернуться.

Латвийские переселенцы делились на три группы: 1) насильственно выселенные из своих домов; 2) добровольно покинувшие родину; 3) солдаты, завершившие войну в составе американских или британских вооруженных сил. После войны Центральный совет Латвии пытался воссоздать независимое государство на базе Конституции 1922 г. Однако политические силы республики не смогли договориться между собой о восстановлении государственности. В то же время латыши достигли успехов в лагерной политике. В местных лагерях для переселенцев была представлена вся система образования – от детского сада до университета, имелись «театральные труппы, хоры, кружки изобразительного искусства и даже опера и балет» (с. 64).

Дж. Кэрсон пишет о деятельности американских и других квакеров в лагерях для перемещенных лиц. Для того чтобы помогать беженцам, квакеры использовали даже давление на правительства. Их движение было в основе своей христианским. Они считали, что им воздастся за оказываемую помощь, так как «каждый индивидуум – дитя Божие...» (с. 68). Квакерское движение вылилось в создание большого количества гуманитарных организаций, которые оказывали помощь нуждающимся, в том числе и переселенцам в годы Второй мировой войны. Так, в 1945 г. в Германии работало Британское религиозное общество друзей. Свою работу они рассматривали как долг, а не как профессию. Их деятельность в германских лагерях, выражавшаяся в христианских принципах «накормить голодного, напоить того, кого мучает жажда, одеть обнаженного, посетить больного» (цит. по: с. 72) и т.п., позволила им проявить себя настоящими христианами и настоящими квакерами.

Во второй части, написанной Н. Бэрном (Университет Ноттингема), С. Пилингом (Университет Ноттингема) и Дж. Лэйкок (Университет Манчестера), анализируется советская практика переселений и управления населением. Как пишет Н. Бэрн, конец Второй мировой войны принес свободу от нацистской оккупации миллионам советских граждан. Многие были вывезены в военное время в Германию как военнопленные или рабочая сила. Гораздо меньшее число присоединилось к армии врага. В последующие годы большинство советских переселенцев вернулись на родину, но вынуждены были пройти фильтрацию.

Последствия войны дали возможность сталинскому руководству проверить многих своих граждан, особенно тех, которые жили в пограничных регионах. Советские власти верили в то, что среди

репатриантов скрываются враги, которые обнаружили себя своими действиями во время войны. Выявить их и должна была фильтрация – «операция массового характера, но ее процедуры были чисто индивидуальными» (с. 90).

В то же время большая часть репатриантов прибыла в страну для того, чтобы заново обустроиться в родных местах, и только меньшинство подверглось репрессиям. Н. Бэрн задается вопросом о том, что вынудило советские власти развернуть такую масштабную и длительную кампанию. Он полагает, что бесконтрольные передвижения населения в годы войны представлялись руководителям СССР угрозой общественному порядку в стране (с. 90).

С. Пилинг пишет о перемещениях населения в послевоенном Ленинграде. В сентябре 1947 г. в газете «Ленинградская правда» было опубликовано письмо одного из местных жителей, в котором выражалось беспокойство по поводу отсутствия чистоты и порядка на улицах города. Некультурность была проявлением массовых переселений населения. В резолюции, принятой по Ленинграду в феврале 1946 г., подчёркивалась необходимость улучшить уборку улиц, создать порядок в работе общественных бань, улучшить санитарную ситуацию в жилых домах, принять меры по предотвращению различных эпидемий. Санитарный контроль над поездками людей в Ленинград осуществлялся в 1943–1948 гг. Тех граждан, которые приехали в город в военное время из Ленинградской области, Карелии и прибалтийских республик, после войны выселяли и депортировали на родину, поскольку самим ленинградцам не хватало жизненного пространства.

Дж. Лэйкок пишет о репатриации армян в 1945–1949 гг. Еще в конце войны армяне выдвигали территориальные претензии к Турции. Весной 1945 г. организации армянской диаспоры на конференции в Сан-Франциско потребовали воссоединить с Арменией Карс и Ардаган. Однако им не удалось достичь желаемого. Между тем судьба армянского народа в годы Второй мировой войны была драматической: из 500 тыс. армянских солдат 174 тыс. не вернулись домой (с. 144). В послевоенное время многих армян, особенно из тех районов, которые после Первой мировой войны вошли в состав Турции, ждала репатриация. Не все хотели жить в Советской Армении. Тем не менее после 1945 г. организации армянской диаспоры во всем мире стали представлять Армянскую ССР как свою родину. В то же время несколько тысяч репатриантов были вынуждены эмигрировать из Армении, где была установлена советская власть.

Третья часть, написанная К. Стадник (НАН Украины), К. Зелинским (Люблинский университет им. М. Склодовской-Кюри) и Э. Охман (Университет Манчестера), посвящена политике по восстановлению государственности ряда стран Восточной Европы. Вскоре после того, как летом 1944 г. Красная армия вошла в Западную Украину и восточные районы Польши, состоялась встреча представителей Советской Украины и Польши в Люблине, на которой было согласовано выселение поляков из Советской Украины и этнических украинцев из Польши. Последствия этого решения были далеко идущими. Спонтанную миграцию сопровождало жестокое насилие. Переселения заняли гораздо больше времени, чем планировалось. В межвоенный период спорными территориями считались Холм, Подлесье и Пшемьсл (Перемышль), где украинцы составляли почти $\frac{2}{3}$ населения. В марте 1921 г. они отошли к Польше по Рижскому договору.

В конце Второй мировой войны победители признали присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Взамен Сталин признал за поляками право восстановить их западную границу. После этого возникла проблема переселений населения и перемещения имущества. Переселенцами были названы украинцы, русские, белорусы и русины как «украинское население», а также поляки, польские евреи, проживавшие на территории СССР, которые были названы «польскими гражданами» (с. 171). Особо обсуждался вопрос об эвакуации церковного имущества и культурных объектов.

К. Стадник заключает, что перемещения населения Украины и Польши «внесли свой вклад в продолжающуюся вражду между Польшей и Украиной» (с. 181). Они имели прямое влияние на экономическую и культурную жизнь двух обществ. К этому следует добавить, что люди перемещались в какие-то определенные места и делали всё для того, чтобы выжить в пути и по прибытии. В частности, переселенные поляки старались перебраться туда, где они «в крайнем случае могли получить поддержку родственников» (с. 181).

К. Зелинский подчеркивает, что Вторая мировая война «изменила государственные границы Польши и ее демографическую и этнонациональную структуру» (с. 188). Автор отмечает также, что представители национальных меньшинств Польши, пережившие переселения, вплоть до падения коммунизма не могли опубликовать свои воспоминания о послевоенном опыте. А научные иссле-

дования данной проблематики сделались возможными в Польше только после 1989 г.

Межвоенная Польша была многонациональным государством. В 1931 г. национальные меньшинства составляли 31,1% ее населения. Основными национальными меньшинствами были украинцы (13,9%), евреи (8,9%), белорусы (3,1%) и немцы (2,3%). Этнические поляки «были сконцентрированы в центральной и северо-восточной Польше, а в восточных регионах преобладали украинцы и белорусы» (с. 189). Некоторые национальные меньшинства, особенно немцы и украинцы, были недовольны своим статусом. Они претендовали на территории, на которых жили веками, как, например, галицийские украинцы, стремившиеся создать в Галиции свое национальное государство. А после прихода к власти в Германии Гитлера многие немцы Польши «поддерживали нацистский режим и его экспансионистские амбиции» (с. 190).

В феврале 1946 г. из общего населения Польши в 23 млн 930 тыс. человек 2 млн составляли немцы и 162 тыс. – украинцы. До этого из Польши были переселены 482 тыс. украинцев и лемков, 36 тыс. белорусов и тысяча литовцев. Около 4 млн поляков вернулись в Польшу (с. 191).

Э. Охман отмечает, что насильственные переселения были одним из ключевых экспериментов над польскими гражданами в годы Второй мировой войны. Еще в сентябре 1939 г. польское и еврейское население западных польских территорий, аннексированных Рейхом, было насильственно переселено в Центральную Польшу. По данным Э. Охман, приблизительно 985 тыс. поляков и евреев были заменены на 840 тыс. немцев. Между 1942 и 1943 гг. более 100 тыс. поляков, главным образом из Замойской земли в восточной Польше, были вынуждены строить жилье для немецких поселенцев. Около 2 млн поляков были вывезены в Германию как рабочая сила. А советские власти в феврале 1940 – июне 1941 г. депортировали приблизительно 380 тыс. поляков и евреев (с. 210).

В январе 1945 г. Верхняя Силезия была занята войсками 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева. Подразделения НКВД и СМЕРШ начали осуществлять контроль над населением. Новая польская администрация была просоветской. Эти организации имели отношение к переселениям. Путь переселенцев занимал обычно несколько недель; в один вагон, часто неотапливаемый, обычно помещали более 100 человек. Некоторые замерзали, не доехав до места назначения, другие заболели. Еды и медикаментов не хватало. Э. Охман считает, что «коллективное осуществле-

ние религиозных культов помогло многим депортированным выжить в пути» (с. 214).

Кроме того, в Верхней Силезии были арестованы представители нескольких категорий «врагов» Советского Союза, которые выделялись на основе данных захваченных немецких документов, советской разведки, доносов соседей. Бывшие солдаты Вермахта польского происхождения и члены профашистской милиции *Volkssturm* были заключены в тюрьмы. В Опольском районе немецкие коммунисты помогали солдатам Красной армии осуществлять аресты. Но все же большая часть жителей Верхней Силезии «была скорее мобилизована для работы, чем арестована» (с. 217).

В четвертой части, написанной М. Вульфом (Университет Маастрихта), П. Гэтреллом и Н. Бэрном, говорится о конкретных переселениях и их последствиях. Так, М. Вульф исследует переселения эстонского населения. В июне 1940 г. Эстония была оккупирована советскими войсками. За оккупацией последовали массовые аресты членов антикоммунистических организаций, политической элиты, высокопоставленных официальных лиц, полицейских, землевладельцев, промышленников и др. Эстонская армия была разоружена, ее офицеры депортированы. С началом войны несколько тысяч эстонцев дезертировали из Красной армии и перешли к немцам. Другие создали антисоветские партизанские формирования, которые вели подпольную войну против Красной армии.

В первое послевоенное десятилетие советские репрессии в Эстонии усилились, так же как и партизанские действия эстонского сопротивления. Между 1948 и 1950 гг. более 93 эстонских фермерских хозяйств подверглись насильственной коллективизации. В марте 1949 г. в ходе общеприбалтийской секретной операции советские власти депортировали 60 тыс. эстонских «кулаков» и «врагов народа» в Сибирь (с. 234). К началу 1930-х годов в Эстонской коммунистической партии доминировали русские и «русифицированные» эстонцы, а национальная номенклатура была смещена со своих должностей. Некоторым эстонцам удалось перебраться в Швецию, а оттуда по морю в США. В 1948 г. около 10 400 эстонцев, главным образом из немецких лагерей для беженцев, эмигрировали в Америку (с. 235). Эстонцы избавились от своего статуса «политических беженцев» только в 1991 г., когда им было официально разрешено вернуться на родину. Правда, как отмечает М. Вульф, «немногие воспользовались этой возможностью» (с. 248).

П. Гэтрелл и Н. Бэрон отмечают, что в послевоенное время были применены различные формы осуществления власти и экс-

пертизы, которые имели целью преобразовать массы переселенных людей в упорядоченное и законное население. Врачи, психологи и социальные работники осматривали детей переселенцев и делали вывод об их «пассивности» и «апатии» (с. 259). В результате заключалось, что они могут быть определены куда-либо лишь по решению экспертов. В лагерной среде существовали свои тираны, контролировавшие ресурсы и заполнявшие рабочие вакансии. Женщины-беженки должны были демонстрировать высокую мораль и ответственно себя вести.

Беженцы находили возможности приспособливаться к условиям жизни в лагерях. К примеру, они прибегали к услугам «черного рынка» и совершали другие незаконные действия. Иногда обращались к властям. Армянские репатрианты, в частности, требовали, чтобы советские официальные лица «ответили на вопросы о жилищных условиях, которые они ожидали получить» (с. 260).

Однако большинство беженцев чувствовали себя в лагерях как в тюрьмах. Впоследствии многие репатрианты не смогли в полной мере прижиться в нормальном обществе. Тысячи поляков и прибалтов убыли на Запад с целью стать полезными гражданами, а также информаторами о жизни при тоталитаризме. Их внимательно «отбирали», принимая во внимание биографию и данные медицинского обследования. Другие люди годами находились в лагерях, так как были признаны больными или «не способными к эмиграции» (с. 266).

О.В. Бабенко

ВETERАНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (Сводный реферат)

1. Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны: Народное движение в авторитарном обществе, 1941–1991.

Edele M. Soviet veterans of the Second World War: A popular movement in an authoritarian society, 1941–1991. – Oxford etc.: Oxford univ. press, 2008. – XII, 334 p.

2. Дейл Р. Крысы и чувство обиды: Демобилизация Красной армии в послевоенном Ленинграде, 1945–1950.

Dale R. Rats and resentment: the demobilization of the Red Army in postwar Leningrad, 1945–1950 // Journal of contemporary history. – L. etc., 2010. – Vol. 45, N 1. – P. 113–133.

3. Дейл Р. Миф о Валааме и судьба ленинградских инвалидов войны.

Dale R. The Valaam myth and the fate of Leningrad's disabled veterans // Russian review. – Syracuse (N. Y.), 2013. – Vol. 72, N 2. – P. 260–284.

Книга Марка Эделе (Университет Западной Австралии) посвящена судьбе советских ветеранов Отечественной войны во второй половине XX в. Немец по происхождению, Эделе, по его собственным словам, принадлежит к «поколению, слишком молодому для того, чтобы обладать личным опытом войны и тоталитаризма, выросшему в беспрецедентно долгий период мира и процветания в Европе, в работающем социальном государстве с сильным общественным мнением и демократическим правительством». «Моей когорте западных европейцев, – продолжает он, – приходится напрягать воображение, чтобы хотя бы отдаленно понять, что означает жить в условиях тоталитарной диктатуры, авторитарного общества, дефицитной экономики или сражаться не на жизнь, а на смерть

за этот самый порядок» (1, с. VII). В своем исследовании он опирается на довольно обширную источниковую базу, включающую документы ряда центральных российских архивов (ГАРФ, РГАЭ, РГАН, РГАСПИ, Центр документации «Народный архив»), архивов Москвы, Воронежской и Свердловской областей, а также документальные публикации, периодику изучаемой эпохи, законодательные источники, воспоминания, художественную литературу и собственные беседы с бывшими участниками войны в Воронеже.

Советских фронтовиков автор определяет как стихийное общественное движение, основанное на общности интересов; он использует также предложенный Е.Ю. Зубковой термин «новый социум». Рассматривать ветеранов как поколение, по его словам, не представляется возможным, поскольку такой подход неизбежно наталкивается на серьезные трудности. Дело в том, что в их среде, вопреки распространенному представлению, отчетливо выделяются по крайней мере три поколения: собственно фронтовое (лица 1923–1927 гг. рождения, отправившиеся в армию непосредственно со школьной или студенческой скамьи и не имевшие опыта взрослой жизни до войны), промежуточное (лица 1905–1922 гг. рождения, вступившие в самостоятельную жизнь в межвоенный период) и поколение «дважды ветеранов» (лица 1890–1904 гг. рождения, принимавшие участие еще в Гражданской войне, некоторые – также в Первой мировой). Послевоенный опыт этих поколений был во многом различным – так, представители фронтового поколения, нередко успевшие сделать блестящую карьеру в армии, после демобилизации вынуждены были начинать жизнь фактически сначала и испытывали наибольшие проблемы с социализацией по сравнению со старшими товарищами. Позднейшее отождествление этой когорты с ветеранами в целом связано с тем, что именно фронтовое поколение наиболее ярко проявило себя в общественной деятельности и художественном творчестве, однако в действительности его доля от общего числа выживших участников войны составляет всего около 23% (промежуточного поколения – 50, старшего – 27%) из-за того, что именно призывники, родившиеся в начале 1920-х годов, понесли наибольшие потери в боях. В то же время по мере старения ветеранов и ухода старших поколений возрастные различия между оставшимися в живых постепенно становились все менее заметными, так что к концу советской эпохи все они уже считали себя одним поколением.

Автор полемизирует с французским историком А. Простом, предполагавшим, что старые солдаты не могут считаться социаль-

ной группой, если они не имеют собственных организаций или не получили особого общественного статуса в соответствии с действующим законодательством. Развитая сеть ветеранских организаций в СССР действительно сформировалась довольно поздно, лишь в 1970-е годы; тогда же были восстановлены отмененные в 1948 г. привилегии и льготы. Тем не менее как единое общественное движение ветераны проявили себя и в предшествующий период. Доступные источники позволяют констатировать как общность их самосознания, включая убежденность в своем праве на особый социальный статус, так и массовый характер их попыток добиться такого особого статуса (хотя в первые послевоенные годы эти попытки чаще всего принимали форму индивидуальных «писем во власть», авторы которых выступали только от своего собственного имени, используя местоимение «я», а не «мы»).

История советских ветеранов, таким образом, может рассматриваться как специфический опыт народного движения в авторитарном обществе. Несмотря на характерное для советской системы стремление поставить любую общественную активность под контроль государства, ветеранское движение формировалось не «сверху», а «снизу», во многом вопреки стараниям партийной бюрократии, рассматривавшей фронтовиков прежде всего как рабочую силу и поэтому стремившейся как можно быстрее снова превратить их в обычных граждан. В то же время движение это основано во многом на чисто советском опыте первой половины XX в., когда в условиях дефицитной экономики сформировалось строго иерархическое общество, в котором социальный статус измерялся разнообразными привилегиями, в том числе жильем и доступом к закрытым сетям распределения дефицитных товаров. Любопытно также, что ветераны Отечественной войны, как спасители родины от нацистской агрессии, в определенном смысле претендовали на то общественное положение, которым в межвоенный период обладали рабочие как творцы революции. Это перекликается с тем обстоятельством, что в советской мифологии и массовом сознании второй половины столетия память о войне 1941–1945 гг. в известной степени затмила воспоминания о событиях 1917–1922 гг., став основой для новой легитимации советского режима.

Демобилизация, пишет автор, осуществлялась поэтапно с июня 1945 по март 1948 г.; шестью волнами из вооруженных сил были уволены мобилизованные 1893–1925 гг. рождения, по его подсчетам, — не менее 8 млн 500 тыс. человек. К этому следует прибавить 3 млн 800 тыс. демобилизованных во время войны по

болезни или по ранению (из них 2 млн 600 тыс. остались инвалидами на всю жизнь), 200 тыс. человек, демобилизованных по другим причинам, еще столько же дезертиров, которых не удалось поймать; 3 млн 600 тыс. человек, переведенных на различные работы в тылу еще до окончания боевых действий (среди них были и мобилизованные самых старших возрастов – 1890–1892 гг. рождения), и около 1 млн 800 тыс. репатриированных бывших военнопленных (1, с. 22–23). Несмотря на попытки придать демобилизации планомерный характер, транспортная система не справлялась с таким огромным потоком людей. Как следствие, путь домой нередко представлял собой поистине эпическую историю.

Официальная пропаганда в этот период была нацелена прежде всего на то, чтобы предотвратить сколько-нибудь серьезные проявления недовольства среди солдат, пока они были вместе и при оружии. Данным обстоятельством в первую очередь и были обусловлены постоянные рассуждения об особом статусе «воинов-победителей» и особой заботе о них, подкрепленные к тому же вполне реальными мерами поддержки (на самом деле весьма ограниченными). Эта пропаганда повлияла и на позднейшее самосознание фронтовиков, продолжавших добиваться особого статуса и льгот в последующие годы. Между тем уже в первые месяцы после Победы в пропагандистских материалах присутствовал и неявный подтекст: помощь вернувшимся с фронта солдатам рассматривалась не только как вознаграждение за боевые заслуги, но и как подарок от государства, подразумевавший ответное обязательство «не почивать на лаврах» и как можно скорее вернуться к мирной трудовой деятельности. После 1948 г. эта установка стала особенно отчетливой.

Наиболее утопичные мечты фронтовиков, пишет автор, – например, о ликвидации колхозов после войны, – не могли быть воплощены в жизнь по определению, поскольку подрывали сами основы сталинского режима. Но даже простейшая материальная помощь оказалась недоступной для подавляющего большинства демобилизованных (1, с. 40–41). Ресурсы государства были слишком ограниченными, бюрократический аппарат – неповоротливым и неэффективным, к тому же в условиях начавшейся конфронтации с США советское руководство по сути развернуло подготовку к новой войне, так что забота о благосостоянии граждан в очередной раз отодвинулась на второй план. Наибольшие трудности ветераны испытывали при поиске жилья (довоенное могло быть разрушено в ходе боевых действий или занято новыми жильцами,

которых далеко не всегда удавалось выселить), работы, возникали проблемы и с восстановлением документов и прописки. Подобные условия провоцировали рост недовольства; если американским солдатам бюрократическим чудовищем казалась сама армия, а демобилизация представлялась возвращением к нормальной жизни, то настроения их советских собратьев были прямо противоположными. Отсюда же происходит и такое широко распространенное явление, как ностальгия по фронту.

Недостаточная поддержка со стороны государства в определенной степени компенсировалась помощью со стороны членов семьи, родственников, соседей, друзей, в том числе других фронтовиков. Дружеские отношения складывались как между однополчанами, так и между людьми, ни разу не встречавшимися на войне; в последнем случае объединяющим началом являлся общий фронтовой опыт. В получении предметов первой необходимости важную роль играла разветвленная теневая экономика; на черном рынке можно было обменять и трофеи, привезенные из-за границы. Помощь вчерашним солдатам оказывали также религиозные организации; оживлению религиозной жизни способствовало смягчение государственной политики по отношению к церкви.

Особенно тяжело приходилось инвалидам, а также женщинам-фронтовикам. Первым было крайне трудно найти работу, чувство собственной неполноценности усиливалось официально насаждаемым культом физического здоровья. Инвалиды, не получавшие помощи от членов семьи или родственников, нередко вовлекались в разного рода криминальную деятельность. «Хотя мне не удалось найти примеров банд, целиком состоявших из ветеранов, – пишет автор, – инвалиды войны нередко были главарями таких группировок» (1, с. 61). Успешной социализации женщин-ветеранов препятствовал распространенный стереотип «фронтовой проститутки», провоцировавший неприязненное отношение со стороны как мужчин, так и других женщин. В то же время многие мужчины-фронтовики, напротив, испытывали чувство родства по отношению к женщинам, имевшим сходный с их собственным опыт участия в боевых действиях. Тяжелее всего приходилось женщинам-инвалидам, практически не имевшим шансов не только найти работу, но и завести семью; известны, однако, и примеры их более или менее успешного возвращения к мирной жизни.

Судьбе инвалидов Эделе посвящает отдельную – четвертую – главу своей книги. Положение данной группы ветеранов можно изучить наиболее подробно, поскольку сведения об инвали-

дах, в силу их особого статуса, содержатся в большем числе сохранившихся документов. Кроме того, как отмечает автор, для историка опыт инвалидов войны составляет особый интерес, поскольку особенно наглядно демонстрирует иерархическую структуру советского общества. В послевоенный период фронтовики-инвалиды оказались в двойственном положении. С формальной точки зрения это была едва ли не самая привилегированная группа ветеранов; статус инвалида Великой Отечественной войны гарантировал более широкие льготы и более основательную государственную поддержку даже по сравнению с другими категориями инвалидов, включая инвалидов других войн Советского Союза. Этот особый статус инвалиды сохранили и после 1948 г., когда льготы для остальных ветеранов были отменены. На практике, однако, помощь от государства в большинстве случаев была минимальной. С началом «холодной войны» сталинское руководство заботилось прежде всего о том, чтобы задействовать как можно большую часть населения в качестве рабочей силы. Этим, в частности, объясняется значительная доля инвалидов III группы: они составляли 68% от общего числа инвалидов войны (инвалиды II группы – менее 31%, I группы – менее 2%), поскольку получить освобождавшие от работы вторую и тем более первую группу инвалидности было крайне сложно (среди бывших офицеров соотношение было иным). Статусными различиями были обусловлены и различия в объеме государственной поддержки: разброс пенсий составлял от 500 руб. в месяц (что по меркам конца 1940-х годов считалось очень высокой пенсией) до 150, на которые невозможно было прожить. Как результат, имущественное положение инвалидов разнилось от относительно благополучного до полной нищеты. Их поддержка стала более действенной в 1960–1980-е годы, но на фоне более высокого по сравнению с 1940-ми годами уровня жизни по-прежнему выглядела недостаточной.

Отдельно автор останавливается на бытующем в отечественной национальной памяти представлении о целенаправленной «очистке» крупных городов от инвалидов, имевшей место, как традиционно считается, примерно через пару лет после войны. Эделе отмечает, что сохраняющиеся сложности с доступом к документам не позволяют с уверенностью подтвердить или опровергнуть эти утверждения. Сам он склоняется к тому, что инвалиды войны могли оказаться в числе жертв проводившихся уже в начале 1950-х годов кампаний по борьбе с нищенством и «антисоциальными паразитическими элементами», подобно тому как во время

борьбы с «космополитизмом» под каток в числе прочих попали бывшие военнопленные.

Судьбе последних посвящена следующая глава. Всего их было около 2 млн 800 тыс. (939 700 человек, освобожденных в ходе боевых действий, плюс 1 836 562 человека, репатриированных после окончания войны, часто насильно, из числа 2 016 480 бывших военнопленных, выявленных советскими властями), или 14% от общего числа выживших участников войны. Глава написана в основном по опубликованным в 1999 г. воспоминаниям Н.Ф. Дьякова, попавшего во время войны в финский плен и освобожденного в октябре 1944 г. Автор отмечает, однако, что судьба Дьякова на общем фоне была относительно благополучной. Он не был евреем (из 55–85 тыс. военнопленных-евреев домой вернулись 4762 человека, еще пара сотен остались на Западе; остальные были убиты) и к тому же попал в плен не к немцам, а к финнам. Кроме того, он не был карелом (карелы в финском плену были на привилегированном положении, следствием чего была особая подозрительность по отношению к ним со стороны советских «органов»). Он успешно прошел фильтрацию в Абхазии (!) и не был отправлен в рабочий батальон, как многие другие бывшие пленники; это позволило ему освободиться от подневольной работы на угольной шахте вскоре после окончания войны, рабочие батальоны были распущены гораздо позже. Наконец, он не был арестован в послевоенные годы. Возможно, ему помог довоенный опыт: будучи сыном «врага народа», он привык не ждать справедливости от советской администрации.

В первые годы после войны отношение властей к бывшим военнопленным было относительно терпимым, хотя и в этот период пребывание в плену оставалось клеймом, затруднявшим поиск работы, жилья, поступление на учебу. Переломными моментами в их судьбе стали не 1945 и 1953, а 1947–1948 и 1955–1956 гг. В 1947–1948 гг. отношение к бывшим пленникам резко ухудшилось. Это не было целенаправленной, официально оформленной политикой: центральное руководство просто перестало посылать «сигналы» на нижние этажи бюрократической иерархии о необходимости взвешенного подхода к вернувшимся из плена. Реабилитация бывших пленников состоялась в 1955–1956 гг. на волне начавшейся десталинизации; тогда же были освобождены из концлагерей последние заключенные, отбывавшие срок за пребывание в плену. Реабилитация эта, однако, осуществлялась негласно и, как следствие, была далеко не полной. Окончательное восстановление в правах быв-

ших военнопленных произошло лишь после крушения Советского Союза: в 1992 г. из анкет был исключен вопрос о пребывании в плену, и только в 1995 г. указом президента военнопленные были официально признаны участниками Отечественной войны.

Рассматривая далее вопрос о социальной мобильности ветеранов, Эделе отмечает, что многие из них после войны сумели добиться весьма ощутимых карьерных успехов. Основными социальными лифтами были членство в партии и образование, благо те или иные льготы для участников войны при поступлении в вузы, официальные или неофициальные, существовали практически всегда. С другой стороны, социальная мобильность ветеранов в целом, а не отдельных представителей этой группы, была достаточно низкой. Только 21% из них были членами партии, только 3% от ветеранов-горожан получили высшее образование, руководящие должности сумели занять от 4 до 15% фронтовиков в зависимости от региона. По-настоящему значительной доля ветеранов была лишь среди офицеров и в партии. При этом в состав партийной элиты – Центрального комитета КПСС – ветераны, ставшие коммунистами в годы войны, сумели попасть только в начале 1960-х годов и даже в 1971 г. составляли лишь 13% членов ЦК, притом что 72% мест по-прежнему принадлежали выдвиженцам эпохи первых пятилеток и Большого террора.

В то же время в 1960–1970-е годы ветераны войны сумели реализовать другой тип социальной мобильности – получить официальный статус и привилегии, превратившись таким образом в самостоятельную категорию советских граждан.

Предложения о создании общественной организации ветеранов раздавались еще в конце 1940-х годов. Параллельно было создано несколько «самовольных» ассоциаций. Партийная верхушка, однако, не была готова к тому, чтобы санкционировать такого рода объединения ветеранов, вплоть до середины 1950-х годов. Официальное объяснение состояло в том, что в создании ветеранских организаций нет нужды, поскольку советское государство заботится обо всех своих гражданах, а ветераны войны «объективно» (т.е. с точки зрения марксистской теории) не являются социальной группой. На самом же деле партийные функционеры, по-видимому, просто опасались, что ветеранские организации могут составить им конкуренцию. Союзный комитет ветеранов войны (СКВВ) был создан лишь в 1956 г., но и он, по выражению автора, был скорее потёмкинской деревней. Основная цель его создания состояла в том, чтобы получить право на участие в работе Международной

федерации ветеранов и использовать ее как площадку для пропаганды. Реальные возможности комитета по защите прав советских участников войны были минимальными, поскольку он не имел никакой инфраструктуры на местах. Как следствие, на протяжении последующих десяти лет усилия ветеранского движения были сконцентрированы в основном на борьбе за расширение структуры и полномочий СКВВ, за его превращение не только в пропагандистский, но и в лоббистский орган. Параллельно продолжался процесс создания независимых от СКВВ (и от партийного руководства) организаций.

Возможность создавать местные подразделения СКВВ получил в 1965 г.; сеть таких подразделений быстро начала расти. Продолжали создаваться и параллельные структуры, такие как советы ветеранов разных уровней, от республики до предприятия. В 1976 г. возможности для дальнейшего расширения структуры СКВВ были вновь резко ограничены: партийное руководство в очередной раз испугалось его растущего влияния. В новых условиях ветеранское движение сосредоточилось на борьбе за получение разного рода льгот.

Наконец, в 1986 г., уже при Горбачёве, был создан Всесоюзный совет ветеранов войны и труда. Эта новая организация объединила ветеранские ассоциации разного уровня, причем не только военные. Структура местных органов Всесоюзного совета ветеранов была выстроена по «территориально-производственному» принципу: от республиканских, областных, краевых и районных советов ветеранов до первичных организаций на предприятиях. В состав Совета вошел и СКВВ – на правах самостоятельного подразделения. После конституционной реформы 1988 г. Всесоюзный совет ветеранов получил право на участие в избрании членов Съезда народных депутатов СССР, треть состава которого представляла общественные организации. Совет ветеранов избирал 75 народных депутатов, т.е. свыше 3% от общего состава Съезда (2250 человек) или 10% от депутатов, избираемых общественными организациями. Таким образом, «ветеранское движение теперь воспроизводило организационную структуру партийных и государственных институтов и стало – вместе с другими массовыми организациями – еще одной опорой позднесоветского порядка» (1, с. 183).

Положению демобилизованных фронтовиков в Ленинграде посвящены две статьи Роберта Дейла (Королевский колледж, Лондон), работающего в настоящее время над книгой по этой же теме. В статье «Крысы и чувство обиды» (2) рассматривается процесс

социализации бывших солдат во второй половине 1940-х годов. Автор отмечает, что в российской национальной памяти, в том числе и в профессиональной историографии, до сих пор популярен миф о том, что фронтовиков встречали как героев и их возвращение к мирной жизни произошло довольно быстро и безболезненно. Опыт европейских стран и США свидетельствует о прямо противоположном: в эпоху индустриальной войны и массовых призывных армий демобилизация огромной массы военнослужащих, к тому же осуществляемая в ситуации, когда страна истощена только что завершившейся войной, неизбежно протекает с большими трудностями и порождает значительное напряжение в обществе. Проведённый Дейлом анализ доступных документов (включая недавно введенные в научный оборот «письма во власть», а также отчеты военных цензоров и сотрудников прокуратуры) показывает, что ситуация в послевоенном Ленинграде не слишком сильно отличалась от того, что можно было наблюдать за рубежом. Лишь немногие демобилизованные сумели быстро и без существенных трудностей воссоединиться с семьей, вернуться в довоенное жилье, найти работу. Ещё какому-то количеству вчерашних солдат удалось восстановить свое материальное положение, заняв административную должность. Подавляющая же часть демобилизованных столкнулась с колоссальными трудностями при поиске работы и жилья, бездушием чиновников, всеобъемлющей коррупцией. Следствием этого было широкое недовольство, объектом которого стали прежде всего «тыловые крысы» – чиновники, не служившие в армии и не принимавшие участия в боевых действиях. Нехватка ресурсов и неэффективность государственного аппарата, таким образом, привели к тому, что вместо быстрой и безболезненной реинтеграции бывших фронтовиков в послевоенное советское общество демобилизация 1945–1948 гг. стала источником новых социальных конфликтов и трений.

В более поздней своей статье «Миф о Валааме и судьба ленинградских инвалидов войны» (3) Дейл обращается к известному сюжету об «очистке» советских городов от нищенствующих инвалидов и их высылке на Валаам, якобы имевшей место в конце 1940-х годов; этот вопрос затрагивает в своей книге и Эделе (см. выше). Согласно имеющимся источникам, слухи о подобной кампании могли циркулировать уже на рубеже 1940–1950-х годов. В 1960-е годы миф о высылке инвалидов войны на удаленный северный остров, отрезанный от внешнего мира, воспроизвел Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», не упоминая, однако, о Валааме; Дейл предполагает,

что образ валаамского дома инвалидов стал частью этой легенды позже. Инвалиды войны, высланные на Валаам, фигурируют в получившем широкую известность рассказе Ю.М. Нагибина «Терпение», опубликованном в 1982 г. В конце 1980-х годов, с началом эпохи гласности, миф о Валааме стал доминирующим представлением. В Ленинграде бытовала его местная версия, согласно которой на Валаам высылались именно ленинградские инвалиды войны.

Действительная история, как показывают недавно рассекреченные документы, выглядела совсем иначе. Дом инвалидов на Валааме был создан в 1950 г., объединив несколько аналогичных учреждений, существовавших ранее в Карелии, и предназначался для содержания карельских инвалидов, нуждавшихся в специальном уходе. Подавляющее большинство из нескольких сотен его пациентов не были военными, инвалидов войны на Валааме насчитывалось всего несколько десятков. Условия жизни на острове были ужасными, в этом популярный миф действительно недалек от истины.

Документов, подтверждающих проведение каких-либо целенаправленных операций по выселению инвалидов из городов, в архивах по-прежнему не найдено. Рейды по выявлению нищенствующих инвалидов в Ленинграде проводились местными властями в конце 1940-х годов, однако их целями были прежде всего постановка инвалидов на учет и обеспечение их положенными по закону пособиями. Высылка инвалидов из города не практиковалась. Известно, однако, что в 1951 г. указом Президиума Верховного совета СССР была инициирована всесоюзная кампания по борьбе с «антисоциальными, паразитическими элементами», продолжавшаяся до 1954 г. В ходе нее было арестовано в общей сложности около 447 тыс. человек, до 70% из которых составляли инвалиды (не только инвалиды войны). Продолжались и городские кампании по борьбе с нищенством. Дом инвалидов на Валааме, однако, не имел никакого отношения к этим операциям.

Кроме того, как показывают цитируемые Дейлом свидетельства современников, ни о каком «исчезновении» нищих с городских улиц в начале 1950-х годов говорить не приходилось, т.е. результаты принимавшихся репрессивных мер были весьма ограниченными. В действительности число инвалидов на улицах, по-видимому, уменьшалось постепенно: кто-то умирал, кому-то удавалось завести семью или иным способом вернуться к нормальной жизни, кто-то обзаводился протезом, так что увечье становилось менее заметным. К тому же с течением времени инвалиды могли просто при-

мелькаться, так что остальные горожане стали обращать на них меньше внимания, чем прежде.

Особое внимание Дейл уделяет причинам возникновения мифа о высылке инвалидов войны на Валаам, исходя из того, что сам факт бытования подобных слухов позволяет судить о состоянии умов в советском обществе изучаемого периода. Возникновение мифа о Валааме, по его мнению, отражает как действительно наплевательское отношение советского режима к инвалидам, так и сохранившуюся в массовом сознании память о прежних репрессивных кампаниях: сталинское государство, в представлении собственных граждан, могло поставить перед собой такую задачу, как удаление инвалидов из городов, и обладало необходимыми возможностями для ее осуществления. Симптоматично, что в качестве даты переселения инвалидов на Валаам обычно называют 1947–1948 гг. – время, когда действительно произошло резкое ужесточение политического режима в СССР. Автор отмечает и еще один нюанс: для советских людей миф о Валааме служил в своем роде самооправданием, позволяя переложить на государство ответственность за их собственную невнимательность по отношению к инвалидам. В послевоенном советском обществе, с его культом физического здоровья и силы, официально пропагандируемой устремленностью в будущее и понятным после тяжелых испытаний стремлением поскорее забыть об ужасах недавнего прошлого (особенно сильным в послеблокадном Ленинграде), люди нередко закрывали глаза на многочисленных изувеченных ветеранов. В таких условиях слухи об их массовой высылке на Валаам оказались как нельзя более востребованными.

М.М. Минц

ЗНАЧЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ИСТОРИИ СССР И ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (Сводный реферат)

1. Вайнер А. Осмысление войны: Вторая мировая война и судьба большевистской революции.

Weiner A. Making sense of war: the Second World War and the fate of the Bolshevik Revolution. – Princeton: Princeton univ. press, 2001. – XV, 416 p.

2. Ловелл С. Тень войны: Россия и СССР, с 1941 г. до настоящего времени.

Lovell S. The shadow of war: Russia and the USSR, 1941 to the present. – Chichester (West Sussex, U. K.); Malden (Mass.): Wiley-Blackwell, 2010. – XIII, 370 p.

Значение Второй мировой войны рассматривалось зарубежными специалистами по истории Советского Союза главным образом с точки зрения ее разрушительных последствий для населения и экономики страны. Реферируемые работы предлагают новый подход к изучению войны, в центре которого находится ее влияние на весь ход последующей истории СССР и постсоветского пространства.

В монографии американского историка Амира Вайнера Вторая мировая война – «беспрецедентный катаклизм, который потряс весь европейский континент», – рассматривается как центральное событие в истории Советского Союза, навсегда поделившее ее на две разных эпохи. Подчеркивая, что Великая Отечественная война, как ее называли в СССР, трансформировала советское государственное устройство физически и символически, автор поставил своей задачей исследовать ее влияние «на идеологию, верования и практики советского режима и его подданных» (1, с. 7).

Он отмечает при этом, что, хотя Великая Отечественная война затронула всех граждан без исключения и оставила огромное количество источников, зарубежная историография, в особенности американская, избегала этой темы. Ею занималось лишь послевоенное поколение советологов, принадлежавшее к «сегодня практически вымершей школе политологов-историков» (1, с. 13). Затем все внимание стали уделять Октябрьской революции, Гражданской войне, сталинизму 1930-х годов, отдавая предпочтение изучению социально-экономических структур либо политико-идеологических процессов. Война приобрела в этом нарративе статус события, прервавшего на несколько лет общий ход истории страны, и ею занимались специалисты по военно-исторической проблематике. В результате к юбилейному 1995 году в активе западной историографии имелось лишь несколько работ по Великой Отечественной войне, причем написанных преимущественно специалистами по европейской истории, не владеющими ни одним из славянских языков. Это был разительный контраст с той лавиной монографий и мемуаров, посвященных всем остальным театрам военных действий, которые были опубликованы в связи и по поводу юбилея, пишет Вайнер (1, с. 12–14).

По мнению автора, причина коренилась в неверном прочтении истории Октября, вернее, в применении к ней парадигмы Термидора, т.е. идеи о том, что революция закончилась террором 1937–1938 гг. Но как раз в тот момент, считает Вайнер, она набирала силу. И современники вполне осознавали это: для советских людей война являлась «критически важным, неотъемлемым звеном» всего революционного проекта, когда на практике была подтверждена жизнеспособность и легитимность большевистского режима. Великая Отечественная война интерпретировалась как «последняя битва с силами зла» (Армагеддон) на пути к светлой цели построения коммунизма, что неизбежно смещает фокус исследования в сторону политической мифологии, указывает Вайнер (1, с. 18).

В своем исследовании автор исходит из тезиса, что Советский Союз не являлся какой-то аномалией и существовал отнюдь не в вакууме, представляя собой «часть современной (модерной) политической вселенной» (1, с. 7). Это прекрасно осознавали и партийные лидеры, и простые советские граждане, прокладывая свой собственный путь к социализму и коммунизму, в чем-то противопоставляя свою идеологию и практики универсальным тенденциям, а во многом и используя их. Советский Союз принадлежал к государствам современного типа, которые стремились трансфор-

мировать общество в соответствии со строго научными принципами посредством множества институтов, призванных управлять буквально всеми сферами общественной жизни. Война, утверждает автор, лишь придала новый импульс большевистскому проекту по построению однородного (гомогенного) и гармоничного общества (1, с. 7).

Война, пишет Вайнер, укрепила ключевые институты советского режима, прежде всего социально-экономический строй и партийную систему. Получило дополнительный импульс и стремление очистить государство от «вредных элементов», которые препятствовали достижению социальной и политической гармонии. Но в то же время война внесла существенные коррективы в советскую мифологию. В частности, происходит развенчание мифа о Гражданской войне с ее классовым подходом, «наивного и устаревшего» в эпоху современной тотальной индустриализированной войны. Социальное происхождение перестает быть главным критерием при определении статуса человека. Заняв главенствующее положение в пантеоне мифов, легитимирующих революцию, миф о войне выдвинул новые основания для членства в советском обществе и для исключения из него: поведение во время войны и этничность.

Могущество нового мифа складывалось из множества обрядов и ритуалов, сопровождавших советских людей от колыбели до могилы, создавая ощущение причастности к героическим событиям. Названия улиц и памятники напоминали о Великой Отечественной войне, литература и изобразительное искусство, театр и кино прославляли это великое событие, так что его невозможно было игнорировать, пишет А. Вайнер. Господствующее положение мифа о войне обеспечивалось не только советским государством и его пропагандистской машиной, но в не меньшей степени личным опытом каждого, и прежде всего фронтовиков. Именно это гарантировало, что миф переживет само советское государство, утверждает автор (1, с. 20–21).

Свою исследовательскую задачу Вайнер реализует на материале Винницкой области, относительно небольшого региона, занимающего чуть более 27 000 кв. км по берегам Южного Буга. Этот на первый взгляд «тихий сельский уголок» предоставляет историку уникальную возможность рассмотреть эволюцию советской мифологии. Как и в другие части Европы, современная эпоха модерна с присущими ей практиками социальной инженерии и насильственной классификации населения пришла в Винницу с Первой мировой войной. К концу 1915 г. в регионе, который являлся

тогда частью Подольской губернии, царская армия произвела массовые депортации немецких поселенцев и евреев. Затем последовали Гражданская война, коллективизация и голод, и с ними – новые депортации, на этот раз поляков и немцев. Однако худшее началось, когда 19 июля 1941 г. город оккупировали германские войска. Через месяц после вторжения область была разделена: территории между Днестром и Бугом отошли к Румынии и были переименованы в Транснистрию, остальная часть, включая областной центр Винницу, вошла в состав рейхскомиссариата Украина. Нацисты проводили политику депортаций и геноцида (в том числе урезая снабжение оккупированных территорий продовольствием), целью которой было уничтожение как можно большей части местного населения. К моменту освобождения Винницы Красной армией 20 марта 1944 г. в городе оставалось менее четверти от 100 тыс. его жителей. Оккупацию пережили около 20 тыс. проживавших в Винницкой области евреев – примерно седьмая часть. Через 12 лет после окончания войны население области, прошедшее также через голод 1946–1947 гг., еще не восстановилось до довоенного уровня в 2 млн 300 тыс. человек.

Центральное место в книге занимают три темы: трансформация партийной элиты; национальный вопрос на Украине в целом и в Винницкой области в частности; судьба еврейского населения области. Все они вращаются вокруг проблемы формирования под влиянием войны новой советской идентичности в конкретном регионе, однако выводы распространяются на страну в целом.

Вайнер демонстрирует, насколько сложным и противоречивым был этот процесс, какое влияние оказывали на него события довоенного времени. В частности, приводится эпизод с эксгумацией нацистами массовых захоронений 1937–1938 гг. на окраине Винницы, что сделало преступления НКВД всеобщим достоянием. С восстановлением советской власти следовало не только осмыслить прошлое, но и дать оценку наследию войны, которая, как считали многие, несла в себе возможность искупления для прежде «неблагонадежных» элементов. Как показано в книге, по поводу того, что собой представляет наследие войны и кто должен это определять, на местном уровне происходила борьба между фронтовиками и местными партизанами. С другой стороны, имел место конфликт между новыми руководителями – фронтовиками, преимущественно украинцами, и русскими чиновниками, вернувшимися из эвакуации. Автор выявляет социальную модель регенерации местной элиты – привлечение фронтовиков, которые в 1949 г.

составили более 70% винницкой номенклатуры. Он отмечает постепенную, но неуклонную украинизацию областной элиты, которая происходила на фоне борьбы с малейшими намеками на проявление украинского сепаратизма (1, с. 61–62).

В послевоенные годы возникает новый политически одобряемый тип руководителя-фронтовика. Симптоматично, что первый секретарь обкома М.И. Стахурский, железной рукой правивший Винницей с июля 1945 до марта 1951 г., почти не упоминал о своей довоенной карьере в республиканском ЦК, зато подчеркивал, что он «генерал-лейтенант запаса» и был членом военного совета 1-го Белорусского и 2-го Украинского фронтов (1, с. 47–48). Вернувшиеся с войны руководители смотрели на гражданскую жизнь сквозь призму военного опыта, военный миф стал инструментом для укрепления их власти и авторитета. Причем на областном и районном уровнях, менее подверженных прямому вмешательству Москвы, образ руководителя-фронтовика стал средством выражения национальной гордости (1, с. 62).

Фронтовики стремились утвердить ту версию войны, которая основывалась на их собственном военном опыте, восстановить правду и справедливость в отношении подпольщиков и партизан, что считалось вопросом не столько личным, сколько делом политического принципа. Настаивая на своем моральном праве создавать историю войны и делиться ею с современниками, ветераны формировали свою политическую нишу, причем осуществлялось это посредством личных связей, что автор называет самой распространенной формой политической ассоциации в СССР (1, с. 58).

В ходе партийной чистки, которая проводилась на разоренной войной Украине, главным критерием для оценки коммуниста стало его поведение в годы войны. Отвечая на вопрос «Где вы находились во время немецкой оккупации и каким образом остались живы?», тысячи коммунистов на себе ощутили силу «нового легитимирующего мифа о войне», сквозь призму которого оценивались теперь и их карьера, и их убеждения (1, с. 10). Линия на признание заслуг в период войны – фронтовиков либо участников сопротивления оккупантам – продолжалась и в 1960–1970-е годы, когда шла реабилитация членов оклеветанного винницкого подполья.

«Плохое» и «неправильное» поведение в годы войны служило основанием для репрессий разной степени тяжести, здесь играл свою роль и этнический фактор. В книге отмечается, что на фоне «брутализации» публичной жизни в послевоенном СССР происходило все более активное внедрение шовинистской по сути идеологии и

практики. Показана радикализация советской этнонациональной политики – именно в этот период была, в частности, введена бессрочная ссылка для депортированных народов и тех, кто был признан сотрудничавшими с врагом (1, с. 365). Одновременно возникает тенденция, с одной стороны, подчеркивать общенациональный характер жертв войны, что не позволяло выделять евреев как наиболее пострадавшую от фашизма нацию, с другой – обращать особое внимание на заслуги в войне представителей русского и украинского народа.

В Винницкой области особое значение имела проблема украинского национализма, которая усложнилась с присоединением в 1939 г. Галиции. Как отмечает автор, еще в 1930-е годы национализм в Украинской ССР подвергся своеобразной советизации, так что после окончания войны приверженцы этноцентричного сепаратизма, составлявшего основу идеологии ОУН-УПА, не могли получить широкую поддержку в области, на практике убедившейся в том, что «Гитлер намного хуже Сталина». Кроме того, воспитанная в советских ценностях молодежь и вернувшиеся домой фронтовики были резко настроены против сепаратизма. В результате украинский национализм в этом регионе сохранился и продолжал сосуществовать с государством, которое безжалостно расправлялось с бандами сепаратистов и одновременно прославляло объединение «исконных» украинских земель.

Как отмечается в эпилоге, культ Великой Отечественной войны только усиливался по мере отдаления как от Октябрьской революции, так и от самой войны, но он получил и национальное измерение, положив начало, в частности, украинскому «мифу об основании» (foundational myth). Когда Винница праздновала 50-летие со дня окончания Второй мировой войны, основной упор был сделан на преемственности между героизмом украинского военного поколения и созданием (и защитой) новой независимой Украины. Было сказано, в частности, что 8 млн украинцев погибли на войне, но после нее Украина стала членом ООН и других международных организаций. «Война, таким образом, была полностью украинизирована», – заключает автор.

Он отмечает также, что после крушения коммунизма Советский Союз оставил живое и живучее эпическое наследие, которое, с учетом уникальной советской национальной политики, могло быть присвоено разными этносами, затронутыми войной. Так, суверенную Украину создавало молодое поколение партийных аппаратчиков, выросшее на воспоминаниях о войне и о судьбе своей

республики в военные годы. Миф Второй мировой, если рассматривать его с такой точки зрения, занимает уникальное место между образованием и распадом СССР. С одной стороны, надклассовый, кросснациональный характер этого мифа обеспечивал государство той объединяющей, интегрирующей темой, которой ему прежде не доставало. С другой стороны, символическое пространство, допускавшее артикуляцию различных, хотя и не антагонистических, взглядов, сделало возможной также артикуляцию различных идентичностей. Как следствие, миф о войне в многочисленных своих инкарнациях пережил и само государственное образование, которое вело эту войну (1, с. 385).

* * *

Книга британского историка Стивена Ловелла (Лондонский университет) представляет собой заключительную часть трехтомной «Истории России», подготовленной издательством «Блэквелл»¹. Необычны хронологические рамки, охватывающие период с 1941 г., что подчеркивает намерение по-новому осмыслить итоги Великой Отечественной войны и ее влияние на последующую историю Советского Союза. Начиная свое изложение с германской агрессии, автор стремится увидеть войну не столько как катастрофу, которую нужно было пережить и преодолеть, сколько как определяющий фактор, наложивший свою «тень» на ход событий в СССР и постсоветской России (2, с. 4).

Война была не только тяжелой и разрушительной – она принесла с собой новые возможности для советского режима, считает С. Ловелл. Режим получил в свое распоряжение такие инструменты, как новый советский патриотизм и новая консолидированная и лояльная элита; на международной арене в число сателлитов СССР вошли государства Восточной Европы. Таким образом, сбывалось ленинское предсказание о распространении социализма на Запад, а затем, в ходе китайской революции, и на Восток. Война отделила «друзей» от «врагов» советской державы, снабдив ее руководителей новыми критериями «предательства», «трусости», «сотрудничества с оккупантами» для окончательного «очищения» советского

¹ Первые две части см. *Wirtschaft E. K. Russia's age of serfdom, 1649–1861.* – Malden (MA): Blackwell pub., 2008. – XIV, 287 p.; *Weeks T.R. Across the revolutionary divide: Russia and the USSR, 1861–1945.* – Chichester (West Sussex); Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2011. – XIII, 282 p.

общества. После первого катастрофического года войны Красная армия сумела переломить ход боевых действий в свою пользу и вновь стала эффективной боевой силой (2, с. 4–5).

Однако же, явив собой «апофеоз социальной мобилизации», к которой всегда стремилась советская идеология, война наряду с этим высветила и новые угрозы режиму. Трудно было забыть общую деморализацию и падение дисциплины, чем объяснялась сдача в плен более 2 млн советских солдат летом-осенью 1941 г. После окончания войны 12-миллионную армию следовало держать под контролем, учитывая, что фронтовики видели своими глазами, как живет Европа. Кроме того, миллионы советских людей пережили оккупацию, многие из них сотрудничали с врагом, а военнопленные изначально получили ярлык предателей. Особое беспокойство вызывали западные области страны (хотя уровень коллаборационизма на Украине и в Белоруссии мог быть гораздо выше, если бы немцы вели себя иначе, замечает автор). Даже значительно выросшая за годы войны Коммунистическая партия внушала опасения, поскольку в нее могли проникнуть идеологически ненадежные элементы. Так что, пишет Ловелл, даже в момент победы Сталин имел свои причины чувствовать себя «в боевой готовности», и после окончания войны он оставался в центре событий, всячески контролируя процесс создания воспоминаний о ней (2, с. 7).

Процесс формирования образа Великой Отечественной войны и памяти о ней начался еще до ее окончания, причем Сталин (а не партия) занял в ней центральное место. Неудивительно, что целый ряд событий был вычеркнут из официально признаваемого нарратива: репрессии НКВД в Польше и странах Балтии перед вторжением нацистов, военные преступления Красной армии во время ее победного марша на запад в 1944–1945 гг.; массовая паника в Москве в октябре 1941 г., когда распространились слухи об эвакуации правительства из города. Не упоминалось и то, что далеко не все советские люди выполняли в полной мере свой «патриотический долг», даже фронтовикам государство отказывало в должном признании их заслуг, особенно по сравнению с ветеранами в США. К 1948 г. они перестали быть отдельной категорией льготников, отказывали им и в символическом признании, потому что в этот же год День Победы перестал быть государственным праздником.

В период «оттепели» формируется другая версия войны, во многом под влиянием Хрущёва, стремившегося утвердить свои военные заслуги и разрушить монополию Сталина на роль лидера

в войне. В 1950–1960-е годы вышло много книг и фильмов, которые дали более нюансированное человеческое измерение войны, поставили ряд моральных проблем и высветили ее неоднозначность. Эпоха Брежнева подтвердила центральное значение войны для советской самоидентификации; День Победы вновь стал национальным праздником, ветераны стали получать более щедрую поддержку государства. В то же время «заостренность и полемичность», процветавшие в советской культуре хрущёвского времени, постепенно стерлись, на смену им пришла «напыщенность публичного ритуала», хотя и были отсняты несколько достаточно сложных фильмов о войне.

Горбачёв в каком-то смысле являлся первым по-настоящему послевоенным советским лидером, поскольку в момент фашистского вторжения ему было всего 10 лет. Он пережил несколько месяцев оккупации, но для его самоидентификации гораздо большее значение имел 1937 год, чем 1941-й. Начатое при Горбачёве восстановление «темных страниц» советской истории выдохлось довольно быстро, и причина, по мнению автора, заключается в том числе и в том, что репрессии приходили в противоречие с патриотической памятью о войне. Ведь победа в конце концов оправдала все «перегибы» 1930-х годов.

Патриотическая гордость по поводу принесенных жертв, ценой которых была освобождена Европа (тезис, наиболее сложно воспринимаемый англоязычной аудиторией), довольно быстро перешла из плоскости психологии в спонсируемую государством ортодоксию. Начало XXI в. было отмечено возрождением культа Второй мировой войны, который сопровождался резкой враждебностью по отношению к любым попыткам описывать не слишком славные ее стороны. После создания Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России война становится темой, способной вызвать подозрения у архивистов, что сильно напоминает ситуацию, в которой находились в свое время зарубежные исследователи сталинского СССР. И хотя патриотическая пропаганда объявляет Вторую мировую прямой альтернативой 1930-м годам, умолчания и увертки в ее исследованиях вполне сравнимы с тем, что происходило в историографии довоенного сталинизма. Почти ничего не известно о жестокостях советских войск, о репрессиях против мирного населения в годы войны. В сегодняшней патриотической памяти мы наблюдаем «аморальную конкуренцию» по поводу жертвенности среди представителей поколения, никаких жертв не приносившего. В преобладающих

сегодня интерпретациях Второй мировой войны трудно обнаружить факт, что половина пятимиллионного еврейского населения СССР погибла, или что поляки и литовцы после 1939 г. не имели достаточно причин считать Красную армию лучше Вермахта. И малоутешительно то обстоятельство, что умолчания имеют место у всех участников публичных исторических дебатов в Восточной Европе (2, с. 11–12).

Уяснив место, которое занимает война в патриотическом дискурсе, автор обращается к рассмотрению всего хода послевоенной истории, заканчивая изложение 2009 годом. Книга, представляющая собой обобщение (синтез) недавних исследований, организована тематически. Две первые главы («Реформа, реакция, революция» и «От плана к рынку») посвящены «фундаментальным основам»: образу правления и экономической системе, неразрывно связанным в России / СССР с политикой. В следующих двух главах («Структуры общества» и «Публичное и частное») рассматриваются как широкие социологические тренды, так и модели повседневной жизни. Территория и многонациональное население – тема двух глав «Центр и периферия» и «Национальные вопросы», в то время как в последних главах «Геополитические императивы» и «От изоляционизма к глобализации» анализируются отношения СССР / России с внешним миром, причем с точки зрения как дипломатии, так и культуры.

Основное внимание автор уделяет России как будущему (и настоящему) преемнику Советского Союза, рассматривая ход ее истории одновременно в нескольких понятийных рамках. С одной стороны, он не избегает традиционной периодизации «по генсекам», осознавая, однако же, ее условность и зачастую вкладывая иной смысл в общепринятые характеристики «оттепели», «застоя», «эпохи Перестройки». Этому помогает стремление автора избежать «поиска причин распада СССР» в своем повествовании и найти, по его словам, более интересные предметы для изучения.

С другой стороны, изначально поставив задачу преодолеть политическую нагруженность традиционной периодизации, Ловелл обращается к двум парадигмам, позволяющим по-новому интерпретировать 70-летний исторический период.

«Имперская парадигма» предлагает иной взгляд на историю СССР, который в 1930–1940-х годах «принадлежал к лагерю колонизаторов в качестве современной и куда более brutальной версии Российской империи» (2, с. 17). Большевики не только депортировали целые народы, но и – с точки зрения постколониальных ис-

следований – проводили колониальную политику по отношению ко всему населению в целом. Коллективизация и «второе закрепощение деревни» в послевоенные годы, индустриализация и серия законов о труде, не говоря уже о ГУЛАГе, главной целью которого являлась эксплуатация, – всё это свидетельствовало о так называемой «внутренней колонизации». И тот факт, что после окончания Второй мировой войны СССР приобрел политическую власть над странами Восточной Европы, лишь подтверждает его имперскую сущность. При этом, замечает Ловелл, можно сказать, что таким образом был заполнен вакуум, оставшийся после распада восточной части нацистской империи.

С окончанием сталинской эпохи СССР вступил в период внутренней деколонизации, под которой автор понимает не дарование политических прав нерусским народам, а изменение в положении десятков миллионов советских людей, независимо от их национальности, которые из «колониальных подданных» стали полноценными гражданами в современном понимании этого слова. Расформирование ГУЛАГа также явилось составной частью нелегкого по всем меркам процесса деколонизации. А послесталинское руководство начиная с Хрущёва продемонстрировало, что оно вполне серьезно относится к вопросам о благосостоянии своих *граждан*. Массовое строительство, создание всеобъемлющей пенсионной системы, поощрение общественных организаций и, наконец, введение внутренних паспортов для колхозников – вот основные приметы новой политики по отношению к населению (2, с. 17–18).

Вторая парадигма, позволяющая иначе взглянуть на послевоенную историю СССР, «модерность» («современность»), используется автором прежде всего потому, что в XX в. Советский Союз являлся «самым быстрым модернизатором», в кратчайшие сроки создав «новую городскую цивилизацию» со всеми атрибутами модерности: массовым образованием и потреблением (консюмеризмом), снижением уровня рождаемости. Послевоенный Советский Союз, считает Ловелл, пережил «демографическую и культурную революцию, которая являлась логическим продолжением советского проекта урбанизации и модернизации, не будучи при этом вполне совместима с другими ключевыми целями: коллективизмом, равенством, социальным единством, прозрачностью политического контроля. Разлад между обществом и политикой усиливался тем, что многие атрибуты позднеиндустриальной конюмеристской модерности приобрели глобальный характер и имели возможность пересекать даже самые непроницаемые границы» (2, с. 18).

В послесталинский период сформировались «дискурс современного гражданства», приверженность материальному благосостоянию и современный патриотизм, основанный не только на прошлых завоеваниях и современном статусе сверхдержавы, но также на настоящих и будущих достижениях в таких областях, как культура, наука и техника, спорт. Всё это характеризует советскую идентичность, которая продолжает свою жизнь в качестве составной части множества идентичностей, существующих на постсоветском пространстве и в Российской Федерации в частности.

Обе используемые парадигмы имеют объяснительную ценность при анализе причин распада СССР, однако автор в заключение обращается к более критическому их рассмотрению в свете военного опыта. Он указывает на то обстоятельство, что события 1941–1945 гг. представляли собой одновременно войну за освобождение нации и имперскую экспансию. Очень трудно было даже самим советским лидерам отделить одно от другого: что являлось их целью – сохранение политической стабильности и экономической устойчивости Советской России или захват территории и власти для своего спасения. Иногда две эти цели могут сочетаться без особых затруднений, но в случае с созданием Восточной Германии Сталин сильно просчитался, отхватив кусок больше, чем он мог переварить. В результате этих и других решений, принятых в послевоенные годы, Советский Союз получил «раздвоение личности». Предпринимая шаги по «внутренней деколонизации», он ужесточал контроль над странами Восточной Европы, что все более усиливало его имперский характер. Как пишет автор, послевоенная советская империя стала возможной только в результате опустошения континента немцами, но для ее поддержания требовались обширные ресурсы – экономические, военные и идеологические. Распад империи предстает в данном контексте закономерным, и суть событий 1991 г. Ловелл интерпретирует как создание постимперского русского национального государства (либерального, нелиберального или чего-то среднего между ними) (2, с. 316–317).

Это обстоятельство также признается автором достаточно закономерным итогом предшествующего развития, поскольку советская национальная политика создала целый ряд «наций», включая русскую. В послевоенную эпоху СССР являлся не только «инструментом для поддержания векового русского империализма», но также «инкубатором совершенно нового вида русского государства». Так что когда Горбачёв подорвал власть КПСС в центре, на местах были уже готовы к созданию независимой России. И здесь

Ельцин и его сторонники столкнулись с проблемами отделения национального от имперского, которые действительно можно признать уникальными.

Современная Россия пока не решила однозначно многие из них, и противоречивость, несогласованность являются, пожалуй, самыми характерными ее чертами в путинский период. Причём одним из самых сильных источников неоднозначности автор считает Вторую мировую войну, которая стала не только символом советской сверхдержавы, но также и русским национальным символом. История России с 1941 г. «в сущности, является историей о национальном открытии себя, заключенной в оболочку истории империи», или, если перефразировать известный речевой оборот, «советской по форме, национальной по содержанию». И возможно, когда тень войны перестанет лежать на России – через двадцать, тридцать лет, – перед нашими глазами предстанет стабильное, мирное, демократическое национальное государство, заключает С. Ловелл (2, с. 319).

О.В. Большакова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Большакова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, зав. сектором истории России отдела истории ИНИОН РАН.

Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Реферативный сборник

Дизайнер (художник) И.А. Михеев
Компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректоры М.П. Крыжановская, О.В. Шамова
Технический редактор Л.А. Можаяева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 12/III – 2015 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1
Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 11,5 Уч.-изд. л. 9,5
Тираж 300 экз. Заказ № 211

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. / Факс: (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

